

Сергей БЫЧКОВ

**ХРОНИКА
НЕРАСКРЫТОГО
УБИЙСТВА**

Сергей БЫЧКОВ

ХРОНИКА

НЕРАСКРЫТОГО

УБИЙСТВА

Москва 1996

**Издание осуществлено благодаря
финансовой поддержке администрации
Центра Международного бизнеса «Ингушетия»**

Эта книга – не художественный вымысел, а строго документальное журналистское расследование одного из самых загадочных убийств – православного священника Александра Меня. Журналист Сергей Бычков опубликовал первую статью из цикла «Хроника нераскрытого убийства» в газете «Московский комсомолец» 5 сентября 1991 года. На протяжении пяти лет он вел собственное расследование, пристально наблюдая за ходом официального следствия. Расследование, которое ведет Московская областная прокуратура, уже вылилось в 34 полновесных тома. Журналистское расследование уместилось в один том. Книга не повторяет газетных статей, но скрупулезно, год за годом, прослеживает, как шло следствие и в какие тупики оно попадало. Повествование разворачивается ярко и увлекательно, как это подобает детективному жанру. Книга богато иллюстрирована не только следственными фотографиями, многие из которых публикуются впервые, но и редкими фотографиями отца Александра, а также его друзей и близких.

- © С.С.Бычков
- © Михаил Мень. Тексты протоиерея Александра Меня
- © Русское рекламное издательство. Оформление
- © Владимир Хаханов. Обложка

ISBN 5-89229-005-0

КТО ПОДНЯЛ РУКУ НА СВЯЩЕННИКА?

Убит протоиерей Александр Мень. Его труп обнаружен неподалеку от дома, где он жил, близ платформы Семхоз Загорского района Подмосковья. Врачи констатировали смерть от потери крови после нанесенного удара по голове.

В минувшее воскресенье священник, как обычно, вышел из дома в 6.30 утра, направляясь на свой приход, находящийся в Новой Деревне Пушкинского района. Судя по уликам, преступник или преступники встретили его на лесной тропинке, ведущей к платформе. Александр Мень нашел в себе силы повернуть обратно в сторону дома, но прошел всего несколько десятков метров...

Ему было 55 лет. В годы застоя объявлен диссидентом. Он был человеком энциклопедических знаний. Его лекции собирали огромное количество слушателей. На них священник призывал к порядочности, вере в доброту человеческую. На 30 сентября в Москве намечено открытие воскресного православного университета, ректор которого – кандидат богословских наук протоиерей Александр Мень. И вот его не стало...

Протоиерей всеми доступными священнику и порядочному человеку средствами боролся со лжепатриотизмом, антисемитизмом, ущемлением прав людей.

По факту преступления милиция возбудила уголовное дело. Ведется следствие.

*Загорск, Московская область
В.ИТКИН, корр. ТАСС*

10 сентября 1990 г. 12 час. 35 мин.

Протоиерей Александр Мень.
Последнее прижизненное фото.
8 сентября 1990 года. Фото Ю.Росомакина.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга – не биография священника и богослова Александра Меня (1935–1990). Она выросла из статей, опубликованных в газете «Московский комсомолец», начиная с сентября 1991 года, когда миновала годовщина зверского убийства одного из самых светлых людей нашего времени. Мне лично посчастливилось встречаться с отцом Александром, побывать у него дома, он был автором и другом нашей газеты. В 1989 году на празднике «МК», который тогда еще отмечался в парке имени Горького, он принимал участие в «Редакторской беседе», наряду с А.Бовиным и В.Цветовым. Помню, как уже после окончания праздника за ним толпою шли люди, провожая его до ворот. Он умел привлекать к себе самых различных людей.

Его убийство осталось до сих пор нерасследованным, несмотря на то, что тогда же, в 1990 году, были отданы личные распоряжения президента СССР М.С.Горбачева и тогдашнего Председателя Верховного Совета РСФСР Б.Н.Ельцина. Думаю, что трагизм сложившейся сегодня ситуации в нашей стране состоит в том, что убийство Александра Меня оказалось тем камешком, который повлек за собой лавину. И сегодня она набирает скорость, сметая все на своем пути. Если бы тогда правоохранные органы и общество оказались на высоте и убийство было бы своевременно раскрыто, кто знает, быть может, сегодняшняя наша жизнь сложилась совершенно по-иному.

Сергей Бычков предпринял частное журналистское расследование, которое еще не завершено. «МК» сразу же объявил, что тем, кто поможет в раскрытии загадочного убийства, гарантировано высокое денежное вознаграждение. К нашей инициативе присоединилась русско-американская Ассоциация «Христианский мост». Мы верим, что убийцы будут найдены. Именно с этой целью предпринято издание этой книги. Важно напомнить отчаявшимся людям, что есть «высший суд», что «нет ничего тайного, что не стало бы явным!» В книге публикуются новые данные, а также документы, не вошедшие в газетные статьи. Кто знает, быть может, раскрытие этого загадочного убийства сможет предотвратить гибель лучших сынов России.

Главный редактор «МК»
Павел ГУСЕВ

УБИЙСТВО

Нанеся удар, убийца поднял с земли упавший портфель, а его сообщник спрятал под плащ топорик. Оба действовали слаженно, словно автоматы. Если бы в тот момент кто-то наблюдал из кустов, окружавших асфальтированную дорожку, ведущую к железнодорожной платформе, он наверняка бы подивился их хладнокровию. Было шесть тридцать утра. Недавно по этой дорожке прошел подросток и скрылся в густом молочном тумане. Убийцы словно соткались из осеннего тумана, когда на дорожке показалась плотная фигура священника в шляпе, с портфелем в руке. Было ясно, что они дожидались именно его. Как только он поравнялся с ними, они мгновенно зашли сзади и начали нагонять его. Один уже выхватил топорик, напоминаяший томагавк, и занес его над головой спешащего священника. Удар был неслышным. Сбитый с ног священник, обливаясь кровью, рухнул в траву неподалеку от тропинки у трех старых дубов. Портфель упал рядом, а шляпа, разрезанная словно опасной бритвой, откатилась в сторону. Все это заняло несколько секунд. Позади в тумане уже слышались шаги и голоса женщин, спешивших на электричку. Убийцы прибавили шагу и вскоре по каменной лестнице с полуразвалившимися деревянными перилами спустились на железнодорожную платформу. Профессионально окинув взглядом группу людей, ожидавших поезда, один из убийц на ходу поздоровался с еще непроснувшимся мужчиной и вскоре, не снижая темпа, они пересекли рельсы. Уже слышался шум электрички, идущей со стороны Загорска. Оглянувшись еще раз, они увидели двух милиционеров, искавших чего-то у противоположной платформы. Электричка остановилась, и оба исчезли в ее недрах. Казалось, навсегда.

Но священник вскоре поднялся и, несмотря на льющуюся кровь, продолжил путь к платформе. И только подходя к лестнице, обнаружил, что в руках нет портфеля. Он вернулся и растерянно начал искать портфель, не обращая внимания на струящуюся из раны на затылке кровь. К лестнице подошли женщины, спешившие в Троице-Сергиеву лавру, и увидели в тумане фигуру, залитую кровью. Задержавшись на мгновение, они взгляделись и узнали священника. Одна из них спросила:

«Что вы здесь ищете?»

«Портфель», – растерянно ответил священник.

«Вам помочь?»

«Не надо, я сам», – ответил он и в этот момент наконец-то осознал, что случилось нечто непоправимое. Женщины растерянно

поспешили вниз по лестнице, решив, что здесь орудует шайка бандитов. Одна из них беспокоилась о сыне, который вышел из дома раньше. Спустившись по лестнице, они натолкнулись на двух милиционеров.

«Там человек, весь залитый кровью!» – обратились они к ним.
«Мы здесь по другому делу. Ночью поездом сбило женщину, и мы ищем ее сумку», – ответили стражи закона и побрели к концу платформы.¹

Священник, обливаясь кровью, изнемогая от нестерпимой боли, которая неожиданно охватила голову и опускалась к сердцу, побрел в сторону дома. Кровь уже пропитала черную водолазку, пиджак на спине и каплями сочилась на дорожку. И все же он добрал до дома и обессиленно рухнул на ворота. Собаки не залаяли. Воцарилась тяжелая тишина, изредка прерываемая тяжелыми хриплыми стонами. Где-то за лесом появилось сентябрьское солнце, разгоняя туман.

Жизнь православного священника Александра Меня внезапно и трагически оборвалась ранним утром 9 сентября 1990 года. Накануне вечером он выступал с лекцией в Православном университете на Волхонке². Домой, в поселок Семхоз, неподалеку от Загорска, возвращался поздно и один. Вдова вспоминает, что придя домой, он был взволнован. Не раздеваясь, поднялся на второй этаж, всюду включил свет и лишь потом разделся. Может быть, убийцы поджидали его в этот вечер неподалеку от дома. Быть может, они пытались настигнуть его в этот вечер, но тьма и незнакомая местность помешали их замыслу. Несомненно, отец Александр, всегда живший напряженной духовной жизнью, не мог не почувствовать надвигающейся опасности. И тем не менее, он не изменил ритма привычной жизни. Фотографии, которые были сделаны после его последней лекции, запечатлели на лице пастыря предчувствие трагедии. Рано утром 9 сентября он спешил на электричку, которая отходит от платформы в сторону Москвы в 6:40.

Жена священника, находившаяся дома, услышала стоны и вышла. Но через широкий штакетник забора не было видно, кто стонет у ворот. Испуганная, она вызвала «скорую помощь». Позже она вспоминала: **«В семь часов я проснулась от стонов и всхлипываний. Окно комнаты, где я сплю, выходит на улицу и мне все было слышно. Какое-то время я не решалась выйти, за-**

1 – Сбитая женщина, Галина Аникейчик, была невестой Игоря Бушнева, которого спустя пять лет после убийства священника Александра Меня следователи обвинят в совершении этого преступления.

2 – 8 сентября 1989 года отец Александр вместе с В.В.Андреевым и А.А.Николаевым создал Литературно-концертное объединение «Русское слово», которое на самом деле было Православным университетом. После успешного существования в течение учебного года, оно получило название Православного университета – с 1 сентября 1990 года.

тем оделась и подошла к калитке. За ней лежал окровавленный мужчина, узнать, кто это, было невозможно. По телефону вызвала «скорую» и до тех пор, пока не приехала милиция и не попросила подойти к убитому, не знала, что это мой муж». Машина «скорой помощи» приехала спустя полчаса. Дежурный врач П.В.Чернышов рассказывает: «9 сентября в 7 часов 12 минут наш диспетчер Хомутова приняла вызов по телефону. Звонившая женщина сообщила, что у калитки ее дома лежит окровавленный мужчина. Мы быстро собрались и через пятнадцать минут, я, фельдшер Э.Киселева и водитель Е.Глинчиков въезжали в поселок совхоза «Конкурсный», что около станции Семхоз.

Одинокий мужчина махнул рукой вправо, указывая направление. На тихой безлюдной улице около калитки нужного нам дома лицом вниз лежал пожилой мужчина. Руки протянуты вперед, полусогнуты, на голове рана сантиметров 8–9. Ощущение такое, что он из последних сил шел к дому, а перед калиткой силы его оставили и пострадавший сначала опустился на колени, а затем упал на грудь. Услышав шум машины «скорой помощи», залаяли собаки, и из дома вышли две женщины. Мы находились по другую сторону забора. Я спросил, не их ли это родственник или знакомый – они отве-

Протоиерей Александр Мень.
9.09.1990. Следственное фото

Протоиерей Александр Мень.
9.09.1990. Следственное фото

тили, что его не знают и тут же ушли в дом. Дальше работали по схеме – зафиксировали смерть и по рации через станцию «скорой помощи» вызвали милицию. Они прибыли минут через пятнадцать»³. Около ворот образовалась лужа крови – отец Александр погиб из-за огромной кровопотери.

В это время в Сретенском храме его ждали прихожане – он должен был исповедовать. Литургию служил второй священник – отец Иоанн. После окончания литургии несколько встревоженных прихожан поехали в Семхоз. Там, узнав о трагедии, они отправились в Сергиев Посад. Пока в морге происходило вскрытие, прихожане заказали гроб в похоронном бюро, настояв, чтобы его обили белой тканью. В половине первого тело отца Александра было облачено и положено в гроб. Черты лица разгладились – отступил смертный ужас. Лицо белое, без единой кровинки. Вместо катафалка, которого в Сергиевом Посаде не нашлось, милиция предоставила бронированную машину. На следующий день тело было перевезено в Сретенский храм и находилось там вплоть до 11 сентября.

³ – Борис Горев. «Кто убил Меня». Газета «Жизнь», № 0, январь 1991 года. С. 13.

ХОД СЛЕДСТВИЯ

В состав первой следственной группы вошли следователь по особо важным государственным преступлениям Московской областной прокуратуры А.Н.Дзюба (руководитель), майор КГБ Иванов (тот самый, который начинал «узбекское дело» вместе с Гдяном), следователь КГБ Анатолий Мягченков и ряд следователей Московского областного ОВД. Уже на третий день после убийства был арестован сосед отца Александра – уголовник Геннадий Бобков, который охотно сознался в совершенном преступлении: «Мотивы убийства – бытовые. Орудие убийства – топор». Слишком неубедительны показались сначала мотивы убийства. Позже Бобков сознался, что его, якобы, нанял архимандрит Иосиф (Пустоутов), также житель поселка Семхоз, работник Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата. Отец Иосиф часто бывал у отца Александра, дружил с ним. Мотивов для убийства не прослеживалось, Пустоутов с Бобковым не были даже знакомы.

Странности начались почти сразу же. Спустя несколько дней после убийства в следственную группу позвонили, и неизвестный сообщил, что один из прихожан отца Александра, близкий ему человек, сопровождал его вечером 8 сентября до дома, крупно поссорился с ним и угрожал убить. Позже выяснилось, что это была первая «утка». Тем временем провели следственный эксперимент – вывезли Бобкова на место преступления. Эксперимент снимался видеокамерой. На обратной дороге в Москву кассета исчезла. Против следственной группы было тотчас возбуждено служебное расследование.

Спустя четыре месяца, 26 декабря 1990 года, в своей квартире был зверски убит игумен Лазарь (Солнышко), секретарь митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Корреспондент газеты «Известия» Сергей Мостовщиков в своей статье связал убийство отца Лазаря с убийством отца Александра, предположив, что игумен Лазарь был членом «церковной комиссии по расследованию убийства священника Александра Меня». Подобной комиссии не существовало, хотя в октябре уже шла работа по созданию церковно-богословской комиссии по наследию протоиерея Александра Меня под председательством митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Игумен Лазарь в состав этой комиссии не входил.

Жизнь Русской Православной Церкви долгие годы оставалась для россиян тайной за семью печатями. Поэтому, исходя из соображений логики, журналист решил, что Церковь создает параллельную комиссию для расследования убийства своего священника. Он оказался далек от истины. Даже комиссия по богословскому наследию протоиерея Александра Меня была создана лишь через год после его гибели. Но будучи секретарем митрополита Ювеналия, игумен Лазарь, безусловно, был посвящен во все детали проводящегося прокуратурой расследования.

В октябре 1990 года руководитель следственной группы Анатолий Дзюба начал давать интервью. С самого начала расследования

особый интерес к следствию проявили коммунистические газеты. В интервью газете «Рабочая трибуна» 28 октября 1990 года Анатолий Дзюба заявил, что **«убийство отца Александра планировалось заранее»**. В этом интервью он высказал сомнения в том, что именно Бобков является убийцей. Но следственная группа недолго трудилась – в конце февраля 1991 года она была частично распущена, а ее руководителю – Анатолию Дзюбе – пришлось уволиться из прокуратуры. Дзюба успел провести необходимые розыскные действия: он установил личности всех, кто находился в то роковое утро на платформе. Неустановленными оставались лишь двое мужчин лет 30 – 35.

Похоже, что ему удалось напасть на след убийц. Казалось, немедленно следовало бы изготовить «фотороботы». Предполагаемых убийц видели люди – составлены их описания! Но даже спустя пять лет нет этих «фотороботов»! Естественно, что если бы изготовленные «фотороботы» были сразу опубликованы в газетах, шансы задержать преступников резко возросли. А ведь речь шла не о каком-либо ординарном деле, а о том, которое получило мировую огласку, распоряжения были отданы двумя президентами, сам министр МВД СССР Виктор Баранников курировал его...

После того, как в ночь с 1 на 2 февраля в московской квартире был зверски убит игумен Серафим (Шлыков)⁴, руководителем группы назначили следователя по особо важным государственным преступлениям Московской областной прокуратуры Ивана Лещенкова. Согласно источникам, близким к КГБ, эти убийства связывались воедино. Распространялась версия, быть может, рассчитанная на то, что Лещенков еще не успел войти в курс дела, – что все три священника якобы были гомосексуалистами и убийства совершены на «уголовной почве». 16 мая 1991 года Лещенков в интервью еженедельнику ЦК КПСС «Гласность» заявил: **«Нас хотели направить по ложному следу»**. Местами интервью паразитично напоминает цитаты из романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»: **«Кстати, за время работы по расследованию убийства А. Меня следственно-оперативной группой параллельно раскрыто 141 преступление: одно убийство, шесть тяжких телесных повреждений, три изнасилования, семьдесят три кражи личного и шестнадцать краж государственного имущества, изъято четыре единицы огнестрельного оружия»**. Стоит сравнить с эпилогом «Мастера и Маргариты»: **«Следствие по его делу (профессора Воланда) продолжалось долго. Ведь как-никак, а дело это было чудовищно! Не говоря уже о четырех сожженных домах и о сотнях сведенных с ума людей, были и убитые... Кроме того, некоторые незначительные неприятности постигли кое-**

4 – Донеыне остаются нераскрытыми убийства игумена Лазаря Солнышко и игумена Серафима Шлыкова.

Из неофициальных источников стало известно, что в ноябре 1991 года был арестован некий подозреваемый в убийстве московских священников – игуменов Лазаря и Серафима. На счету у подозреваемого четыре убийства. Он якобы уже задерживался до этого по подозрению в убийстве отца Александра...

кого из людей. Произошло несколько арестов. В числе других задержанными на короткое время оказались в Ленинграде – Вольман и Вольмер, в Саратове, Киеве и Харькове – трое Володиных, в Казани – Волох, а в Пензе, и уже совершенно неизвестно почему, – кандидат химических наук Ветчинкевич... Правда, тот был огромного роста, очень смуглый брюнет...»

Спустя месяц Лещенков в очередном интервью еженедельнику «Гласность» (№ 24) заявил: есть сведения, что убийца «**близок к раскаянию, готов явиться с повинной, но еще не решился, так как боится...**» По-видимому, убийца, в котором следователь подозревал наличие пробудившейся совести, так и не решился явиться с повинной. Скорее же всего, кто-то решительно направлял следственную группу по ложному следу. Таинственная рука, которая решительно вмешивалась в работу следственной группы всякий раз, когда она нащупывала что-то реальное, обнаруживалась на протяжении всех долгих лет следствия. Поскольку после крушения КПСС наиболее влиятельным оставался Комитет госбезопасности, многократно переименовываемый реформатором-Президентом, то можно предположить, что давление на следственную группу оказывалось влиятельными чекистами.

ОТКЛИКИ ПРЕССЫ

Первая публикация («МК», 05.09.91), посвященная *расследованию* убийства протоиерея Александра Меня, вызвала многочисленные отклики в прессе. Отмалчивался Комитет по свободе совести Верховного Совета РСФСР, а также аппараты обоих президентов – СССР и РСФСР, отдавших личные распоряжения о расследовании убийства протоиерея Александра Меня.

Когда критики справа и слева утверждают, что Россия еще не доросла до демократии, они, вероятно, преувеличивают. Один из важных признаков демократического общества – свободная пресса. Поскольку убийство отца Александра всколыхнуло все слои общества, освобожденная Михаилом Горбачевым пресса с первых же дней активно подключилась к расследованию этого загадочного убийства. В 1990 году российская пресса еще делилась на два стана – на влиятельную партийную, коммунистическую – и свободную, демократическую, бывшую тогда в меньшинстве. Свободная пресса – «Московские новости», «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва» публиковали самые различные гипотезы и точки зрения. Партийная пресса придерживалась старых, испытанных традиций и публиковала только официальные точки зрения. Свободная пресса опережала следствие, особенно после февраля 1991 года, когда Московская областная прокуратура сменила руководство следственной группы, от-

странив Анатолия Дзюбу. По сути, свободная пресса проводила свое собственное расследование и, необходимо отдать должное новому руководителю следственной группы Ивану Лещенкову, внимательно следившему за всеми выступлениями прессы, касающимися убийства отца Александра. Он аккуратно собирал вырезки из газет и журналов и проверял новые сведения.

Многие зарубежные обозреватели сопоставляли убийство отца Александра Менья с убийством польского священника Ежи Попелушко. Действительно, убийство православного священника вызвало многочисленные отклики не только в нашей стране, но и за рубежом. Однако демократическая пресса довольно быстро утратила интерес к ходу следствия, и лишь партийная с завидным упорством продолжала предоставлять свои страницы руководителю следственной группы. В интервью еженедельнику ЦК КПСС «Гласность» Иван Лещенков на вопрос о причастности к убийству Бобкова заявил: **«Серьезно говорить об этом не стоит. Сознавшийся некто Бобков, личность неуравновешенная. Все его утверждения были опровергнуты».** Остается добавить, что Бобков весной 1991 года все же был осужден, но за кражу.

Не остался в стороне журнал националистической ориентации «Молодая гвардия» – еще в июле 1990 года заклеивший отца Александра. Откликнулась на убийство и правая газета «Речь» (№ 3, сентябрь – октябрь 1990 года). На страницах этой газеты Зиновий Пыльдь связывает убийство отца Александра с сектой национал-патриотов под руководст-

Протоиерей Александр Мень.
9.09.1990. Следственное фото

вом В.И.Емельянова. В.И.Емельянов, кандидат экономических наук, ярый борец с «жидомасонством», провел почти семь лет в психиатрической больнице. Действительно, в своей «Записке», поданной в ЦК КПСС еще в конце семидесятых годов, он призывал к борьбе с масонами, к которым причислял А.И.Солженицына, а также православных священников Димитрия Дудко и Александра Меня. Ни зима, ни весна 1991 года не принесли новых фактов об убийстве, казалось, что о нем прочно и основательно забыли. В июне 1991 года еженедельник «Совершенно секретно» предпринял попытку напомнить об отце Александре публикацией «На чьей совести крест?» Но страна жила уже другими заботами.

Сегодня в памяти многих граждан России совершенно стерлось то необычайное возбуждение, которое охватило россиян после празднования тысячелетия Крещения Руси. 1988 год стал переломным для страны, очнувшейся после долгой и тягостной спячки. Люди неожиданно поверили в то, что можно изменить жизнь, что Россия окончательно и бесповоротно стряхнула с себя одурь коммунизма.

Это состояние можно сравнить с ключевыми моментами истории России, о которых сохранились весомые свидетельства. Историк русской мысли, профессор-протоиерей Георгий Флоровский пишет о 60-х годах прошлого столетия: **«Это было время большого общественного и социально-политического возбуждения, время так называемых «великих реформ», а затем и «обратного хода». Это было время очень решительных сдвигов и глубочайших пере slavиваний во всем составе и сложении русского общества, русского народа... Но прежде всего, это был снова, как и в «тридцатые годы», некий душевный сдвиг или «ледоход». Об этом согласно свидетельствуют совсем разные люди, люди разных поколений, пережившие тогда этот искус и опыт «эмансипации». Даже слова у них невольно оказывались одинаковые... Страх остроумно называл эти годы сразу после Крымской кампании временем «воздушной революции». «То был чад молодости, который зовется любовью», – говорит Шелгунов. «То было состояние влюбленных перед свадьбою», – говорит Гиляров-Платонов. «Метались, словно в любовном чаду», – вспоминает Стасов».**⁵

Удивительно и то, что пробуждение россиян вновь, как и в прошлом столетии было связано с поражением в локальной войне. Тогда Россия потерпела поражение от Турции, поддерживаемой европейскими государствами. В XX столетии – на чужой территории, в Афганистане. Вывод российских войск из Афганистана означал, что в общественной жизни настал решительный перелом. Провал коммунистического путча в августе 1991 года окончательно раскрепостил прессу, но не только ее. Вырвались освобожденные души разрушения – эпоха освобождения от коммунистического ига постепенно перерастала в эпоху криминальной революции. Реальность быстрого обогащения словно лихорадка охватила многих граждан. Обнищание детей и стариков в результате гайдаровских реформ, окончательно расслоило общество. Телевидение напере-

⁵ – Г.В. Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 285.

бой принялось воспевать «новых русских», которые участвовали в непонятных игрищах, каждый раз выигрывая все больше и больше.

В этой атмосфере убийство православного священника постепенно оттеснялось на задний план. В еженедельнике «Московские новости» 30 сентября 1990 года была опубликована заметка корреспондента польского еженедельника «Лад» Артура Михальски. С изумлением он говорил о всеобщем равнодушии: **«Не столько само убийство свидетельствует о состоянии общества, сколько реакция общества на него»**. После того, как в августе 1991 года потерпела крах попытка переворота, наиболее памятливые вспомнили, что еще в конце августа 1990 года на картофельных полях Подмоскovie неожиданно появились десантники. Не стоит забывать, что государственный террор всегда был мощным средством дестабилизации общества. Когда-то Александр Пушкин с горечью сказал о наших предках: **«Они любить умеют только мертвых...»** Увы, даже эта добродетель, вызывавшая горькую усмешку на устах поэта, истреблена ныне – мы разучились любить наших мертвых!

За год до гибели отец Александр писал: **«Я уверен, что рост преступности проистекает не от слабости правоохранительных органов, хотя и к ним предъявляют немало обоснованных претензий. Даже если увеличить вдвое состав работников МВД, усовершенствовать методы следствия, судопроизводства, ужесточить законы, коренная причина преступности не будет устранена. Не уничтожит ее и повышение жизненного уровня (все знают, что часто правонарушители – дети из обеспеченных семей)**.

Для человека недостаточно «читать уголовный кодекс». Если в нем самом не будет жить и развиваться дух человечности, он рано или поздно станет «потребителем», циником, обывателем, сделает своим символом веры шкурнические интересы. А от этого до преступления – один шаг. Если нравственные основы жизни – иллюзия, условность, то страх перед наказанием едва ли сможет стать надежной плотиной от волн человеческого зла. Вот почему для отца Брауна, героя детективных рассказов Г.К.Честертона, было важно не столько разоблачить преступника, поймать его, сколько пробудить в нем совесть».

Отец Александр считал, что важно пробуждать в людях не только голос совести, важно знакомить их с нравственными принципами, заложенными в христианстве. И определяющую роль он отводил в этом деле неформальным молодежным движениям: **«Пусть пока у нас нет опыта. Но мы не должны стыдиться заимствовать опыт из нашего прошлого и у наших зарубежных братьев по вере. Неформальные движения религиозной молодежи – дело будущего. Но это вещь вполне реальная и конституционная. Если, повторяю, она будет не анархической, а связанной с фундаментальными принципами Церкви и религии, она не повредит обществу в целом, а будет только способствовать его оздоровлению»⁶**.

⁶ – Протоиерей Александр Мень. Молодежь и идеалы. Ежемесячник «Совершенно секретно», № 2, июнь 1989 года. См. Приложение № 17.

ГЛАВА II

ВЕРСИИ

Итак, следствие ограничилось четырьмя версиями, которые разрабатывались следственной группой еще возглавлявшейся А.Н.Дзюбой: уголовной, сионистской, антисионистской, политической.

БЫТОВАЯ

Учитывая невысокий интеллектуальный уровень Геннадия Бобкова – он был ранее судим, вел, как тогда говорили «антисоциальный образ жизни», то есть не работал, пил, изредка подворовывал – трудно предположить, что сам он, без чьей-либо подсказки, мог выдумать довольно правдоподобную версию. Конечно, Иван Лещенков не договаривал – если кто-то пытался направить следствие по ложному следу, то следователь наверняка знал этого таинственного кого-то. Неоднократно и до этого случая пресса раскрывала тайны следствия, когда из подследственного «выбивали» необходимую версию признания, а настоящий преступник продолжал разгуливать на свободе и совершать новые преступления. Но этот вариант вряд ли подходил к случаю с Бобковым, который долгое время «путал» следствие, указывая то одно место, где он якобы спрятал топор, то другое, то третье. Топор так и не был найден, как, впрочем, и портфель священника.

После нескольких месяцев следствия Бобков отказался от своих показаний и заявил, что его силой в Загорской тюрьме заставили подписать их. Это также выглядит маловероятным, поскольку известно, что, находясь в тюрьме, Бобков сам вызвал ночью оперуполномоченного и заявил, что готов дать показания. Будучи в здравом уме, он не мог не понимать, что подобное признание может стоить ему жизни. И, тем не менее, признался в преступлении, которого не совершал. С такой же легкостью через несколько месяцев он отказался от своих показаний. Но общество уже было введено в заблуждение заявлениями тогдашнего министра внутренних дел Виктора Баранникова, что убийца схвачен и вот-вот предстанет перед судом. Так было усыплено не только российская, но зарубежная общественность.

Эта версия сводится к тому, что отца Александра якобы убили сионисты, потому что он не благословлял на отъезд из СССР своих прихожан-евреев, стремившихся выехать в Израиль. Это не совсем верно. Некоторым он настоятельно советовал покинуть страну: тем, кому грозил арест, а КГБ предоставлял выбор – либо арест, либо отъезд, как это было с А.Э.Красновым-Левитиным.

Отец Александр считал, что массовый отъезд христиан-интеллигентов «обескровит» Россию. Но в каждом индивидуальном случае отец Александр подходил к этому вопросу неординарно. Если следовать этой версии, то возникает ряд вопросов: существует ли в России мощная сионистская организация? Располагает ли она боевиками? Ведь для совершения преступления нужны хладнокровные, тренированные люди. Убийство отца Александра, как это явствует из материалов следствия, было совершено профессионалами высокого класса.

Сионистская версия еще раз подтвердила, что «таинственная рука» существует и постоянно вмешивается в ход следствия. Когда скрупулезный Иван Лещенков разобрался с другими версиями и отверг их, неожиданно появился новый персонаж – бывший иеродиакон Михаил Потемкин, щуплый юноша лет 25, когда-то служивший в Литовской епархии, а затем вернувшийся в Москву, где родился и вырос. Он неоднократно заявлял во всеулышание, что присутствовал на квартире игумена Лазаря Солнышко в трагическую ночь, когда тот был зверски убит. Причем, довольно связно излагал версию убийства игумена.

Михаил Потемкин был арестован вскоре после убийства игумена Лазаря и полтора года находился в Бутырской тюрьме без предъявления обвинения. Неожиданно он заявил, что убийство игумена Лазаря – дело рук сионистских боевиков и что игумен был связным между отцом Александром Менем и его зарубежными покровителями. Более того, Потемкин утверждал, что письма и деньги, которые пересылались отцу Александру с Запада, попадали сначала к игумenu Лазарю, а он передавал их Меню.

Причину убийства отца Александра он видел в том, что православный священник препятствовал эмиграции евреев из России. А сионисты якобы получали немалые деньги за каждого еврея, который покидал пределы СССР. Выстраивалась правдоподобная версия, которая в конце концов пленила такого опытного профессионала, как Иван Лещенков. Одна скромная деталь разрушала это стройное здание – Михаил Потемкин еще с «застойных времен» был известен как провокатор КГБ. Именно он передал в начале 80-х годов пакет с документами американскому журналисту в Москве Данилоффу, который был арестован в момент передачи этого пакета. Данилофф был посажен в тюрьму, а Потемкин остался на свободе.

Это одна из самых запутанных версий, которой уделялось немало внимания. Таинственный «кто-то», желающий направить следствие по ложному следу, постоянно наталкивал его именно на эту версию. Действительно, анонимное «Письмо священнику Александру Меню»⁷ появилось в начале 1976 года и имело широкое хождение в Самиздате. Читал его, конечно, и отец Александр. В течение пятнадцати лет оно постоянно «всплывало» как в христианских, так и в национал-патриотических кругах.

Многие полагают, что христианство и национализм – вполне совместимые вещи. Более того, часто выдвигается тезис о том, что есть неистинные христианские конфессии, или, как их еще называют в православных кругах, – «поврежденные». Порою утверждается, что только Православие сохранило первоначальное христианство в «неповрежденном» виде. При этом опираются, как на нечто само собой разумеющееся – на достоинства и незыблемые добродетели русского народа, который единственным сумел сохранить Православие. Так в сознание верующих людей внедряется мысль о том, что в природе русского человека существуют особенные добродетели, которые выделяют его из семьи созданных Богом наций. Происходит смешение христианства и национализма, причем христианство оттесняется на задний план, а порою и совершенно поглощается национализмом, становясь лишь его идеологическим придатком.

Для верующего христианина Священное Писание является тем источником, откуда он черпает ответы на все вопросы. Когда он сталкивается с подобным подходом к христианству, то Священное Писание устами апостола Павла отвечает четко и недвусмысленно: «Ибо вы, которые были крещены во Христа, все вы облечлись во Христа. Нет Иудея, ни Еллина, нет раба, ни свободного, нет мужчины, ни женщины: ибо все вы – одно во Христе Иисусе». Эти слова апостола Павла из его послания к Галатам говорят о том, что когда человек принимает крещение, то он вступает в благодатное Царство, в котором как национальные, так и социальные различия отходят на задний план. Более того – перед Христом и во Христе отступают и половые различия. Поэтому ни одна нация, как бы ни были велики ее заслуги перед человечеством, не вправе гордиться своими заслугами и на их основании требовать к себе особенного отношения.

Суть обвинений, предъявленных отцу Александру, сводилась к следующему: он является «постовым сионизма в лоне Русской Православной Церкви». Цель его служения – направлять входящих в лоно Православной Церкви интеллигентов по ложному пути, ведущему «к диаволопоклонству». Национализм всегда, наряду с упоминанием заслуг одной нации, стремится унижить другую. Поэтому в сознании националиста всегда сосуществуют такие понятия, как «добрая» и «злая» нация. Вынужденный объяснять происхождение зла, националист

⁷ – См. полный текст письма в Приложении № 13.

ищет ответа не в Священном Писании, а в тех «преданиях старцев», на которые постоянно обрушивал Свой гнев Иисус Христос. В сознание современного православного человека в течение долгих лет внедрялся миф о всемирном заговоре «Сионских мудрецов», которые якобы правят всем миром. Истоки этого мифа восходят к началу XX столетия, когда публицист правого толка Сергей Нилус опубликовал фальшивку – «Протоколы Сионских мудрецов». В середине 30-х годов фальшивка была разоблачена, но успела внедриться в сознание не только россиян, но и других наций, в том числе и в нацистской Германии.

Для христианина одним из краеугольных камней, на котором зиждется его вера, является сознание того, что миром управляет Бог, что Он не оставил его. Для националиста Бог подменяется некими злыми силами, которые персонализируются в образ «сионских мудрецов». Именно они, по его мнению, управляют миром, и Бог не в состоянии ничего сделать, чтобы изменить ход событий, которые развиваются катастрофически. Так христианство подменяется даже не манихейством, поскольку в манихействе Бог и сатана – это две равновеликие силы. Национализм подменяет христианство новой ересью. Подобная точка зрения излагается в письме анонима.

Это анонимное письмо было откликом на появившееся в № 11/1975 журнала «Евреи в СССР» интервью отца Александра. Интервью тогда же подтолкнуло известного правозащитника И. Шафаревича выступить в адрес отца Александра с рядом обвинений. В отличие от письма анонима, на которое отец Александр не посчитал нужным ответить, И. Шафаревичу он ответил.⁸

Суть «антисионистской» версии сводится к тому, что убийство отца Александра – дело рук православных архиереев. В последние годы жизни популярность отца Александра резко возросла, поскольку оказалось, что он едва ли не единственный священник, подготовленный к диалогу с широкой аудиторией. Эта версия до сих пор настойчиво внедряется в сознание наших граждан. Публикация в «Аргументах и фактах» открытий бывшего гебиста (№ 39, 1991) наиболее серьезна: «Бывший сотрудник православного отдела КГБ» сообщает, что отец Александр перед смертью якобы получил «материалы, компрометирующие высшее церковное, партийно-государственное и чекистское руководство».

Во-первых, отец Александр сознательно устранился от участия в политической жизни. Во-вторых, будучи мудрым человеком, он никогда бы не взял никаких документов из рук незнакомых лиц, прекращая понимать, что это, скорее всего, провокация. В-третьих, компрометирующие документы «на высшее церковное, партийно-государственное и чекистское руководство» давно уже опубликованы, как на Западе, так и в России. Достаточно посмотреть хотя бы материалы в еженедельнике «Московские новости» (№ 32, 1991) – «Крушение атеистической империи». Но и в этой дезинформации есть зерно – не стоит удивляться, если портфель отца Александра вдруг обнаружится, и в нем изумленные следователи обнаружат «компромат» на постоянных членов Священного Синода Русской Православной Церкви.

⁸ – См. Приложения № 10, 11, 12.

Эту версию одновременно выдвинули два депутата Верховного Совета РСФСР, когда-то близкие друзья отца Александра – священники Глеб Якунин и Алексей Злобин.

В течение всей своей жизни сознательно устранившись от политики, отец Александр отчасти изменил этому правилу в последний год. Он принял предложение Чингиза Айтматова и в мае 1990 года вместе с группой интеллектуалов поехал в Западную Германию. Эта поездка предваряла визит М. Горбачева и имела цель подготовить немецкую интеллигенцию к визиту президента СССР. Отец Александр принял участие в богословской конференции и выступил с докладом. Естественно, что бывших «опекунов» из КГБ его растущая известность должна была раздражать. Но они никак не могли помешать его популярности, поскольку полнота власти уже ускользала из их рук.

Какие же цели, преследовало убийство «по политической версии»? Если учесть, что подготовка к путчу началась еще в конце августа 1990 года, в этом случае убийство известного не только в нашей стране, но и за рубежом священника и богослова, должно было взволновать широкие массы. Тщательно спланированное, во многом напоминающее загадочное убийство поэта и переводчика Константина Богатырева в 1976 году, оно почти не имело шансов на раскрытие⁹. Последующие убийства священнослужителей – двух игуменов –

⁹ – 26 апреля 1976 года на поэта и переводчика Константина Богатырева было совершено нападение на лестничной площадке дома, в котором он жил. Вечером он возвращался из магазина и, когда вышел из лифта, то неизвестный напал и сильно ударил его. Константин упал, потеряв сознание. Когда приехали врачи, то обнаружили перелом основания черепа. Константин прожил еще почти два месяца и скончался в больнице 18 июня. Его судьба была неординарна – сын известного филолога Петра Богатырева, он юношей был призван в конце войны в действующую армию. Воевал, был в Германии, культуру которой знал и любил. После войны поступил в МГУ, изучал германистику. В 1950 году был арестован. По нелепому доносу обвинялся в том, что пытался взорвать Кремль. Был приговорен к смертной казни. В течение шести недель ожидал исполнения приговора в страшной Сухановской тюрьме, но в 1951 году смертная казнь была заменена 25 годами лагерей. Константин Богатырев был освобожден лишь в 1956 году, после XX съезда. Всю жизнь он жил так, словно оставался гражданином свободной страны – говорил то, что думал, встречался с теми, кто нравился ему, даже если это были иностранцы. Дружил с академиком Андреем Сахаровым, писателем Владимиром Войновичем, поэтом Геннадием Айги. Он не задумываясь помогал диссидентам, переправлял за рубеж рукописи и обращения. Видимо это обстоятельство решило его судьбу. Его гибель потрясла интеллигенцию. После заказных убийств 30–40-х годов, организованных Ягодой, Ежовым и Берией по указанию Сталина, это было первое убийство послесталинской эпохи, в котором чувствовалась рука госбезопасности. Несмотря на то, что дом, в котором проживал Богатырев, был ведомственным и у лифта постоянно находился дежурный, убийца не был найден.

Лазаря и Серафима, были направлены, по-видимому, на то, чтобы заронить в сердца обывателей сомнение в эффективности работы правоохранительных органов. Сторонники сильной власти использовали беспомощность следственных органов. Еще бы, два президента отдают личные указания о расследовании, а оно не движется! Более того, руководитель группы, следователь по особо важным государственным преступлениям А.Н.Дзюба в тот самый момент, когда он отверг ложную версию, неожиданно был отстранен от руководства и вынужден уволиться из прокуратуры.

Высокий и постоянно растущий в те годы авторитет Русской Православной Церкви беспокоил тех, кто разрабатывал и планировал убийство. Версия КГБ, прозвучавшая в феврале 1991 года из уст одного из опальных чекистов, что все три священника связаны

между собой и являются гомосексуалистами, свидетельствует о том, что, по-видимому, в тщательно разработанный план убийства входило разоблачение пороков, которым подвержены некоторые лица из высшего епископата Русской Православной Церкви. Если бы организаторам убийства удалось бросить тень на отца Александра (в обширной статье Н.Домбковского «Крест на совести», при всем желании, КГБ не смог очернить его), затронув и высший епископат – в этом случае цель была бы достигнута.

По силе удара эту акцию, если бы она осуществилась, можно сравнить лишь с организованным вскрытием мощей русских святых в начале 20-х годов нашего века. В течение многих столетий в сознании русского человека бытовало мнение, что основной признак святости – нетление мощей. Как нечто само собой разумеющееся, принималось на веру убеждение в том, что если тело обычного человека истлевет и превращается в прах спустя 50 лет после его смерти, то останки святого естественно мумифицируются. К сожалению, это народное заблуждение не рассеивали православные богословы, с ним не боролся епископат.

Протоиерей Александр Мень.
9.09.1990. Следственное фото

Поэтому когда в начале 20-х годов большевики предприняли массовое вскрытие мощей, это привело к массовому отпадению простого народа от Церкви. В раках, где хранились мощи святых угодников, находили кости животных, муляжи, а некоторые останки святых представляли собою подобие кукол, поскольку мощи вообще не сохранились. Все это преподносилось воинствующими атеистами как обман Церкви. На самом же деле святость того или иного угодника определяется, как это явствует из постановлений Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917–1918 годов, всенародным его почитанием и совершением чудес по его молитвам...

В каждом, даже тщательно запланированном убийстве, возможны неожиданные ситуации. Неверующие люди не учитывают немаловажный фактор – живое участие в нашей жизни Бога. Кому-то покажется, что убийство православного священника, столь деятельно всю свою жизнь трудившегося на миссионерском поприще, означает неудачу его дела. В обычной жизни понятия успеха или неудачи совершенно иные, нежели в области духовной. Если человек богат, здоров, имеет детей, доживает до глубокой старости – это означает, что он не зря прожил свою жизнь. Как нечто само со-

Разрубленная шляпа Александра Меня. 9.09.1990.

бой понимающееся, за счастье принимают безбедную, полную до-
вольства жизнь.

Духовный человек ориентируется на другие ценности. Непре-
ложную ценность имеет для него жизнь Господа нашего Иисуса
Христа. С обычной, мирской точки зрения жизнь Христа неудачна –
до 30 лет Он плотничал в маленьком провинциальном городке, за-
тем в 30 лет вышел на проповедь, которая длилась три года. Среди
Его учеников были в основном простые, незнатные и неученые лю-
ди. Окончил Он свою жизнь на кресте в 33 года, был распят как раз-
бойник. Полный крах! – так казалось многим людям, которые с вни-
манием следили за Ним. Понадобилось три столетия, чтобы Его
учение завоевало мир.

Но оно не стало всеобщей, всечеловеческой идеологией. На
протяжении столетий Христа отвергали, забывали, пытались ис-
пользовать для достижения земных целей. Оно до сих пор для
большинства живущих остается загадкой, тайной за семью печатя-
ми. Неужели ради этого стоило страдать, погибнуть позорной
смертью?

Человеческая жизнь обретает необычайную ценность, если
человек соотносит ее с Божественной волей. Приход каждого чело-
века в мир – не свободный акт выбора. Нас никто не спрашивает, хо-

Рана на голове Александра Меня. 9.09.1990.

тим мы родиться или нет. Более того, никто нас не спрашивает, желали ли мы родиться именно в России и именно в XX веке? Случайность это или нет? Если над нами, как писал Александр Блок «ясность Божьего лица» – значит, все это не случайность. Важно постичь смысл происшедшего, разгадать задачу, которую поставил перед нами Творец, когда посылал нас в этот мир.

Отец Александр Мень видел свою задачу в том, чтобы говорить о Христе на языке, понятном нашим одичавшим за годы коммунистического владычества соотечественникам. Это ему удалось сделать в полной мере. Он сумел воспитать плеяду учеников, которые продолжают его миссионерскую работу в самых различных сферах нашей жизни. Божий промысел, – так обычно называют участие Творца в нашей повседневной жизни, – возвысил отца Александра, предоставив ему возможность даже в смерти подражать возлюбленному Сыну – Иисусу Христу. Отец Александр был убит не во сне, не во время работы над очередной книгой, а в тот момент, когда спешил в Божий храм на богослужение.

По-видимому, Божьему Промыслу были угодны и тупики, в которые попадало следствие. Сегодня ясно, что один из них – бытовая версия. Г. Бобков, уже отбывший двухгодичный срок за кражу, мог бы рассказать немало интересного о том, почему назвал неизвестного ему человека инициатором убийства. Жаль, что следствие не остановилось более обстоятельно на этом факте. Один из референтов директора госбезопасности рассказал автору этих строк в конце 1991 года, что по своим каналам они проверили все возможные варианты бытовой версии. Почти в каждой преступной группировке есть информаторы госбезопасности. Через них стало известно, что уголовный мир не причастен к убийству православного священника. Но и потом, на протяжении последующих пяти лет, следствие постоянно возвращалось именно к бытовой версии.

Следствие пришло к выводу, что убийство было запланировано на вечер 8 сентября 1990 года. Ранним утром этого дня соседка отца Александра на тропинке встретила довольно приметного незнакомого человека, который внезапно вышел из леса и так же внезапно скрылся. Позже, во время трансляции погребения отца Александра по московскому телевидению, она узнала неизвестного – он стоял неподалеку от могилы. Узнали этого человека и некоторые из прихожан – он несколько раз приходил в храм и даже разговаривал с отцом Александром незадолго до убийства. То, что вечером 8 сентября отец Александр вернулся домой взволнованным, не раздеваясь, прошел на второй этаж и включил повсюду свет, также наводит на мысль, что поджидали его, видимо, вечером.

Почему же был выбран именно этот день? В анонимном письме 1976 года поднимается вопрос о наличии ритуальных убийств в

иудаизме. Эта вульгарная идея до сих пор живет в умах наших сограждан и постоянно насаждается идеологами правого толка. Даже убийство певца И.Талькова они склонны трактовать как кровавое жертвоприношение иудеев. Православная Церковь всегда выступала против подобных взглядов, начиная с процесса Бейлиса¹⁰. Подталкивая следствие в тупик, организаторы убийства инспирируют слухи о том, что ритуальные убийства совершаются в канун еврейского Нового года. Слухи о ритуальной подоплеке убийства отца Александра постоянно распространяются не только обществом «Память». Анонимное «Письмо священнику Александру Меню» вновь получило широкое хождение в 1991 году – вплоть до продажи его машинописного текста в переходе под Пушкинской площадью.

С исчезновением иеродиакона Михаила Потемкина (он ныне преподает историю в Мадриде) и с отстранением руководителя следственной группы Ивана Лещенкова в 1994 году сионистская версия также зашла в тупик. Хотя мы еще вернемся к ней для более подробного рассмотрения.

Попытаемся найти хотя бы обрывки логики в совершенном преступлении, хотя, занятие это почти бессмысленное. Зло лишено смысла, более того – оно сметает обычные построения человеческого разума. И все же рассмотрим, кому было выгодно убийство видного православного священника в российском обществе. Вернемся к событиям пятилетней давности: скомпрометированы следственные органы, которые и сегодня топчутся на месте. Личные распоряжения М.С.Горбачева и Б.Н.Ельцина о расследовании убийства не продвинули следствие ни на шаг. Все это свидетельствует о длящемся параличе власти, подрывая и без того невысокий рейтинг «демократов». Сторонники сильной власти получили возможность доказательно критиковать своих противников, неспособных стабилизировать ситуацию в стране, которая приобрела характер перманентной криминальной революции.

Польский журналист Артур Михальски писал: **«Когда мир узнал об убийстве отца Ежи Попелушко, Папа Иоанн Павел II сказал: молюсь, чтоб из этой смерти выросло добро»**. Начало перестройки было ознаменовано фильмом Абуладзе «Покаяние». С тех пор мы слышали много красивых слов о необходимости покаяния. Путч в августе 1991 года показал, что идея покаяния остается непонятой нашим обществом. Подлинное покаяние – это глубинная пере-

¹⁰ – В брошюре «К канонизации новомучеников российских» (М., 1991), подготовленной Комиссией Священного Синода Русской Православной Церкви по канонизации святых, сама возможность ритуальных убийств в иудаизме решительно отвергается: «Всем известно, что русское духовенство не только не принимало участие в создании дела Бейлиса, но и наоборот, лучшие и учнейшие представители духовенства боролись против лежащих в основе процесса представлений о ритуальных убийствах у иудеев».

мена мыслей и твердая решимость раз и навсегда отказаться от греха. Казалось бы, коль скоро Россия встала на цивилизованный путь развития, почему не были назначены парламентские слушания по делу об убийстве отца Александра? Депутатами Верховного Совета РСФСР были друзья убитого – священники Глеб Якунин и Алексей Злобин. Почему парламентарии не сочли нужным выслушать прежде всего следователей – кто мешал им, кто вынудил уволиться из прокуратуры Анатолия Дзюбу, кто подсовывал очередного раскаявшегося убийцу Ивану Лещенкову? Перед парламентом могли бы выступить свидетели и близкие отца Александра. Только так мы могли избавиться от страха, сковавшего нашу страну. Пока совершаются безнаказанные убийства, общество не может считаться здоровым.

Когда обвиняют Прокуратуру Московской области, которая в течение нескольких лет ведет следствие по делу об убийстве отца Александра Меня, в бездействии, то, критики не вполне правы. Конечно важно то, что следователи под руководством И.Лещенкова с блеском доказали, что российская прокуратура такое же бюрократическое учреждение, как и многие другие. А для бюрократа важен не результат, а процесс. Если бы нам позволили заглянуть в прокуратуру Московской области и хотя бы краем глаза взглянуть на полки, где высятся наработанные следствием тома, мы бы ужаснулись. Более тридцати томов! Это ли не работа?

И второе – работники прокуратуры успешно достигли еще одной цели. Они столь же блистательно доказали, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Таким оригинальным образом нас призывают к активности. Отец Александр в одной из своих бесед говорил: **«В Евангелии Христос никогда не говорит о происхождении зла, о его сущности и смысле. Он говорит только о том, как мы должны жить в мире, где зло царствует, властвует, где оно существует. Это правило игры нашего мира. Тем самым Он показал, что метафизика зла, то есть теория его происхождения, вторична, главное же – человек, который ему противостоит. ...Каждому из нас хотелось бы, чтобы Высшая Творящая Любовь истребила, искоренила зло из мира в одно мгновение, как бы по волшебству. Но нам предлагается совершенно иное, то, что соответствует достоинству человека. Нам предлагается, чтобы мы – как часть творения, в котором заложено зло – чтобы мы соучаствовали в борьбе со злом, чтобы сама природа, сама тварь в нашем лице поставила злу плотину»**¹¹. Отец Александр на протяжении всей своей жизни стремился остановить поток зла, который, подобно разливу рек весной, захлестнул Россию и грозит потопить весь мир. Первая фраза, которую ребенком он самостоятельно написал, была цитатой «Не побеждайтесь злом, но побеждайте зло добром».

ХОД РАССЛЕДОВАНИЯ

В конце октября 1991 года в Москве находилась группа представителей христианских общин США. Они встречались с президентом СССР М.С.Горбачевым, а также с заместителем председателя КГБ СССР Н.С.Столяровым. После этих встреч удалось побывать на Лубянке и автору этих строк. В тот период следствие вела прокуратура Московской области. В состав группы также входили следователи МВД РСФСР и следователи УКГБ по Москве и Московской области и Агентства федеральной безопасности РСФСР. Следователи УКГБ и АФБ не вели самостоятельного расследования – они лишь исполняли те поручения, которые давала им группа И.И.Лещенкова. После публикации в «МК» первой части «Хроники нераскрытого убийства» некоторые народные депутаты СССР направили запросы в КГБ СССР с просьбой сообщить, как продвигается ход расследования. УКГБ по Москве и Московской области подготовило официальный ответ депутатам¹².

Текст записки занимает пять неполных машинописных страниц. Повествуя об убийстве отца Александра, следователи сообщают, что «смерть наступила от большой потери крови». **«Если вначале уголовное дело было возбуждено по статье 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах), то впоследствии оно переквалифицировано на статью 108 часть 2 (умышленное тяжкое телесное повреждение)».** Рассматривая версии убийства, записка насчитывает их четыре: **«1. Убийство на великодержавной националистической почве, 2. Просионистская версия, 3. Убийство в интересах идейных противников А.Меня в общественно-религиозной деятельности, 4. Убийство религиозными фанатиками с экстремистскими наклонностями или психической неустойчивостью».** Естественно, что следователи УКГБ рассматривали лишь возможные мотивы политического убийства, поскольку уголовные – вне их компетенции.

¹¹ – Протоиерей Александр Мень. Радостная весть. М., 1991 г. С. 232, беседа «О добре и зле».

¹² – См. Приложение № 3.

Место убийства Александра Меня.
9.09.1990. Следственное фото

Пастырская деятельность сельского священника Александра Меня всегда привлекала внимание «компетентных» органов: он пережил несколько обысков (сказалась дружба с А.И.Солженицыным и другими правозащитниками). Но самое пристальное внимание на него было обращено в начале восьмидесятых годов, когда правозащитное движение в СССР было окончательно разгромлено. Весной 1982 года тогдашний руководитель КГБ Ю.В.Андропов заявил, что уцелевшие от репрессий диссиденты, ушли в Церковь и поэтому необходимо очистить и церковные ряды. Начались аресты христиан¹³.

Осенью 1983 года был арестован бывший прихожанин Сретенского храма в Новой Деревне, в котором с 1970 года служил отец Александр, Владимир Никифоров. В течение нескольких лет он был одним из близких отцу Александру людей. Во время частной поездки в Чехословакию он принял священство у одного из опальных католических епископов. Вернувшись в Москву, организовал подпольный католический приход. Собирались на квартире, вместе молились, совершали богослужение, изучали Священное Писание, занимались религиозным воспитанием детей.

¹³ – Маховик, запущенный Андроповым, продолжал набирать обороты и после его смерти. Более того, даже после прихода к власти Горбачева, с 16 марта 1985 года по 31 декабря 1986 года в СССР было арестовано 177 человек. Из них 126 – за свои религиозные убеждения, а 51 – правозащитники.

Когда отец Александр узнал о тайном рукоположении Никифорова, он прекратил с ним общение и предупредил об этом прихожан. Дело в том, что Никифоров принял сан без его благословения. Отец Александр понимал, что существование подпольной церкви в среде московской интеллигенции обречено на провал.

Во время следствия выяснилось – с момента возникновения подпольной общины в нее был внедрен осведомитель КГБ. Никифорову предъявили неоспоримые доказательства, и он счел за лучшее чистосердечно признаться во всем. Он дал показания не только на своих прихожан, но и на отца Александра, а также на близких ему людей.

Начались допросы. 7 января 1984 года Никифорова освободили из-под стражи, но вскоре был арестован другой прихожанин отца Александра – Сергей Маркус. Его вина заключалась в том, что несмотря на усиливающиеся гонения он продолжал встречаться с иностранцами, получать от них и распространять Священное Писание, а также вести занятия в небольшой группе христиан. 26 января 1984 года после богослужения отец Александр был увезен в черной «Волге». Мгновенно распространился слух о его аресте. Однако после многочасового допроса он был отпущен.

Новодеревенским приходом занималась группа следователей 4 отдела КГБ во главе с полковником Владимиром Сычевым (ныне преподаватель Высшей школы ФСБ). Сергей Маркус вскоре был осужден по статье 190 (1)¹⁴ на три года. Во время следствия он отказался от дачи показаний. А вскоре, в 1985 году в Москве был арестован Сандр Рига, руководитель экуменической группы христиан, работавший в среде алкоголиков и наркоманов, часто бывавший в Новой Деревне. Опять начались допросы. Но апогей пришелся на сентябрь 1985 года, когда отца Александра вызвали в Совет по делам религий, где с ним была проведена длительная беседа в присутствии первого заместителя председателя Совета по делам религий Генриха Михайлова¹⁵. На беседе присутствовали специальный корреспондент газеты «Труд» Николай Домбковский и работники КГБ.

Результатом беседы явилась статья, опубликованная Николаем Домбковским в газете «Труд» 10 и 11 апреля 1986 года, «Крест на совести»¹⁶. Накануне публикации, вечером 9 апреля 1986 года, по I программе Центрального телевидения выступил Николай Домбковский. Он беседовал с диссидентом из Уфы Борисом Развеевым, который каялся в «антисоветской» деятельности. В заключение он признался, что на этот скользкий путь его подтолкнули два челове-

¹⁴ – Статья 190, п. 1 УК СССР предусматривала трехлетний срок заключения за клевету на государственный строй. Эта статья часто применялась против диссидентов.

¹⁵ – Г. Михайлов сегодня является консультантом Государственной Думы по религиозным вопросам, вхож к Патриарху и Президенту и продолжает вершить политику в Церкви.

¹⁶ – См. Приложение № 14.

ка: священник Александр Мень и автор этих строк. В мае 1986 года начались еженедельные вызовы отца Александра в Совет по делам религий, где от него требовали публичного покаяния. Тексты, которые он предлагал блюстителям церковной чистоты, неоднократно отвергались. И лишь в сентябре 1986 года напряжение начало спадать. 21 сентября в газете «Труд» появилась редакционная статья, в которой цитировалось «покаянное» письмо отца Александра, где он сожалел, что «утратил контроль за магнитозаписями своих проповедей и несомненно несет ответственность за своих прихожан, которые преступили закон». Естественно, статья требовала призвать к ответу нераскаявшихся.

В 1988 году казалось, что началась новая эпоха. Все чаще отец Александр выступал в Домах культуры и клубах Москвы¹⁷. Он сотрудничал с газетами и журналами, после празднования Тысячелетия Крещения Руси впервые выехал за границу. Его имя все чаще и чаще появлялось на устах самых различных людей. Одни говорили о нём с восторгом, другие – сквозь зубы. За последние три года жизни ему удалось сделать удивительно много: он воссоздал закрытое после революции Библейское общество, создал Православный университет, несколько братств, которые трудились в больницах Москвы и области, церковно-приходскую школу.

Небольшой храм в Новой Деревне уже не вмещал прихожан, и отец Александр решает выстроить крестильню, в которой планировалось разместить лекционный зал и помещение для школы. Его приглашали на богословские собеседования за рубеж. «Опекунам» из КГБ, естественно, было досадно – отец Александр становился все более недостижимым для них.

Докладная записка УКГБ содержит весьма интересные сведения: **«В Комитете государственной безопасности не оказалось какой-либо значимой информации в отношении А.Меня, его связей и существа выдвинутых версий»**. Эта загадочная фраза требует более пристального прочтения. Сегодня ни для кого не является секретом, что начиная с 1918 года в ВЧК-ГП. -НКВД-МГБ-КГБ существовал так называемый «церковный отдел», который занимался только церковными делами. Отец Александр находился в поле постоянного внимания этого отдела более двадцати лет. Неоднократно подвергался обыскам, допросам. Статьи в газете «Труд» готовились также сотрудниками церковного отдела. И вдруг оказывается, что КГБ ничего не знает о существовании и деятельности выдающегося священника и богослова.

С этим вопросом в конце 1991 года автор обратился к заместителю председателя КГБ СССР Н.С.Столярову. Каких-либо официальных данных получить не удалось. Но из неофициальных источников стало известно, что в течение лета 1990 года проводился тщательнейший пересмотр всех диссидентских дел 70–80-х годов. Почти все они были уничтожены. В том числе многотомные дела

¹⁷ – См. к примеру расписание его лекций на май 1990 года в Приложении № 15.

А.Д.Сахарова, восемьдесят четыре тома дела А.И.Солженицына и, естественно, протоиерея Александра Меня. Формулировки, согласно которым уничтожались дела, были различными. Например, дело академика Сахарова уничтожено согласно инструкции, которая гласит, что если наблюдаемый достиг известных номенклатурных должностей (стал, к примеру, народным депутатом СССР), то его досье следует уничтожить. Документ, на основании которого были уничтожены тома А.И.Солженицына, вообще уникален: «В связи с тем, что документы не имеют культурной и исторической ценности, подлежат уничтожению». Видимо, мы недооцениваем тех, кто готовил августовский путч 1991 года.

Идеологи переворота, центральной фигурой которого был председатель КГБ Владимир Крючков, считали, что еще возможно повернуть время вспять. Они только ждали удобного момента. Убийство православного священника – на наш взгляд – одна из ступеней подготовки переворота. Не будем забывать о той важной, почти главенствующей, роли Русской Православной Церкви, которую она играла в обществе с 1988 года. Коммунистическая идеология утрачивала прежнее влияние – постепенно общество начинало возвращаться к христианским ценностям. В возникающем идеологическом вакууме трудно было переоценить роль Церкви. Это прекрасно понимал отец Александр и поэтому трудился не покладая рук. Поэтому вполне естественно – путчисты стремились нанести удар и по Церкви, но чувствуя, с другой стороны, что их выступление может окончиться неудачей, они заранее заметали следы. Остается надеяться только на то, что и в КГБ было немало умных и дальновидных людей, которые, уничтожая бесценные документы, успели все же сделать копии, ныне хранящиеся в надежных местах.

Результаты рассмотрения версий весьма и весьма неутешительны. Национал-патриоты совершенно не при чем, гласит докладная записка УКГБ РСФСР. Как, впрочем, и еврейские националисты: «анализ добытой оперативной информации по среде еврейских националистов не выявил конкретных лиц, способных на совершение преступления в отношении А.Меня». И в то же время докладная записка обращает внимание следственной группы на неожиданный факт – оказывается, УКГБ установил, что некто Т. и ее муж Д. хранили у себя

Вид со двора. Видны очертания тела Александра Меня.

«фамильные драгоценности» отца Александра, которые в 1984 году оценивались более чем в 20 тысяч рублей. Эта версия вызывает ряд вопросов: почему фамильные? Известно, что ни отец Александр, ни его вдова не принадлежали к каким-либо дворянским родам, а происходили из семей среднего достатка. Докладная записка сообщает, что проверяются также подозрения в отношении некоего Д., который: «не разделяет взгляды А.Меня, дважды судим» и принадлежит к языческой секте.

Большое внимание в записке уделяется теме «церковного рэкета»: **«В июле сего года поступила информация, что А.Мень мог стать жертвой церковного рэкета. Свои доводы заявители обосновали тем, что немало священнослужителей якобы обложены «данью» со стороны преступных элементов, о чем духовенство предпочитает не распространяться, так как действительно в ряде случаев они имеют неконтролируемые церковью и государством доходы. Данное обстоятельство подтверждает также целый ряд разбойных нападений на священников в 1990–1991 годах»**. Воздержимся от комментария, поскольку, если это действительно соответствует истине, остается только посочувствовать православным священникам, которых раньше грабило государство, взимая гигантские налоги и требуя отчислений в Фонд мира, а теперь вульгарно грабят рэкетирсы.

Православные священники в послевоенный период были высокооплачиваемой категорией среди советских граждан. Решения Архиерейского собора 1961 года были направлены на то, чтобы умерить аппетиты священников. И все же московское духовенство в подавляющем большинстве по-прежнему остается одной из высокооплачиваемых категорий граждан России.

В докладной записке подробно комментируется провалившаяся бытовая версия, согласно которой в убийстве подозревался Г.Бобков. Оценивая эту версию, УКГБ сообщает: **«Проведенный анализ полученных данных в процессе расследования материалов, а также добытая оперативным путем информация показали, что причастность Бобкова Г.А. к данному преступлению целенаправленно фальсифицирована»**. Записка упоминает, что при расследовании был применен «детектор лжи», который и подтвердил непричастность Г.Бобкова к убийству отца Александра.

Возникает вопрос, кому же понадобилось «целенаправленно фальсифицировать» расследование? И хотя в записке сообщается, что к фальсификации причастен «один из сотрудников милиции», трудно представить, чтобы оперуполномоченный мог на свой страх и риск выстроить столь глубокую и вполне правдоподобную версию, суть которой мы рассмотрели ранее. Интересно было бы узнать у руководителя следственной группы И.Лещенкова, выяснена ли цель фальсификации? Был ли этот «сотрудник милиции» связан с кем-либо или фальсифицировал расследование в одиночку? Следует признать, что докладная записка порождает гораздо больше вопросов, нежели дает какие-либо ответы.

ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Когда же отец Александр попал под пристальный надзор КГБ? Сохранились документальные данные и можно с уверенностью ответить – летом 1964 года. 27 июля 1964 года в областной газете «Ленинское знамя» появился фельетон Ивана Малыгина под названием «Фальшивый крест»¹⁸. Наполовину он был посвящен подвигам Льва Лебедева, ныне священника, перешедшего из Русской Православной Церкви в Зарубежную. Вторая половина описывает происшествие в Новоиерусалимском монастыре, участниками которого были два священника, получивших ныне мировую известность – Александр Мень и Николай Эшлиман.

Не будем забывать – 1964 год был последним годом правления Н.С.Хрущева. Антирелигиозная пропаганда достигла пика. Казалось, что Русская Православная Церковь вот-вот прекратит свое существование. Закрывались монастыри, духовные семинарии и сотни храмов. На скамьях подсудимых оказывались не только священники и миряне, но и епископы¹⁹. Сегодня даже трудно представить размах этой пропаганды. Отец Александр вспоминал, что он как-то подсчитал в 1961 году, сколько атеистических книг и брошюр выходило в среднем в день. Цифра получилась впечатляющая – 7! Предоставим слово Ивану Малыгину: **«А.В.Мень и Н.Н.Эшлиман, оказывается, давным-давно окружили заботой-вниманием свихнувшегося с «истинного» пути научного сотрудника музея (речь идет о Л.Лебедеве – С.Б.). Теперь, пристроив его к алтарной кормушке, они принялись усердно очищать душу «раба Божьего» от музейной ереси. И «очищали» его душу довольно своеобразно. Отец Александр (в миру А.В.Мень) и отец Николай (в миру Н.Н.Эшлиман) сажали Лебедева в церковную легковую машину (№ ВП 39-01) и, прихватив с собой «святой» сорокаградусной и совсем не святых девиц, катались по дорогам Подмосковья. А наутро спешили в «храм Христа», чтобы читать молитвы православным,**

¹⁸ – См. Приложение № 4.

¹⁹ – На три года в 1960 году был осужден архиепископ Казанский Иов (Кресович), который пытался противодействовать закрытию храмов в своей епархии. В 1962 году на 8 лет попал в заключение архиепископ Черниговский Андрей (Сухенко).

щедро отпускать их грехи». Думаю, вполне достаточно одного отрывка, чтобы читатель уяснил – Иван Малыгин недалеко ушел от своего прототипа – знаменитого персонажа Михаила Булгакова, тоже Ивана, но Бездомного, очертившего Иисуса Христа черными красками по причине «полного незнакомства с вопросом».

Однако фельетон преследовал дальние цели. Следующий пассаж описывает единственный приезд в Новоиерусалимский монастырь отца Александра и отца Николая. Лев Лебедев действительно явился перед ними в неподобающем виде, так что священники поспешили быстрее покинуть обитель. Иван Малыгин утверждает, что священники были схвачены бдительными дружинниками с поличным. Оказывается, ни много ни мало, они хотели ограбить музей! Что же обнаружили дружинники у православных священников? Цитирую: **«Верно, то были «священные» свитки древнееврейской Торы, принадлежащие краеведческому музею. Вызвали милицию и обнаружили у сотрудников религиозного культа немало музейных ценностей, украденных Лебедевым и его сообщниками».** Через день после описываемых событий, в Алабино, где тогда служил отец Александр, приехали оперативники с ордером на обыск. Забрали несколько богослужебных книг, опечатали церковный дом и уехали. Сотрудник КГБ, приехавший с оперативной группой для изъятия ценностей якобы похищенных отцом Александром из музея, был молод и сказал, что пришлет более опытного сотрудника осмотреть библиотеку. Во время обыска изъяли выписки из романа Б.Пастернака «Доктор Живаго» и две иконы.

Отец Александр, несмотря на обыск, решил все же дописать обязательные три страницы из очередного тома – «У врат молчания», – над которым в это время трудился. Однако в комнате оставались бумаги, которые следствие могло использовать против него. Это не давало ему покоя. Позже он вспоминал: **«Стал я гулять по двору в раздумье. Гулял, гулял, и так задумался, что подошел и, дернув дверь, сорвал все печати. Ну, думаю, если я их сорвал, значит должен все почистить, хотя криминального там ничего не было. Кое-что унес, а сам думаю: «Что теперь будет?» Вижу, идет мой брат. Мне стало как-то веселее. Мы с ним поразмыслили (а оперативники сказали, что придут на следующий день). Я отправился к одному административному лицу нашей деревни, с которым находился в большой дружбе и рассказываю ему о случившемся. Он говорит: «Они были у нас, расспрашивали о вас. Но мы сказали о вас самое хорошее. А опечатывать не имели права»²⁰.** Через несколько дней отец Александр в сопровождении этого человека отправился в райцентр, нашел отделение КГБ, написал записку, в которой известил о произошедшем. А тем временем следственная машина заработала. Дело передали в ведение генерального прокурора. Отца Александра вызвали в прокуратуру. Допрос длился семь часов, но, тем не менее произвел на него отрадное впечатление. Следователь постарался разобраться и понял, что криминала, кроме измышлений автора газетной статьи, нет.

²⁰ – Магнитозапись воспоминаний протоиерея Александра Меня.

Неожиданно выяснилось, что во время обыска была похищена фотография отца Александра. Видимо, готовился какой-то коллаж. Отец Александр начал «качать права», фотографию забрал. Следователь в конце допроса намекнул, что причин для беспокойства нет. Изъятые книги передали экспертам высокого класса. Те подтвердили, что их стоимость не превышает 15 рублей и никаких музейных штампов на них нет. Отец Николай Эшлиман «отделался» лишь газетной статьей²¹. Быть может, если б не еще одно обстоятельство, и для отца Александра это дело окончилось благополучно. Но в это же время был арестован инспектор по охране памятников, некто Лесунов. Он вымогал деньги у священников, заставляя их в кратчайшие сроки производить ремонтные работы. Незадолго до описываемых событий побывал он в Алабино и, шантажируя отца Александра, получил взятку. Когда началось дело, вызвали и отца Александра. Адвокат Лесунова настаивал на том, чтобы всех священников также взяли под стражу как взяткодателей. Как выразился позже отец Александр: «Бог спас!»

Но предостало еще одно объяснение. Закончилось лето 1964 года. Подходило время отпуска, и отец Александр решил посмотреть мир, пока он не сузился до размеров тюремного окошка. Купил путевку и отправился с женой по Волге на пароходе. Приплыли в Астрахань, и тут настигает телеграмма, отправленная вторым священником – Сергием Хохловым: «Приезжал Трушин. Срочно выезжай». Алексей Алексеевич Трушин был одним из тех несменяемых работников, которые десятилетиями безраздельно правили в своих вотчинах. С 1945 года он был уполномоченным по делам религий Московской области. Какой чин он имел в КГБ, никто не знал, но вряд ли ниже полковника. Всех священников и все подмосковные приходы знал досконально. Пока пароход плыл к Москве, телеграммы шли непрерывно. В Саратове отец Александр сел в самолет и вскоре был в Москве. Пришел на прием к Трушину. Тот спрашивает: **«Ну, что с Вами делать?»** Отец Александр отвечает: **«Ничего»**. А тот начинает цитировать статью в «Ленинском знамени»: **«Мень, Эшлиман в окружении икон, мерцающих свечей и лампад до того «напричались» коньяками-винами, что запели «Шумел камыш...»** Отец Александр в ответ: **«Я столько не пью, в чужих домах тем более. А «Шумел камыш» – даже текста не знаю!»** Диалог продолжался. Трушин раз пятьдесят повторил: **«Что же с вами делать? Пока не служите»**. Во время разговора раздался телефонный звонок. Трушин, подняв трубку, отвечает: **«Все отрицает»**. Положив трубку, он еще раз попытался пойти на приступ: **«А девицы?»** Отец Александр: **«Вы же знаете, как это пишется!»**

Казалось бы, все кончено. Атеистическое беснование в разгаре. Журнал «Наука и религия» в каждом номере помещает разоблачительные материалы о церковниках. Все газеты, включая районные, полны

²¹ – Позже, после того, как в декабре 1965 года священники Глеб Якунин и Николай Эшлиман обратились в «Открытым письмом» к Патриарху Алексию I и Н.А. Подгорному, отец Александр Мень выступил в их защиту. См. Приложение № 5.

грубых выпадов против христиан. Но произошло чудо. Приближался конец августа, праздник Успения Божией Матери. Поскольку отец Александр был настоятелем храма, то встал вопрос, кто будет служить в этот день? Он обратился к секретарю епархии, тот успокоил: **«Погуляйте пару месяцев, а потом мы вас устроим. А пока позвоните уполномоченному»**. Трушин неожиданно изменил тон: **«На Успение служите, а потом ищите другой приход»**. После Успения отец Александр сразу же отправился в Тарасовку, поскольку епархиальный секретарь сказал, что там освобождается место. На второй день после Успения заключил договор со старостой. А в Алабино продолжался разгром: сначала сняли старосту, потом расторгли договор со священником Сергием Хохловым. Лев Лебедев отделался легким испугом, вскоре пристроился при архиепископе Питириме (Нечаеве) и стал писать для него статьи. Но за пристрастие к хмельному был изгнан, поехал на Волгу, к епископу Саратовскому Пимену. Там и был рукоположен.

Служение в Тарасовке для отца Александра было нелегким, поскольку настоятель храма, священник Серафим Голубцов, был известен в церковных кругах как матерый стукач, посадивший в сталинские годы немало людей. Естественно, что и на отца Александра постоянно писал доносы²².

Не прошло и года, как грянула другая беда. 9 сентября 1965 года был произведен обыск на квартире друзей А.Солженицына – Теушей. Те показали, что часть архива хранится у отца Александра. Солженицын не раз бывал в Тарасовке. Как-то, вспоминал отец Александр, когда они вместе прогуливались близ храма, какой-то человек долго и пристально смотрел им вслед. Тогда Солженицын был известен в лицо лишь узкому кругу людей. Но, быть может, уже тогда за ним следили. Позже отец Александр вспоминал: **«Сижу я в Семхозе, вдруг смотрю, идет по участку вереница мужиков в пиджаках и галстуках. Я спускаюсь вниз, а они говорят: «Мы из Комитета государственной безопасности». Спрашивают: «Есть ли оружие? Антисоветская литература?» Я отвечаю: «Нет, ничего такого не держим». Восемь часов ковырялись они у меня. Потом говорят: «Поедем в церковь». Часть осталась в Семхозе, продолжая обыск, а часть поехала вместе со мной в Тарасовку. Пришлось мне открывать сторожку. Правда, вели они себя корректно. Пришлось пустить их всюду, даже попросились в алтарь. Я говорю: «Кто крещеный?» Один признался, я его взял с собой. А у меня в алтаре был ящик, в котором держал свои рукописи и книги. Показал, он говорит: «Меня богословие не интересует». Тогда еще богословием не интересовались. Они целенаправленно искали Исаича»**.

22 – Многих соотечественников соблазняет обстоятельство, что среди священников и епископов, начиная с 20-х годов нашего столетия, было немало осведомителей ВЧК–ОГПУ–НКВД–МГБ–КГБ. Это была одна из задач тайной полиции – внедрить в ряды Церкви осведомителей, тем самым поставив Ее под контроль атеистического государства. Но Церковь продолжала жить даже в таких неимоверно тяжелых условиях.

ПРИЗНАНИЯ ПОЛКОВНИКА КГБ

К 1992 году завершила работу над передачей архивов ЦК КПСС и КГБ СССР парламентская комиссия Верховного Совета РСФСР, в состав которой входил народный депутат России, когда-то близкий друг отца Александра, тогда еще священник Глеб Якунин. В процессе работы он сделал ряд сенсационных открытий. В архивах ЦК КПСС, а точнее – в Идеологическом отделе ему удалось обнаружить комплект отчетов церковного отдела КГБ почти за двадцать лет, в том числе связанных с именем и деятельностью отца Александра. Часть из них подписана полковником КГБ Владимиром Сычевым, в течение многих лет курировавшим Новодеревенский приход, в котором служил отец Александр.

Полковник Владимир Селиверстович Сычев работал с новодеревенским приходом почти десять лет. «Курировать» на языке чекистов означает – вести слежку, засылать стукачей в церковную общину, заниматься чтением чужих писем и прослушивать телефонные разговоры. В КГБ Владимир Селиверстович пришел в 1961 году – уже в хрущевскую эпоху. Тогда считалось, что аппарат КГБ реформирован и в нем не осталось следов сталинско-бериевских методов. Коммунистические идеологи с гордостью заявляли, что репрессивный аппарат тайной полиции полностью подконтролен ЦК КПСС и не занимается ни подготовкой политических убийств, ни тайным сыском²³. Объясняя причины интереса КГБ к православному священнику, Владимир Сычев позже признавался: **«Мень попал в поле нашего зрения, как человек, осуществлявший связь с иностранными гражданами, представителями капиталистических государств. Мень входил в контакты с иностранными гражданами, которые посещали храм, в котором служил Мень, имел с ними личные контакты. Нас интересовало содержание и характер встреч».**

Для современного читателя эти откровения чекиста кажутся диким вымыслом, едва ли не бредом – почему священник не мог встречаться с иностранцами, которые приезжали к нему в храм? Само наименование иностранцев «представителями капиталистических государств» кажется сегодня анахронизмом. Тогда это была жестокая реальность – за каждую несанкционированную КГБ встречу с иностранцем необходимо было держать ответ и быть готовым к репрессиям – увольнению с работы, к частым визитам участкового милиционера, а то и к предложению покинуть пределы СССР.

²³ – Еще не написана история КГБ, хотя появилось немало ценных исследований, в которых бывшие работники этого ведомства рассказывают, как проводились обыски у инакомыслящих, как их сажали в тюрьмы и специальные психиатрические лечебницы.

Продолжая повествование, Владимир Сычев говорит о людях, с которыми встречался отец Александр: **«В основном он встречался с представителями культурных организаций, должностными лицами подразделений, в частности – с атташе по культуре из США, Бельгии, Франции, Италии. Из Италии больше было представителей католицизма, равно как и из Франции. Нам было известно, что Александру Вольфовичу передавали из-за границы литературу, подарки, носильные вещи. Мень был связан с бельгийским издательством «Жизнь с Богом», где печатал свои труды, о чем было известно всем, и Мень этого не скрывал».**

Сычев откровенно заявляет, что вплотную занялся новодеревенским приходом в 1983 году, когда занял должность начальника 4 отдела 5 управления КГБ. Это так называемый «церковный отдел», который занимался слежкой за православными христианами. Вина отца Александра состояла в том, что ему, вопреки желанию коммунистов и чекистов, удавалось поддерживать связи с западными богословами, церковными деятелями, принимать участие в издании Библии на русском языке. Ему присылали письма, богословскую литературу, необходимую для производства слайд-фильмов, аудиоаппаратуру. Все это вызывало гнев и раздражение «опекунов» из КГБ. Неоднократно отца Александра вызывали в Совет по делам религий, где допросами руководил Владимир Сычев. Не раз допрашивали в прокуратуре, а то и на Лубянке.

«Куратор» считает: **«При встречах с Менем мы всегда находили с ним полное взаимопонимание. Он извещался как человек, который оказывал на своих духовных чад влияние, поскольку был священником, а его духовные чада нарушали закон, и Мень с этим соглашался. Однако необходимо уточнить, что Мень никогда не был агентом КГБ. Тем более не был им Бычков, этому никогда нельзя доверять. К Меню я относился нормально, равно, мы находили с ним взаимный контакт, общий язык. Мень относился к нам также: спокойно, взвешено, трезво, с пониманием. Мне он симпатизировал. Был жизнерадостный человек, веселый, оптимист».**

Весьма интересная точка зрения – мы ему трепали нервы, арестовывали его прихожан, а он не обращал на это внимания, более того, относился к нам с пониманием! Отец Александр как-то после допросов сказал: «Представляете, какое это удовольствие – трепать людям нервы! Да когда еще за это платят!» Вероятно, не каждый согласился бы пойти «трудиться» в КГБ. Но при встречах с чекистами поражало их поведение – они чувствовали себя хозяевами жизни! Их приводило в бешенство нежелание сотрудничать с ними – тут уж они не скупились на угрозы! Сычев откровенно лгал, когда говорил: **«На Меня никогда не возбуждались уголовные дела, равно как не было на него дел оперативно-розыскного характера. Материалы на Меня были по связи с иностранными гражданами. (Где были эти материалы? Неужели вне дела? – С.Б.) Мень допрашивался**

13.10.1989. Кремль. В центре – заместитель председателя Совета по делам религий Генрих Михайлов.

в качестве свидетеля по уголовным делам его духовных чад, по ряду уголовных дел, в частности Никифорова, Маркуса и Бориса Развеева. Никифоров и Маркус были близкими связями Меня, выходцами из его общины, посещали его, и Мень, с его слов, нес моральную ответственность за их деятельность. Менью было очень неприятно, что они встали на путь конфликтов с властью. Это были его близкие связи до определенного времени, до определенного возраста... их деятельность была сопряжена с антиобщественными проявлениями.»

Это также не соответствует истине – активная позиция христианина в годы атеистических гонений, даже в 80-е годы, влекла за собой тяжелые последствия. Многие прихожане отца Александра понимали это. Проповедь Евангелия, семинары с готовящимися принять крещение, занятия с детьми – все это строго преследовалось властями и КГБ. Это была неблагодарная, незаметная работа, которая требовала и самоотдачи, и терпения. Куда как красивее было встать в позу обличителя и выступить с открытым письмом в адрес ЦК КПСС или лично Ю.В. Андропова. Но подобные шаги приводили или к тюрьме, или к высылке. Поэтому отец Александр настаивал, чтобы прихожане трудились в общинах, которые в 80-е годы создавались им. Если же кто-то из прихожан решал идти «другим путем», как это было с Никифоровым или Маркусом – отец Александр уже не считал их своими прихожанами. Обычно это решение он доводил до сведения тех прихожан, которые были связаны с ними. Он считал, что прихожанин обязан согласовывать с духовником свои поступки, тем более если они затрагивают существование прихода или общины. Если же прихожанин не считал нужным согласовывать свои поступки с духовником, он автоматически выпадал из прихода. Поэтому странно было бы говорить о какой-то «моральной ответственности» отца Александра за поступки Никифорова или Маркуса. Сама формулировка появилась как результат длительных, многомесячных допросов отца Александра, которые проводил Владимир Сычев или его соратники с весны по сентябрь 1986 года.

Толчком для публикации двух огромных статей в газете «Труд» послужили признания Бориса Развеева, жителя Уфы, который часто приезжал в Москву и останавливался в доме автора этих строк. Он никогда не был прихожанином отца Александра. Дважды арестовывался в Уфе – последний раз в 1985 году за тунеядство. Находясь в лагере, под давлением следователей, решил дать показания, компрометирующие двух священников – Глеба Якунина и Александра Меня, а также мирян Александра Огородникова, с которым был близок до его ареста, и Сергея Бычкова. Владимир Сычев так описывает свое участие в этом деле: **«С уголовным делом Развеева я не знакомился. А вот с отдельными материалами оперативного характера – да. Находясь под следствием, Развеев написал «явку с повинной», в которой изложил сведения, которыми располагал о связях Меня с иностранными гражданами. Развеев писал о встречах, происходивших на квартире у Бычкова на Речном**

вокзале, о посещении их Иоанном Мейендорфом и о том, что во время эти встреч происходили разговоры о стратегических планах разрушения Русской Православной Церкви». Вот оказывается в чем пафос тяжкого труда чекиста – он заботился не о сохранении государственных тайн, не о происках террористов, а о Русской Церкви! Очень странная позиция для пламенного коммуниста и атеиста Сычева! Оказывается, священники Русской Православной Церкви – Иоанн Мейендорф, Глеб Якунин, тогда еще священник, хотя и находившийся под запретом, Александр Мень и Димитрий Дудко были заговорщиками, которые ставили своей «стратегической целью» разрушение Церкви! Не за это ли был убит отец Александр Мень охранителями и защитниками Русской Церкви? Это единственное место, где Сычев «проговаривается»!

Далее Владимир Сычев продолжает откровенничать о деле Развеева, которое готовилось и тщательно разрабатывалось им: **«Материалы «явки с повинной» излагались примерно на шести листах. Они хранились у меня в папке, были рукописные, нестандартные листы. В связи с ними допрашивались Мень и Бычков, допросы производила городская прокуратура по поручению республиканской прокуратуры; кто вел допросы, мне неизвестно. (Зато я прекрасно помню, как на одном из допросов молчаливо присутствовал Владимир Сычев, который изредка задавал мне вопросы, а потом, уже после допроса, в течение почти часа настаивал на том, чтобы я «разоружился». Согласно чекистской терминологии это означало что-то вроде «явки с повинной»! – С.Б.). А поручение было из прокуратуры Башкирии. Впоследствии, когда утратилась острота события, материалы «явки с повинной» были уничтожены вместе с другими. Уничтожение было в установленном порядке. Кто их уничтожал, я не помню. Ксерокопии не снимались. Протоколы допросов направлялись в прокуратуру Башкирии. Я знаю, что впоследствии они были выделены и направлены в Москву, куда точно, не знаю. Возможно, что и они были уничтожены. (а как же знаменитые папки КГБ с грифом «хранить вечно»? – С.Б.). Я знаком с указанными протоколами. Они были короткими. Оба подтверждали, что знакомы с Развеевым и, кажется, отрицали встречу с Иоанном Мейендорфом на квартире у Бычкова, но точно последнего утверждать не могу. В общем, протоколы допросов были какие-то поверхностные, ответы – уклончивые, неискренние».**

Однако, неискренность проявляет Владимир Сычев – в архиве ЦК КПСС сохранились его отчеты, которые свидетельствуют совершенно об ином. В Московскую Патриархию исправно приходили подметные письма от «верующих», доносивших о якобы «неканонических» действиях отца Александра во время служб, о «порочащих его связях» и так далее. А вот как и кем готовились эти письма:

«Через агентов «Никитина» и «Фокина» проводились мероприятия по изучению «Миссионера» (Кличка отца Александра,

данная ему чекистами. – С.Б.). **Получены данные, заслуживающие внимания: о его новых связях из числа церковников, разделяющих взгляды объекта, о его нелегальной религиозной деятельности, а также планы и реакция «Миссионера» в связи с поступившим письмом в Патриархию о его неканонической деятельности.**

В. Сычев, В. Макаров, В. Тимошинский. 3 апреля 1985 года.»

Сычев признается – и это подтверждается из его отчетов в ЦК КПСС – что в новодеревенский приход были внедрены стукачи. В отчете он называет их клички – «Никитин» и «Фокин». Кстати, а почему следствие не проявило никакого интереса к их личностям? Они многое могли бы рассказать! Ведь то самое письмо, которое было направлено в Патриархию о «неканонической деятельности» отца Александра, было инспирировано через этих самых агентов – «Никитина» и «Фокина». Важно отметить еще одну деталь – «тройка» чекистов: Сычев, Макаров и Тимошинский, – оказывается, прекрасно разбираются в церковных канонах. Они знают, какое поведение священника можно квалифицировать как каноническое, а какое как неканоническое. Кстати, Владимир Сычев теперь старший преподаватель Высшей школы ФСБ. Он учит будущих чекистов, как разбираться в церковных канонах. А где Макаров и Тимошинский? Видимо, также в Высшей школе ФСБ?

Аналитический отдел, который считался в КГБ одним из самых интеллектуальных подразделений, уже тогда просчитал, что близится время больших перемен. Перемены всегда привносят в души людей, в том числе и чиновных, смуту. По мнению аналитиков, люди, подобные отцу Александру, были крайне нежелательны в эпоху перемен и возможного идеологического вакуума. Следовало или посадить его в тюрьму, или убить, или же заставить мыслить по иному. Примеров было предостаточно. Аресты в 1980 году священника Димитрия Дудко, мирян Льва Регельсона и Виктора Капитанчука, их спецобработка в Лефортово во время заточения привели к тому, что все трое стали большими друзьями и почитателями чекистов. Отец Димитрий Дудко до сих пор не может очнуться от тех задушевных бесед, которые в Лефортово с января по июнь 1980 года вели с ним работники 4 отдела. Он и по сей день считает возможным выступать рядом с Зюгановым, который демонстрирует таким образом свою приверженность Православию.

Впрочем, Россия – страна чудес и не всегда необходима спецобработка. Иногда достаточно ласкового окрика или похлопывания по плечу. Этого не выдерживают и епископы. Более того, они преспокойно нарушают решения Священного Синода, который, к примеру, на заседании от 21 марта 1996 года принял секретное решение, запрещающее клирикам принимать участие в предвыборной кампании. Но митрополит Ставропольский и Владикавказский Гедеон и его верный соратник, епископ Бронницкий! Тихон, ныне держащий в руках все средства массовой информации Русской

Православной Церкви, по-видимому, активно поддерживают атеиста Геннадия Зюганова, регулярно выступают в газете российских коммунистов «Советская Россия».

Но вернемся к истокам этого удивительного явления, когда гонимые навязчиво стремятся объяснить в любви своим гонителям и палачам. Отеческое отношение Владимира Сычева и его подчиненных к отцу Александру Меню привело в конце концов к тому, что он был вынужден остановить работу над очередным томом из серии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Это был 8 том – «Апостолы Петр и Павел».

В 1980 году в Париже вышел альбом «Москва златоглавая», подготовленный другом отца Александра, прекрасным фотографом Виктором Андреевым, который трудился в Московской духовной академии. В этом альбоме были даны описания и фотографии всех храмов и монастырей Москвы, как сохранившихся, так и взорванных большевиками. Фотографии были снабжены необходимыми комментариями и историческими сведениями. С точки зрения «церковного отдела» это была идеологическая диверсия. Поэтому были подняты все стукачи и в течение пяти лет шла усиленная работа. В январе 1986 года в ЦК КПСС был направлен отчет о проделанной работе. И отца Александра и Виктора Андреева теперь именовали ДОНами – что означает на чекистском жаргоне «объект для наблюдения». ДОНам присвоили клички – отца Александра называли «Миссионером», Андреева – «Фотографом». Владимир Сычев отчитывался:

«...В результате установлена связь «Миссионера» и «Фотографа» – М.У.Л. (инициалы женщины – С.Б.), которая, возможно, оказывает помощь «Фотографу» в подборе литературы и печатании на машинке текста для альбома. А также получены образцы шрифтов пишущих машинок МДА. (Московская духовная академия – С.Б.). По полученным материалам готовится проведение криминального исследования.

3 января 1986 года, № 5/4 2548».

А 9 сентября 1985 года (спустя 5 лет именно в этот день будет убит отец Александр!) команда Владимира Сычева зазывает отца Александра в кабинет заместителя председателя Совета по делам религий Генриха Михайлова и начинает спецобработку. Сам Генрих Михайлов, числящийся ныне уникальным спецом по проблемам религиозных организаций в администрации Президента (он же консультант Государственной Думы) вполне процветает. Его даже не допрашивали по делу об убийстве отца Александра! Он остался в стороне, но опять при деле. Тогда же, в сентябре 1985 года, задушевная беседа-допрос длилась около пяти часов. Генрих Михайлов принимал в ней, наряду с Владимиром Сычевым, активное участие. На допросе в Московской областной прокуратуре Сычев крайне неохотно вспоминает этот день и отвечает, увы, неискренне: **«По ряду вопросов служебной деятельности мне приходилось бывать в Совете по делам религий и контактировать с рядом его сотрудников».** Это все, что вспомнил бывший начальник 4 отдела.

Беседа-допрос сводилась к тому, что отцу Александру предлагали назвать (читать – предать) своих прихожан, которые занимались активной миссионерской деятельностью, написать чистосердечное раскаяние в том, что он встречался с иностранцами и опубликовать его в какой-либо популярной газете типа «Известий». Рассказывая об этой встрече, отец Александр кратко резюмировал ее содержание: «Они хотят меня дудкизировать!»

Естественно, если бы план Сычева-Михайлова удался и была бы опубликована покаянная статья отца Александра, это означало бы крах всей его жизни. Многие прихожане отвернулись бы от него, как это произошло с отцом Димитрием Дудко. Но тот неожиданный поворот, который отец Александр сумел придать делу, напоминает евангельские слова Христа: «Но ранее всего этого будут налагать на вас руки свои и гнать, предавая в синагоги и тюрьмы, отводя к царям и правителям за имя Мое. Приведет это вас к свидетельству. Итак, положите себе на сердце не обдумывать заранее, что сказать в свою защиту, ибо Я дам вам уста и премудрость, которой не сможет ни противостать, ни воспрекословить ни один из противящихся вам» (Лк. 21, 12-16).

Сославшись на то, что статья в «Известиях» может «привлечь ненужное внимание к мало известному деревенскому священнику, каковым он и является на самом деле», отец Александр предложил избрать какое-то церковное издание, в котором он готов выступить, но со своим текстом. Дело в том, что ему предлагали подписать уже готовый (как уверяли чекисты, черновой вариант!). Кстати, отец Димитрий Дудко вспоминал, что находясь в Лефортово в апреле 1980 года, сначала он дал согласие подписать черновой вариант. Но работа над текстом шла два с половиной месяца и ему так заморочили голову, что в конце концов он подписал тот текст, который был составлен его «друзьями» из КГБ! Текст своей статьи отец Александр написал сам, и он был опубликован в Информационном бюллетене Отдела внешних церковных сношений в декабре 1985 года. «Опекуны» из КГБ слишком поздно поняли, что просчитались – никакого резонанса эта публикация не имела, да и покаяния в нем не прозвучало. Бюллетень распространялся в основном среди епископата и за рубежом.

Тогда КГБ принимает решение смирить непокорного священника. Всю зиму 1986 года идет напряженная работа с Борисом Развеевым, который отбывал срок за «клевету на советский строй» в одном из Башкирских лагерей. В марте в ЦК КПСС направляется очередной отчет о проделанной работе: **«По нашим материалам корреспондентом газеты «Труд» Н.Домбковским подготовлена статья «Крест на совести», которая готовится к печати.**

В. Сычев, В. Макаров, март 1986 года.»

Статья была подписана специальным корреспондентом газеты «Труд» Николаем Домбковским. Он съездил в лагерь, где от-

бывал срок Борис Развеев, взял у него телеинтервью, которое было показано по I программе телевидения 9 апреля 1986 года, накануне публикации статьи «Крест на совести». В телеинтервью Борис Развеев раскаивался в своей «антисоветской деятельности» и заявил, что на этот пагубный путь его подтолкнули два человека – священник Александр Мень и Сергей Бычков. Но и на этот раз гонители отца Александра просчитались – им не удалось рассорить священника с его прихожанами, хотя уже осенью 1986 года в третьей статье в газете «Труд» опубликовали его письмо. Правда, в ЦК КПСС пошло очередное донесение о проделанной работе: **«Для выяснения дальнейшего раскола между объектом ДОН «Миссионер» и его ближайшими единомышленниками в газете «Труд» опубликована статья по откликам читателей на очерк «Крест на совести»...**

В.И. Тимошинский. № 5/4-346».

После публикации первых двух статей Домбковского начались массированные еженедельные допросы отца Александра. Он держался на редкость твердо – сразу поставил условие, что текст для публикации будет готовить сам. Спецобработка отца Александра затянулась до осени. И вновь его терпение и выдержка одержали верх над «опекунами».

Летом 1986 года чекисты напали на след одной публикации в парижском журнале «Вестник русского христианского движения». Публикация была посвящена положению Русской Церкви. На допросах в Московской областной прокуратуре Сычев так вспоминал об этом эпизоде: **«Лично с Менем Александром Вольфовичем я встречался эпизодически, всего раза три-четыре, не больше. Первый раз – когда он был допрошен по уголовному делу на Никифорова, и во второй раз мы с ним встречались в 1985 или 1986 году по поводу публикации статьи в «Вестнике РХД» – «Семь вопросов и ответов о РПЦ». Автор статьи анонимный, и я пытался выяснить у Меня, кто могли быть авторами этой статьи... Их мы установили сами, не с помощью Меня, который знал о том, что они были авторами статьи, так как все трое были духовными чадами Меня. Речь в статье шла о Русской Православной Церкви, о происходящих в ней процессах, сама статья была клеветнического содержания. По этой причине авторы были анонимными, но зная содержание, мы установили их. Это была последняя встреча с Менем. Свое мнение о ней Мень не высказывал, да оно нас и не интересовало, так как у нас была задача установить авторов, а не получить его мнение о них... Поскольку материал об этом событии был рабочим, рядовым, он был уничтожен в 1987 или в 1988 годах. «Вестник РХД», как известно (кому известно? – С.Б.), является журналом антисоветской направленности, содержится на средства спецслужб. Отсюда можно сделать вывод не только**

о духовной близости указанных авторов с теми же спецслужбами. (каков Сычев – духовная близость со спецслужбами! – С.Б.) **Хотя, надо сказать, что в политической и общественной жизни происходили более серьезные процессы, поэтому на указанном событии мы не заостряли особого внимания.**

К сожалению, и здесь Владимир Селиверстович не вполне искренен. Более того, ему удалось ввести в заблуждение опытного следователя Ивана Лещенкова. Это была не последняя встреча Владимира Сычева с отцом Александром. Незадолго до этого, весной 1990 года, Владимир Сычев неожиданно приехал в Новую Деревню, зашел в алтарь и там, после службы, долго беседовал с отцом Александром. Беседа, как рассказывал о ней отец Александр, была необычной. Сычев поведал, что уже не работает в КГБ, но по-прежнему интересуется жизнью новодеревенского прихода и посоветовал отцу Александру держать «ухо остро» – время-то смутное!

Сегодня кое-кому кажется, что не стоит ворошить прошлое и сыпать соль на раны. Но дело в том, что прочно забытое прошлое грозит обернуться нашим будущим. Нерасследованные убийства, которые по мнению прессы и мыслящей части общества несомненно являются политическими, остаются и по сей день нераскрытыми. Совершенно непонятен пафос Владимира Сычева, который завершил допрос от 18 мая 1992 года странными словами: **«Высказывания средств массовой информации о причастности КГБ к убийству Меня являются клеветническими, необоснованными, вымышленными, не поддающимися никакой логике, с определенным политическим умыслом. Их цель – оклеветать и скомпрометировать органы государственной безопасности, посеять ненависть к ним в народе, показать их как орган убийц и т.п. Мне неизвестно, чтобы в органах КГБ создавались какие-либо структуры, ставящие целью уничтожение политических противников.** (А убийство Константина Богатырева весной 1976 года, близкого соратника академика Андрея Сахарова, так и оставшееся нерасследованным? – С.Б.). **В практике органов государственной безопасности, насколько я знаю, по своему собственному опыту, подобных акций не производилось, и это практика последних 30-40 лет. Не было никаких мотивов, никаких причин, чтобы органы безопасности явились бы организаторами этого преступления».**

Всматриваясь в лица тех, кто стоит сегодня за спиной Геннадия Зюганова, можно увидеть тех, кто недавно топтал Русскую Церковь, гноил в лагерях инакомыслящих, вводил единомыслие в России. Генерал КГБ Иван Абрамов, возглавлявший отдел, непосредственный начальник Сычева – одна из самых заметных фигур в теневом кабинете министров Зюганова. Автор этих строк испытал на себе их «отеческую опеку» – именно эти люди душили все живое в России. Они клеветали и гнали отца Александра.

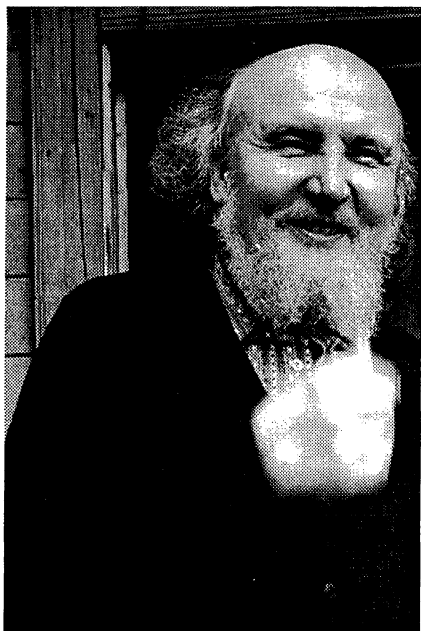
НА ПОРОГЕ ТЮРЬМЫ

Чтобы глубже понять трагические события сентября 1990 года, вернемся еще раз в прошлое. В осеннее утро 9 сентября 1985 года (трагическое совпадение!) отца Александра, как уже не раз бывало за последние три года, вызвали в Новодевичий монастырь, где располагается резиденция правящего архиерея – митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. Секретарь разъяснил священнику, что его просят приехать в Совет по делам религий. Около дверей Совета, на Садовом кольце, близ Неопалимовского переулка, стояли скучающие граждане в штатском и кого-то ждали. Увидев приближающегося священника, они встrepенулись и вошли вслед за ним в старинный особняк. В этот раз отцу Александру была оказана высокая честь – его принимал заместитель председателя Совета Генрих Михайлов. В его кабинете состоялась долгая беседа, которую записывал на магнитофон специальный корреспондент газеты «Труд» Николай Домбковский.

Стоит еще раз внимательно перечитать обвинения, которые выдвинуты им против отца Александра в статье «Крест на совести». Ни для кого, кроме, быть может, И.И.Лещенкова, не секрет, что Домбковский был тесно связан с церковным отделом КГБ и многие материалы получил непосредственно из рук полковника КГБ Владимира Сычева, ныне преподавателя Высшей академии ФСБ. И так, еще раз внимательно и не спеша прочитаем статью «Крест на совести»: **«Александра Вольфовича Меня голыми руками не возьмешь. Лукав отец Александр! Я встретился с ним, держа в руках письмо группы верующих: «Неправедно живет батюшка!» Беседовали часа три, а расстались – будто и не говорили...»** Интересная версия! Оказывается, Домбковский встретился с отцом Александром, подвигнутый на это письмом таинственных безымянных верующих. Опытный журналист (не чекист!) почему-то решил сразу взять священника «голыми руками». А вот о протяженности беседы не соврал – «часа три». Правда, умолчал, что беседовал в Совете по делам религий и не один.

Далее Домбковский пытается пересказать смысл беседы и убедить простодушного читателя, что протоиерей Александр Мень – человек **«скользкий и неискренний»**²⁴. Николай Домбковский берет на

²⁴ – Автора этих строк всегда удивляло, когда во время допросов следователь КГБ, глядя по-отечески, укоризненно и устало говорит: «Вы с нами неискренни!». И столько сожаления, столько горечи сквозит в этом упреке, что поневоле →

Священник Димитрий Дудко.
1976. Фото С.Бычкова.

себя роль духовника и отважно перечисляет «прегрешения» отца Александра: **«Много чего не помнит Александр Вольфович. И незаконных религиозных утренников, и лично им озвученных слайд-фильмов религиозно-пропагандистского характера, которые нелегально распространял среди верующих и встречи на «Речном вокзале»²⁵**. Далее следует обличительная часть, которая должна разъяснить непонятливому читателю, почему столь забывчив священник: **«...Всю жизнь стремился устроиться батюшка получше, и вспоминать неприятное ему ни к чему»**. Затем Домбковский пытается в лучших традициях социалистического реализма пересказать биографию отца Александра, завершив ее неожиданным пассажем: **«Кривая дорожка все дальше уводила Меня от нормального жиз-**

ненного пути, приведя в конце концов в ряды «оппозиционеров».

Итак, какое же основное обвинение предъявляет Николай Домбковский отцу Александру? **«Незаконные религиозные утренники, лично им озвученные слайд-фильмы»²⁶**. Продолжаем: **«Нелегальное распространение слайд-фильмов!»** Немного наскреб журналист Домбковский! Правда, он попытался тягаться с поэтом А.С.Пушкиным и сочинил душераздирающую сцену, позаимствовав ее из «Скупого рыцаря». Оказывается, бездушный отец Александр прогнал на мороз несчастную супругу подлого духовного «сына» с двумя малолетними детьми. Маловато! Да, чуть не забыл – таинственная встреча с профессором-протоиереем Иоанном Мейендорфом. Во время этой встречи, по компетентным сведениям Домб-

становится стыдно за себя, хотя, признаться, никогда не мог понять: почему именно на Лубянке следует быть искренним? Вот если бы духовник на исповеди упрекнул в неискренности, тогда другое дело! Или чекисты всерьез уверовали, что именно они являются духовными вождями и наставниками россиян?

25 – См. Приложение № 14.

26 – Кстати, где они сегодня? Сотни самодеятельных педагогов пытаются привить нашим детям основы христианства. Эти слайд-фильмы, привлечшие бдительный взор КГБ, сослужат добрую службу в наши дни, ведь в них звучит голос отца Александра!

ковского, обсуждались «планы создания «оппозиции», а по сути дела – антисоветского подполья с конкретными задачами»²⁷.

Быть может, не стоило бы ворошить пожелтевшие газеты, копаясь в далеком прошлом. Любой, прочитавший статью Домбковского целиком, почувствует желание поскорее принять душ, чтобы избавиться от ощущения грязи. Понятно, что статья, появившаяся во втором году перестройки, преследовала одну цель – разгромить или посадить в тюрьму популярного священника. А если это не удастся – то заставить его публично покаяться! Что же это за таинственная встреча в квартире на «Речном вокзале», о которой столь подробно рассказывал Н.Домбковский? Какую роль сыграл отец Иоанн Мейендорф? Об этом стоит рассказать подробнее.

С профессором-протопресвитером Иоанном Феофиловичем Мейендорфом (1926-1992), автор этих строк вновь встретился в 1990 году в Ленинграде после долгих лет вынужденной разлуки. Наше знакомство состоялось в конце 70-х годов, когда отец Иоанн был гостем сначала Московской Патриархии, а потом и Академии наук СССР. Запомнились оба его приезда в «те» времена – в 1978 и 1979 годах. Один раз он приезжал в составе делегации Американской Автокефальной Церкви вместе с ее Предстоятелем – митрополитом Феодосием, в другой – как ученый-византолог, по приглашению Академии наук.

В конце сентября 1978 года к автору этих строк обратился отец Димитрий Дудко, попросив сопровождать его на официальный прием к митрополиту Феодосию в гостиницу «Советская» на Ленинградском проспекте, где остановилась делегация. У входа в гостиницу нас встретил отец Иоанн и сразу же провел в номер владыки Феодосия. Отец Димитрий тут же, в вестибюле, облачился. Митрополит радостно встретил его, но беседа длилась недолго, поскольку официальная программа визита была чрезвычайно насыщенной.

После беседы у митрополита мы спустились в номер отца Иоанна, где состоялась почти двухчасовая беседа. Мы стали свидетелями доброжелательного спора двух священников. Отец Димитрий считал, что наступила иная пора, когда можно и должно идти на открытую конфронтацию с боготорческой властью, открыто обличая пороки власть имущих, регулярно информируя западную общественность о всех случаях нарушения прав верующих в СССР. Отец Иоанн, напротив, старался убедить отца Димитрия в том, что открытая конфронтация может завершиться для него трагически²⁸. Во второй половине 70-х годов отец Димитрий подвергался неоднократным гонениям. Он

²⁷ – См. Приложение № 14.

²⁸ – В этом же, 1978 году в Париже вышла книга Льва Регельсона «Трагедия Русской Церкви» с послесловием отца Иоанна. Нам, молодым христианам, казалось, что прав Лев Регельсон, решительно осуждавший политику церковных компромиссов. Излишне дипломатичной казалась тогда нам позиция отца Иоанна по отношению к политике митрополита Сергия (Страгородского) и его преемников. Попытку оправдания компромиссов мы считали проявлением слабости и недалковидности отца Иоанна.

постоянно общался с западными журналистами, которые запросто звонили ему домой. За рубежом регулярно выходили его книги. Тогда казалось, что КГБ, внимательно следивший за его служением в храме в селе Гребнево под Москвой, не посмеет тронуть священника с мировой известностью. Отец Иоанн думал иначе²⁹.

Впоследствии оказалось, что его позицию, в отличие от нас, совершенно по-иному оценил «церковный» отдел КГБ. Естественно, что и встреча митрополита Феодосия с отцом Димитрием Дудко, проведенная по инициативе отца Иоанна, и встречи последнего с опальными священниками на частных квартирах – с отцом Глебом Якуниным, Александром Менем, Александром Борисовым – прослеживались и прослушивались. Более того, спустя почти семь лет, когда многие детали этих встреч стерлись в памяти участников, в газете «Труд» появился пасквиль Николая Домбковского. Получив доступ к секретной информации церковного отдела КГБ, с подачи полковника Владимира Сычева бойкий журналист опубликовал политический донос.

Одним из «героев» этого доноса стал отец Иоанн Мейендорф. Домбковский даже попытался создать его портрет: **«Теплым летним вечером из вестибюля станции метро «Речной вокзал» вышел немолодой элегантный мужчина. Холеная бородка, отлично сшитый неброский костюм, неторопливые манеры – со стороны его можно было принять за писателя или ученого, решившего прогуляться после напряженного дня. Мужчина не спеша прошелся по тротуару, вернулся назад, рассеянно заглядывая в витрины магазинов. Лишь очень наблюдательный человек смог бы заметить, что незнакомец нервничает. Неожиданно он резко свернул во двор жилого дома и быстро нырнул в подъезд³⁰. На девятом этаже уже ждали, дверь открылась, едва он коснулся звонка...»³¹** Сегодня трудно поверить, что в те годы встречи с иностранцами проходили едва ли не в детективной обстановке. Позже, после многочисленных допросов в начале 80-х годов, участники встречи пришли к выводу, что за отцом Иоанном была установлена плотная слежка. Но поняли и другое – прослушать одну из важных бесед чекистам так и не удалось. Поэтому неоднократно они пытались дознаться во время допросов – какие же проблемы обсуждались в тот летний вечер 1979 года. Находясь в лагере, один из случайных участников встречи попытался воспроизвести ее в деталях, которые и легли в основу фельетона Домбковского. Вот эти детали в интерпретации КГБ: **«...И взрослые мужчины принялись всерьез обсуждать планы создания оппозиции, а по**

²⁹ – Арест отца Димитрия в январе 1980 года, когда развернулись «андроповские» гонения на Церковь, доказали правоту отца Иоанна. Публичное покаяние отца Димитрия по ТВ, а также в газете «Известия» привело к тому, что от него отшатнулась большая часть прихожан, а он сам оказался надолго скомпрометирован.

³⁰ – Эти детали, конечно же, не совсем удачная попытка художественного вымысла. С трудом освобождаясь от официальных приемов и встреч, отец Иоанн спешил повидаться с друзьями и вряд ли чрезмерно пытался освободиться от слежки, хотя и знал, что за ним следят.

сути дела – антисоветского подполья с конкретными задачами... Программу действий излагал Глеб Якунин. Именно он первым взял слово. Суть предложений сводилась к следующему. Поскольку Советская власть якобы преследует верующих, а Русская Православная Церковь закрывает, дескать, на это глаза, нужно создать в СССР другую церковь, которая, мол, и поведет борьбу «за права верующих»... Отец Иоанн и другие иерархи (так! – С.Б.) Американской Церкви, приезжая в СССР, будут рукополагать в священники людей, специально подобранных Якуниным и компанией. Со временем таким образом должна образоваться целая сеть тайных приходов. О привлечении туда верующих «оппозиционеры» позаботятся, хотя и тут, конечно, понадобится помощь Запада: передачи по радио, литература. Поскольку приходы эти будут подчиняться Американской православной церкви, то их территория, дескать, вполне может считаться территорией США, на которую не должны распространяться советские законы. А это значит – полная свобода действий в ущерб интересам Советского государства»³². Не считая последнего абзаца – домыслов чекиста-журналиста – мнение отца Глеба изложено довольно точно. Сегодня трудно выяснить, откуда все же получил КГБ эти сведения. Но отец Димитрий Дудко после своего освобождения из заключения в августе 1980 года рассказывал, как в Лефортово, уже перед самым освобождением, следователи с пристрастием допрашивали его, стремясь выяснить малейшие подробности этой встречи.

Пытаясь реконструировать выступление отца Глеба, Домбковский продолжает: «...Чтобы упростить задачу подготовки подпольных священников, решить проблему «кадров» участники встречи предложили открыть в СССР заочный сектор Свято-Владимирской духовной академии, находящейся в Нью-Йорке. Ну а если кто-нибудь попытается помешать реализовать эти планы, «борцы» готовы предоставить мировой общественности «полную информацию о гонениях на веру». Вот в этом-то уж можно не сомневаться! Мы с вами отлично понимаем, какие «факты» и каким образом были бы преподнесены «общественности», прежде всего – «голосами».

«–Что ж, – задумчиво произнес Мейендорф, – Планы у вас интересные, есть над чем подумать. Но слова – это слова, а мне хотелось бы получить от вас по этому поводу программный документ. Это поможет там, в Штатах, подтвердить серьезность ваших намерений тем, кто готов вам помогать. Сможете такой документ составить?»

– Никаких проблем, – заверили его. – Мы уже подумали об этом...

31 – Газета «Труд» от 10 апреля 1986 года. С. 4.

32 – Там же. С. 4.

Такой документ был подготовлен. Интересно, где и кому собирался предъявить его в США Мейендорф как доказательство существования в СССР «религиозной оппозиции»? В госдепартаменте? А может, в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ?»³³

Сегодняшняя позиция Глеба Якунина и его поддержка Русской Православной Церкви за рубежом (РПЗЦ), создающей ныне приходы на территории России, свидетельствует, что его взгляды мало изменились со времени той встречи. Разница лишь в том, что разочаровавшись в Американской Автокефальной Церкви, он сотрудничает с «карловчанами». Абсолютно искажена позиция отца Иоанна. Он всегда оставался верен себе. Выслушав отца Глеба, а затем мнение отца Александра Меня, который уже в те годы начал практиковать в своем приходе, в селе Новая Деревня под Москвой, «малые группы»³⁴, отец Иоанн присоединился к мнению отца Александра. Существование «малых групп», в рамках которых активные миряне занимались поначалу катехизацией оглашенных, а затем евангелизацией новокрещенных, показалось отцу Иоанну более отвечающим евангельскому духу, нежели создание подпольных приходов, которые неминуемо были бы противопоставлены Московскому Патриархату. Поэтому он пообещал, что попытается помочь как религиозной литературой, так и присылкой программ семинарских курсов³⁵. Было условлено, что православные священники из США, посещая СССР, будут общаться с верующими, молясь и беседуя с ними в «малых группах». Поэтому сообщения фельетониста о некоем «документе», который, якобы, был представлен отцу Иоанну – досужий вымысел, не более: «...**Я держу в руках несколько страничек машинописного текста. Этот документ поступил от одного из жителей Москвы. И это – не что иное как составная часть того самого плана, что обсуждался на «Речном вокзале»: инструкции, касающиеся создания в СССР... подпольной духовной семинарии!**

Вот описание предметов, которые должны изучать «семинаристы». По каждому – методические разработки, правда, еще

³³ – Там же, с. 4. Можно подумать, что кого-то в США, кроме, быть может, религиозных деятелей, интересовала судьба Русской Православной Церкви. Политики, если и вмешивались, то лишь под давлением общественности, робко пытались повлиять на советских государственных деятелей. Государственный терроризм в СССР по отношению к своим гражданам культивировался с 1917 года, лишь слегка видоизменяясь в годы «оттепели» и «перестройки».

³⁴ – Из мирян, по профессиональному признаку или по интересам, создавались небольшие, от 5 до 10 человек, группы. Или подсказывал священник, или лидер в группе выявлялся сам. Христиане регулярно собирались раз в неделю или несколько раз в месяц для совместных молитв и беседований. В основу общения было положено изучение Священного Писания и совместное причащение в храме. Предусматривалось также общее дело – опека над стариками и больными, размножение и распространение религиозной литературы. Вся эта деятельность сегодня объемлется термином – «евангелизация». Осуществлялось и христианское воспитание детей, которому в приходе уделялось особое место. К середине 80-х годов в приходе насчитывалось 10-12 таких групп. КГБ проявлял к ним особый интерес, стремясь во что бы то ни стало разогнать их.

не в полном объеме. Но, зато подробно рассказывается, кто может стать слушателем заочного отделения, как его принимать, как проводить занятия и консультации с будущими служителями «подпольной Церкви». Еще страничка – планы снабжения зарубежной литературой, четко разработанная система контроля за обучением со стороны американских священников. А чуть дальше – список кандидатов на руководящие посты. И снова – в который уже раз! – все эти провокационные инструкции обильно снабжены рассуждениями о «нелегкой судьбе» «борцов за веру», очерченными измышлениями о «гонениях» на них»³⁶.

Еще до смерти Л.Брежнев, когда власть почти целиком перешел к рукам Ю.Андропов, поездки отца Иоанна в СССР прекратились. Видимо, предчувствуя неминуемую скорую кончину, «церковный» отдел КГБ во что бы то ни стало стремился доказать новой партноменклатуре, которую привлек из провинции Ю.Андропов, свою нужность. Быть может, поэтому отец Иоанн Мейендорф, известный своей четкой гражданской позицией по отношению к советской власти, стал персоной нон-грата.

После десятилетнего перерыва он смог побывать в России на праздновании тысячелетия Крещения Руси. Когда мы встретились с ним в 1990 году в Петербурге, я поразился, настолько он показался мне измученным и больным. Сказалась непосильная нагрузка – после смерти Александра Шмемана в 1983 году он стал деканом Свято-Владимирской семинарии. Непосильные административные нагрузки, преподавание подорвали его здоровье, а ведь он продолжал учебные изыскания. Тем не менее с радостью откликнулся на предложение подготовить интервью и вскоре прислал из США ответы, аккуратно написанные от руки. Узнав, что в августе 1991 года он приезжает в Москву на научную конференцию, автор этих строк подготовил к публикации значительный отрывок, который и был тогда же, в августе опубликован в «Московском комсомольце»³⁷.

35 – Быть может, самое забавное во всей этой истории, что сегодня Свято-Владимирская семинария легально, с ведома светских и церковных властей, набирает вольнослушателей из СНГ, причем проводится самый строгий отбор. С первыми кандидатами весной 1992 года беседовал отец Иоанн. Из десятка соискателей, среди которых, несомненно, были и претенденты из числа опекаемых КГБ, он отобрал... одного человека! Открыт в Москве приход Американской Автокефальной Церкви, в храме святой Екатерины на Ордынке, его настоятель – отец Даниил Губяк. РПЗЦ имеет свой, хотя и доморощенный храм на Митинском кладбище, не считая многочисленных, правда, нежизнеспособных приходов в России.

36 – Газета «Труд» от 10 апреля 1986 года. С. 4.

37 – «МК» «Время осмысления» от 9. 08. 91. С. 2. Чуть позже этот же фрагмент был опубликован в журнале «Воронежский епархиальный вестник», № 8, 1992. С. 43-46.

Мы встретились в МГУ, где проходила научная конференция, и там договорились, что наша беседа будет продолжена. Тогда же я отдал отцу Иоанну следующую порцию вопросов. 19 августа 1991 года, когда путч стал свер-

ИЗ-ПОД ГЛЫБ

...Руководитель следственной группы И.Лещенков с 1991 по 1994 годы неоднократно выступал по телевидению и в прессе, стремясь успокоить общественность, повествуя о том, как было совершено убийство вместо того, чтобы разыскать тех, кто его совершил. Сегодня россияне погружены в глубокую апатию – наступил период, когда люди, утратив веру в реформаторов, пресытились политикой и медленно начинают осознавать, что рассчитывать приходится только на себя. В этой атмосфере убийство отца Александра вспоминается все реже и реже. Комиссия по литературному и богословскому наследию, формировавшаяся на протяжении полутора лет, была все же создана. Ее возглавил митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий. В отечественной прессе, кроме публикации о составе комиссии, пока не появлялось сообщений ни о работе этой комиссии, ни о том, как продвигается расследование. До сих пор неизвестно, получили ли члены этой высокой комиссии какую-либо информацию о расследовании.

Но сквозь эту мертвую зыбь все же иногда просачиваются крохи сведений об очередных тупиках, в которые по-прежнему, с удивительной закономерностью попадает следствие. В третьем номере ежемесячника «Совершенно секретно» (№ 3, 1992) появилась статья Елены Светловой «Смерть без диагноза», в которой впервые за полтора года прозвучал голос Вадима Молодого, врача, который был близок к отцу Александру в последний год его жизни. Поразительно, насколько данные В.Молодого совпадают с той информаци-

шившимся фактом, я позвонил ему. Он рассказал, что весть о перевороте была услышана им в Успенском соборе, где он сослужил с Патриархом Алексием II Божественную литургию. Он поведал мне, что молились только о православном народе, опустив привычное моление о властях. Он был оживлен и не верил в успех переворота. На следующий день отец Иоанн должен был улететь в США, хотя и не был до конца уверен, что это удастся. Ни тени уныния или страха не чувствовалось в голосе. До весны 1992 года я получил несколько писем от него.

Последний раз он прибыл в Москву в мае 1992 года. Как всегда был предельно загружен – встречался с духовенством, читал лекции, сослужил с

ей, которую получила осенью 1991 года газета «Аргументы и факты». Напомним содержание заметки, опубликованной в № 39 «АиФ»: **«Незадолго до гибели отец Александр Мень получил материалы, компрометирующие высшее церковное, партийно-государственное и чекистское руководство. Эти документы находились в портфеле Менья, бесследно исчезнувшем после имевшего трагические последствия нападения двоих неизвестных, – сообщил «АиФ» бывший сотрудник православного отдела КГБ, попросивший не предавать его имя огласке. По его данным, гибель отца Александра, как и последующие убийства двух священников – друзей Менья – дело рук спецслужб, выполнявших заказ заинтересованных лиц».** В этой краткой заметке содержится такая мощная доза дезинформации, что ее стоит изучить самым пристальным образом.

Известно, что отец Александр всю свою жизнь сознательно чурался политики. Более того, в одном из своих интервью он сказал: **«Я вообще считал политикой вещь преходящей, а работать хотел в сфере непреходящего».** Не будем забывать, что статья в «АиФ» появилась в ноябре 1991 года, накануне сенсационных разоблачений парламентской комиссии, которая почему-то целиком сосредоточилась на раскрытии фактов сотрудничества иерархов Русской Православной Церкви и КГБ. Уже в начале января 1992 года был расшифрован ряд агентурных кличек высших иерархов Русской Православной Церкви. И, наконец, сотрудник православного отдела КГБ (к ноябрю 1991 года такого отдела в КГБ не существовало) осведомленно и уверенно настаивает, что убитые позже монахи Лазарь (Солнышко), секретарь митрополита Ювеналия, и Серафим (Шлыков) – друзья отца Александра. С игуменом Лазарем (Солнышко) отец Александр был знаком лишь постольку, поскольку был клириком Московской епархии. Обращаясь к митрополиту, он был вынужден общаться с игуменом Лазарем. С отцом Серафимом (Шлыковым) вообще не был знаком.

В.Молодой утверждает, что смерть заместителя главного редактора ежемесячника «Совершенно секретно» Александра Плешкова связана с той информацией, которую он получил нака-

Патриархом Алексием II, с которым они дружны с давних пор. Не афишируя, избегая официальных встреч, он с трудом выбрал время для посещения Троице-Сергиевой лавры, куда его привез брат жены – М.А.Можайский.

Был жаркий солнечный июньский день. Мы осмотрели музей Академии и собрание ризницы (меня поразили его знания – он много рассказывал об экспонатах музейной экспозиции), потом не спеша снаружи обошли лавру. Строили планы на осень. Отец Иоанн поведал, что решил сложить с себя полномочия декана Свято-Владимирской семинарии, что уже назначены выборы. В сентябре рассчитывал приехать в Москву и поездить по России. Как оказалось, это была наша последняя встреча. – С.Б.

нуне своей парижской поездки от отца Александра. В.Молодой свидетельствует, что А.Плешков записывал на магнитофон рассказ отца Александра «о пресловутом митрополите Питириме Волоколамском и Юрьевском, Председателе Издательского отдела Московской Патриархии, и его наставнике председателе КГБ Крючкове, о той пылкой поддержке, которую они имели в ЦК КПСС, о мракобесном попе Салтыкове, о некоем Николае Филимонове и о Киевском митрополите Филарете, прославившемся тем, что публично призывал «дорогие органы» начать сажать украинских униатов. Еще ряд имен отец Александр обещал назвать при нашей следующей встрече»³⁸. Из рассказа явствует, что В.Молодой присутствовал при беседе ушедшего из жизни при неясных обстоятельствах А.Плешкова и отца Александра.

Дело в том, что «сенсационные разоблачения» Глеба Якунина и Александра Нежного для церковных людей не открыли ничего нового. Мы знали о том, что Русская Православная Церковь находится под пристальным надзором КГБ и ЦК КПСС, что многие епископы тесно связаны с КГБ хотя бы потому, что зарубежную деятельность Русской Православной Церкви курировал в Совете по делам религий обычно чин из контрразведки³⁹. При В.Куроедове этим занимался ныне покойный полковник Фицев, позже – полковник Милованов. Так что отцу Александру, прослужившему священником четверть века, эти связи были прекрасно известны, как, впрочем, и многим другим священникам и мирянам. Поэтому странно было бы предположить, что он, с 1988 года выезжавший за рубеж, посетивший Польшу, Германию, Бельгию и дважды Италию, будет сообщать под страшным секретом банальные истины А.Плешкову. Еще в 1979 году парижский журнал «Вестник русского христианского движения» опубликовал отчет заместителя председателя Совета по делам религий В.Фурова перед Политбюро о работе Совета по делам религий в отношении Русской Православной Церкви. Сообщения В.Молодого напоминают по стилю целенаправленную дезинформацию, подобную той, которую поместил на своих страницах еженедельник «Аргументы и факты».

Важно выяснить, как относился отец Александр к положению Русской Православной Церкви в атеистическом и тоталитарном государстве. Причем важно, чтобы свидетельства эти были не гадательными, а весомыми. К счастью, сохранилось его интервью, датирован-

³⁸ – Елена Светлова. Смерть без диагноза. Ежемесячник «Совершенно секретно», № 3, 1992.

³⁹ – Единственным, кто отважился открыто заявить о своем сотрудничестве, оказался архиепископ Литовский и Виленский Хризостом (Мартишкин). См. статью «Я добровольно сотрудничал с КГБ», («МК» от 3 ноября 1993 года).

ное апрелем 1983 года. Прочитируем лишь несколько отрывков, которые свидетельствуют о его отношении к положению Церкви и православному епископату:

«– Не кажется ли вам, что нынешнее наступление атеистов может разрушить то небольшое, что удалось создать?»

– Я никогда не верил, что внешние факторы целиком определяют жизнь Церкви. Ничто не может поколебать Ее, если верующие сохраняют верность основам Евангелия. Нам уже не раз предоставлялись возможности, но «активизация церковников», увы, есть миф, изобретенный авторами атеистических лекций и публикаций. За упущенными возможностями всегда следует расплата. Но не все потеряно. Есть люди. Найдутся и «три праведника».

– **Каков ваш взгляд на ближайшее будущее Русской Православной Церкви (имею в виду возможную смену церковного руководства)?**

– Думаю, что радикальных перемен это не принесет. Поскольку общая картина ясна и сейчас. Ослабление экуменического духа, поправение, замыкание, общая инерция. Но опять-таки почва плодородна и может родить много неожиданного. Главный враг теперь, как впрочем и раньше – «бытовизм», заглушающий то, что есть живого в духовенстве»⁴⁰.

Фантазии Вадима Молодого не имеют под собою реальной почвы. Непонятно, для чего понадобилось ему дезинформировать эмигрантские круги в США, а также читателей в России⁴¹.

Следствие по делу об убийстве православного священника с 1991 года находится в тупике. Генеральный прокурор России В. Степанков в феврале 1992 года заслушавший отчет руководителя следственной группы, по-видимому, остался доволен результатами. Его устраивала неспешная и бесперспективная работа следователей. Все еще остаются «табу», через которые не в силах «перешагнуть» следствие. Остается непроясненным и вопрос о журналисте Николае Домбковском, опубликовавшем в апреле 1986 года погромные статьи в газете «Труд», в которых всячески чернил отца Александра. Когда журналист В. Деков разыскал Н. Домбковского, тот заявил, что «Мень произвел на него впечатление человека суетливого, неискреннего, маслянистого».

– **Был ли он диссидентом?**

– Нет. Он всю жизнь искал для себя удобную «экологическую нишу», в которой мог бы прожить спокойно и без хлопот.

⁴⁰ – См. Приложение № 9.

⁴¹ – Незадолго до гибели отца Александра Вадим Молодой вместе с делегацией евангельских христиан-баптистов отбыл в США. Но в Россию не вернулся. Он попросил политического убежища, ссылаясь на то, что его преследует КГБ.

Короче говоря, он был «типичным конформистом». При этом мнении Н.Домбковский, ныне превратившийся в преуспевающего коммерсанта, остается и доныне. А тем временем все громче заявляют о своей позиции по отношению к гибели отца Александра отечественные «правые». Нас стараются убедить, что отец Александр был «сионистом», умело действовавшим в лоне Русской Православной Церкви, и что его убийство носило ритуальный характер.

Все громче звучат голоса, утверждающие, что пора закрыть следствие по делу отца Александра, ибо он сам давно простил своих убийц. Полагаю, что если бы он выжил, то наверняка бы простил убийц, покушавшихся на его жизнь. Но как должны в этой ситуации поступить мы, его духовные дети и его соотечественники?

С осени 1992 года изменилась тактика руководителя следственной группы Московской областной прокуратуры И.И.Лещенкова. Памятуя о годовщинах, связанных с именем отца Александра, он чаще обращался к средствам массовой информации, выступая в прессе и на телевидении. Подобная тактика приносила определенные плоды – в обществе возникла иллюзия, что следствие вот-вот схватит преступников. Так, выступая 8 сентября 1992 года по московскому телевидению, И.И.Лещенков продемонстрировал многочисленные тома следственного дела, а также сообщил, что преступники почти обнаружены и что до завершения следствия осталось совсем немного. При этом телекамера услужливо демонстрировала две фотографии, которые внимательно рассматривал следователь – отца Александра и его сына, Михаила. Видимо, из этого следует сделать вывод, что следствие искало преступника среди родственников отца Александра.

Эту версию осенью 1992 года охотно подхватил и развил советник юстиции Евгений Хазин в телефильме Леонида Шарова, главного редактора газеты «Криминальная хроника». Шаров оказался единственным человеком, которому прокуратура доверила донести до зрителей эту версию. Советник юстиции сообщил, что преступление почти раскрыто, что искать преступника следовало среди самых близких отцу Александру людей и что он вот-вот будет пойман. Эти многообещающие заявления позволяли надеяться, что действительно следствие стоит на пороге раскрытия зловещего убийства.

Версия о том, что причиной гибели отца Александра мог стать его сын, всплыла еще в начале следствия. Дело в том, что Михаил Мень, музыкант по образованию, находился в сентябре 1990 года в Италии. Следствие выдвинуло предположение, что Михаил Мень мог задолжать крупную сумму и поэтому скрывался от кредиторов. Однако, эта версия отпала сразу после возвращения Михаила из Италии в сентябре 1990 года. Но спустя два года она снова рассматривалась следствием и – вновь была отвергнута. В очередном выступ-

лении по телевидению следователь Лещенков опять заверял зрителей, что преступление уже раскрыто, хотя очень и очень запутано. Сопоставляя выступления И.Лещенкова и советника юстиции Е.Хазина, трудно поверить, что они бок о бок трудятся в одних и тех же органах правопорядка.

А между тем всплывают все новые и новые доказательства того, насколько халатно проводилось следствие. Следователи обязаны были тщательно проверить, не осталось ли на одежде отца Александра отпечатков пальцев преступников – этого не было сделано ни в день убийства, ни на следующий день. Хотя попытки исследовать одежду отца Александра предпринимались, но они были пресечены. Вырисовывается определенная картина: следствие делает вид, что стремится найти преступника, а некие таинственные силы всячески стремятся запутать и без того вяло текущее расследование. Если бы убийство отца Александра не приобрело мировую огласку, следствие уже было бы прикрыто за давностью. Такой финал, видимо, не за горами.

В конце марта 1992 года автора этих строк пригласили в Московскую областную прокуратуру. Со мной хотел побеседовать следователь по фамилии, как было указано в повестке, – Мещенков. Памятуя, что следствие по убийству протоиерея Александра Меня ведет следователь по особо важным государственным преступлениям И.И.Лещенков, а курирует в МБР следователь А.В.Мягченков, я пытался понять, кто этот остроумец, который соединил их воедино? Но в Московской областной прокуратуре за отсутствием Мещенкова пришлось беседовать с начальником И.И.Лещенкова – работником Областной прокуратуры Шутовым. Его не интересовали проблемы, связанные с убийством отца Александра. Его волновал вопрос – кто разрешил корреспонденту так писать о работниках прокуратуры? Резюме беседы лучше отразить в пословице: «Просим не прогневаться – ищите лучше нас!»

К 1994 году казалось, что политическая версия, как впрочем и уголовная, отвергнуты следствием. Но оставалась нерасследованной версия сионистская. Именно эту версию стал тщательно разрабатывать Иван Лещенков.

ПАСТЫРСТВО

Мы редко замечаем, что слишком часто при знакомстве с людьми или темами пользуемся готовыми шаблонами. Как-будто внутри, в глубинах сознания, хранится набор эталонов и мы знаем, как должен выглядеть настоящий праведник, что он должен говорить, как вести себя, и, конечно же, как относиться к нам. И если при реальной встрече человек ведет себя иначе, нежели мы представляли, с негодованием отвергаем его, предпочитая собственные иллюзии.

Сталкиваясь с Церковью, рядовой советский человек,⁴² будь то интеллигент, или простой труженик, всегда смотрит на священника с затаенным уважением, видя в нем прежде всего совершителя таинств, непонятных ему. Мир Церкви кажется таинственным и особым, полным благодати – это совершенно иной мир, нежели тот, в котором обитает он. Безусловно, встречаются исключения, когда мир Церкви отвергается с ненавистью. Богоборчество в России отнюдь не феномен прошлого. Недаром одним из страшных ругательств считается то, в котором упоминается имя Бога. Но подавляющим большинством мир Церкви воспринимается как священный, совершенно отъединенный от обычной жизни. Тот мир, в котором обитают обычные люди с ежедневными хлопотами и заботами, считается профанным, как бы противостоящим миру священному.

Это весьма распространенное заблуждение, вошедшее в плоть и кровь наших современников. Именно поэтому, встречая в церковной среде зависть, интриги, доносительство – обычные человеческие страсти – советский человек чаще всего теряет веру. Ошибка заключается в том, что мир не делится на две несоприкасающиеся части – мир, в котором мы существуем, един; Иисус Христос, придя в мир, освятил все сферы жизни. Священники тоже люди, обремененные недостатками и грехами. Причем, видны они гораздо ярче, чем грехи обычных людей, поскольку на священника обращены сотни выскательных глаз.

Подобное заблуждение священники часто эксплуатируют, стремясь предстать перед прихожанами совершителями неких таин-

⁴² – Этот термин не случаен, не смотря на то, что Советского Союза уже не существует. Описанию «нового человека», возвращенного в результате коммунистического эксперимента, посвящены книги Варлама Шаламова, Александра Зиновьева и Михаила Геллсга.

ственных манипуляций, которые существенным образом влияют на их жизнь. Это издержки магического мировоззрения, раскрытию которого отец Александр Мень посвятил немало страниц в своем семитомнике. Он неоднократно подчеркивал, что священник не жрец: **«Роль жрецов дохристианского мира ограничивалась обычно исполнением обрядов... Христианский служитель, подобно апостолам, призван возвещать Слово Божие. Христос вменяет апостолам (и, следовательно, пастырям) в обязанность руководить духовной жизнью людей. Слова: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе» (Мф. 18, 18) – означают не только власть отпустить грехи, но и власть пастырского водительства. Однако, эта власть должна, по завету Христову, исключать насилие, владычество, духовный деспотизм. Власть пастыря есть служение (Мф. 20, 25-28). Архиепископ Иоанн Шаховской замечает: «Делателями неправды являются все священнослужители, которые Христово благодатное пастырство подменяют безблагодатным жречеством, служение народу – господству над народом!»⁴³ Сам отец Александр был «и совершителем таинств, и проповедником, и миссионером, и духовным врачом, и руководителем». В этом смысле он был необычным священником. Хотя эта традиция всегда жила в Русской Церкви. Достаточно ознакомиться с практикой оптинских старцев или с пастырской практикой отца и сына Мечевых, служивших в московском храме святителя Николая на Маросейке.**

Работая над статьей, посвященной церковным братствам 20-х годов, автор этих строк был поражен почти буквальным совпадением пастырской практики отца Алексия Мечева с пастырским подходом отца Александра Мень. Свое пастырское кредо отец Александр высказал в одном из писем к своему духовному сыну, врачу-психотерапевту Владимиру Леви, которого в течение нескольких лет вел к крещению: **«Повторяю, самое ценное, если он (один из пациентов Леви, которому врач не смог помочь – С.Б.) сам определится. Я же только акушер, помощник, не более. Разумеется, по отношению к нему (и другим) я мог бы действовать иначе. Но мне это претит. Какое-то внутренне чувство говорит: «убери когти!». Рожденное изнутри важнее привнесенного...»⁴⁴**

Мария Николаевна Соколова, маросейская прихожанка, впоследствии принявшая монашеский постриг с именем Иулиания, в своей книге об отце Алексие Мечеве вспоминает о том периоде, когда он был преподавателем Закона Божия в гимназии Е.В.Винклер: **«Дело в том, что А.А.Мечев был настолько снисходителен и мягок к ученикам, что последние злоупотребляли его добротой и невзыскательностью и много шалили на уроках, не слушали того, что им говорилось. Бесконечная снисходительность А.А.Мечева от-**

⁴³ – Протоиерей Александр Мень «Памятка начинающему священнику», машинопись.

⁴⁴ – В. Леви. Я ведь только инструмент. В сб.: «И было утро». М., 1992. С. 226.

нюдь не была проявлением безразличного или апатичного его отношения к педагогической работе, он не был уставшим, флегматичным учителем, которому решительно все равно, что делается на уроке. Он страдал от невнимания учениц, от того, что евангельская проповедь скользит мимо ушей шаловливых девочек, он не мог принудить учащихся быть чинными на уроке. Не мог не потому, что он не умел водворить порядок, а потому что всякое принуждение было чуждым его характеру. Принцип непротивления злу злом был руководящим во всех поступках А.А.Мечева и был доведен им в жизни до христианского предела...»⁴⁵

Когда отец Александр Мень в письме упоминал «когти», он как биолог по образованию прекрасно понимал, что человеческая агрессия, как одно из наследий мира животного, может облекаться в пристойные одежды и оправдывать себя необходимостью духовного руководства. Однако, насилие и агрессия недопустимы в мире духовном. Феномен «младостарчества», которому столь часто подвержены молодые православные священники, объясняется не столько духовной незрелостью, сколько непониманием сути евангельской вести. Лев Толстой решил для себя эту проблему просто – он подверг Евангелия редактуре, выбросив из них все, что ему было непонятно.

Молодые священники, если бы не ложный стыд, поступили бы решительно также. Их не привлекает пастырская практика отца Алексия Мечева – они предпочитают, чтобы прихожане служили им. Они считают, что вправе указывать людям, как им поступать, а это порою приводит к катастрофическим последствиям. Они считают, что живут в мире священном, а все остальные – в мире профанном. Подобный подход в конце концов приводит к тому, что боли и нужды простых людей становятся чуждыми и непонятными.

Отец Александр всегда шел к людям, прекрасно знал их печали и трудности. Вспоминается один случай. Умирал сосед по дому, человек простой, всю жизнь трудившийся на производстве. Незадолго до смерти с ним случилось несчастье – на него наехал автопогрузчик. Почти год не срасталась переломанная нога, а вскоре врачи обнаружили злокачественную опухоль. Он умирал, озлобленный на весь мир. Хотелось, чтобы священник исповедовал и причастил его. Автор этих строк поехал в ближайший храм. Была пасхальная седмица, на которой службы совершаются ежедневно. Но я не застал священника. Тогда я обратился к отцу Александру. Несмотря на предельную загруженность, он приехал. Умирающий не хотел слышать о священнике. Но отец Александр сумел найти с ним общий язык, исповедал и причастил его. Он примирил его с ближними, с Богом, и он отошел в мир иной примиренным.

Отец Александр был мужественным человеком, всегда побеждавшим страх и всецело предавшим свою жизнь в руки Всевышнего.

⁴⁵ – М.Н.Соколова. Жизнеописание московского старца, отца Алексия Мечева. М., без даты. С. 40.

Часто, ожидая его после службы, я наблюдал повторяющуюся картину. После литургии многие прихожане, которые по тем или иным причинам хотели поговорить с ним, поджидали его возле храма. Кто-то бродил вокруг храма, кто-то ожидал на скамейке. Ожидание было обычно долгим – после литургии предстояло отслужить молебен, иногда с водосвятием, после этого – панихида или отпевание, часто священника ожидали, чтобы крестить ребенка. Иногда ему приходилось прерывать требы, чтобы поехать и причастить больного или умирающего.

Приходилось ожидать его два, а то и три часа. Утомительное ожидание подавляюще действовало на прихожан. Но наконец наступал момент, когда священник выходил на крыльцо храма и лицо его озарялось улыбкой. Мгновенно ожидавшие обращались к нему и их лица также озарялись улыбкой. Все забывалось – и долгое ожидание, и голод (многие приезжали натощак, чтобы причаститься), и утомление. Люди устремлялись к отцу Александру, и для каждого находилось слово ободрения и утешения. Придя в свою комнату в деревенском доме, он обычно выпивал большую кружку чая, съедал бутерброд, редко когда дотрагивался до второго блюда, которое ему готовили, и начинал прием. Иногда беседы с людьми, а это была неотъемлемая часть его пастырской и миссионерской работы, растягивались на несколько часов.

Удивляла его способность терпеливо выслушивать людей, не умеющих выразить свои мысли. Особенно это раздражало во время исповеди. Как-то он объяснил, что есть категория людей, которым очень трудно рассказать о своем грехе. Поэтому приходится терпеливо выслушивать разговоры вокруг да около, пока, наконец, исповедник не подойдет вплотную к сути греха. Он считал, что если торопить исповедующегося, то можно отпугнуть его и грех останется неисповеданным.

Пастырская практика отца Александра не была каким-то его новейшим изобретением или проявлением модернизма. Она была укоренена в православной традиции, хотя никогда не принималась всеми священнослужителями. Эта традиция пришла на Русь вместе с принятием христианства. Иногда она угасала, но порой вспыхивала неожиданно ярко и светила всем. Последний пик приходится на конец XVIII века и связан с именем старца Паисия Величковского, недавно причисленного к лику святых.

Это был молитвенник, великий просветитель и собиратель исихастской традиции. Его ученики рассеились по всем концам России и основали центры молитвы и просвещения. Наиболее известными были Оптиная и Глинская пустыни – их расцвет приходится на вторую половину XIX века. В Оптиной бывали Федор Достоевский и Лев Толстой, Иван Киреевский и Владимир Соловьев, сюда часто приезжали купцы и выходцы из простонародья. И со всеми ими старцы находили общий язык, умели ответить на нужды и духовные запросы людей. Эта молитвенная традиция находит своих последователей

Архимандрит Серафим
(Батюков). Начало 30-х годов.

среди белого духовенства – наиболее яркими представителями были священники Иоанн Кронштадтский и Алексей Мечев. Эта традиция не прерывалась и в годы большевистских гонений – ей следовали наставники отца Александра архимандрит Серафим Батюков, священники Николай Голубцов и Борис Васильев. Этой, сегодня почти забытой традиции, следовал и сам отец Александр.

Помню, в начале семидесятых годов отец Александр Мень встречался с московскими интеллигентами. После встречи талантливая дама, известный композитор, сказала автору этих строк: «Слишком светский!» Признаюсь, что и мне понадобилось семь лет для того, чтобы хотя бы немного понять отца Александра. Я пришел к нему в августе 1967 года, когда он еще служил в Тарасовке. До этого я никогда не общался со священником. Поэтому мне не с чем было сравнивать. Но многое было непонятно. Поразила атмосфера, которая царила вокруг него. Это был водоворот замыслов и дел. Молодежь, которая в те годы трудилась вместе с

ним, читала Солженицына, готовила цикл статей для парижского журнала «Вестник русского христианского студенческого движения»⁴⁶.

Попав в этот водоворот, я не сразу разобрался и понял, что могу сделать в приходе отца Александра. Поначалу переводил гла-

⁴⁶ – А.И.Солженицын вспоминал об этом времени: «Мы с Алей (Наталья Светлова, будущая жена писателя – С. Б.), едва только сошлись в работе, сразу почувствовали необходимость в новом, своем и постоянном, канале на Запад. У Евы канал не был постоянен, все на импровизации. А в 1968, после того как отравили «Архипелаг», она отказалась отправлять (ощущая чужое) фотопленку с книги Дмитрия Панина, предназначенной им для Папы Римского (чтоб одним ударом «переубедить и повернуть» весь Запад и весь мир...). Сам я тоже в эту книгу не верил, но по старой эзковской дружбе считал своим долгом в отправке помочь. А тут подоспело знакомство с обаятельным отцом Александром Менем. Я знал, что у него есть связь с Западом, и спросил его, не поспособствует ли. Он готовно и очень уверенно сказал: «Да, конечно, пока мой канал не засорился». (Позавидовал я – у человека свой канал! Нам бы!..) И он – взял. И – выполнил. Лишь более тесное знакомство открыло нам, как работали шес-

ву из книги Н.Зернова «Русское религиозное возрождение XX века», которая спустя семь лет вышла в Париже. Много читал, спорил с прихожанами. Тогда мне казалось, что духовная жизнь не должна смешиваться с мирской. Я представлял себе: вот монастырь, в нем живут монахи. Они отказались от мира, принесли обеты, молятся за мир, за нас. А почему этот священник любит пошутить, посмеяться? Почему он так жадно интересуется всем, что происходит в мире, читает М.Булгакова, и, более того, сам пишет книги? В 1968 году уже был завершен второй том – «Магизм и единобожие». Он был аккуратно переплетен и со вкусом проиллюстрирован отцом Александром. Он сам подбирал фотографии. Смущало еще одно – он был поразительно артистичен. Выразительная мимика, к которой он часто прибегал, действовала порой гораздо сильнее, нежели слова. Смущала и его манера слушения – мне почему-то казалось, что священник не должен привносить в богослужение ничего личного.

В середине семидесятых отец Александр стал заметной фигурой в интеллектуальной жизни Москвы. Тогда он служил в Новой Деревне, близ Пушкино. К нему приезжали самые различные люди и всем он уделял время, с каждым беседовал. Его личность по-прежнему вызывала самые различные суждения и оценки. Мне не раз приходилось слышать как порицания, так и положительные оценки его деятельности. После одного такого разговора в 1975 году я написал шутивное стихотворение, с которым пришел к нему:

*Вчера Шиманов рассмешил до колик:
Он закричал вдруг: «Мень – католик!»
От смеха корчась, я сказал ему: «Фантаст!
Мень – тайный исихаст».
Бороздинов же возразил: «Я слышал от людей,
Мень – тайный иудей!»
Левитин, покраснев, как вываренный рак,
Вскричал: «То сеет слухи враг!
За Менем помысла не числится худого:
Он плоть от плоти Соловьева!»
Так кто же Мень? Священник православный!
И всех российских бед виновник главный!*

теренки той передачи. Отец Александр был духовным руководителем тогда еще небольшого ищущего направления в подсоветском Православии, вел неофициальные семинары и направлял группу молодежи. (Из этих усилий родилась сплотка статей в «Вестнике» № 97 и еще доследки потом.) Главный же организатор у него был Евгений Барабанов – всегда богатый проектами организаций и реорганизаций. (Самый удавшийся из них – перестройка парижского «Вестника» с использованием самиздата.) Мы познакомились («закоротились») непосредственно с ним у отца Александра Меня, уговорились о передачах каналом – и дальше, для большей безопасности канала и всей их группы, не только я сам почти никогда не встречался с ним, всего три раза в четыре года, но мало встречалась и Аля: надо было опять найти множитель, затрудняющий поиск, – еще одно промежуточное лицо, чьи встречи и с Алей и с Барабановым были бы естественны.» – А.И.Солженицын «Бодался теленок с дубом». «Новый мир», № 12, 1991. С. 47.

Отец Александр внимательно прочитал стихотворение и следующим образом прокомментировал его. Неожиданно для меня он сказал: **«Все здесь верно. Я действительно могу сказать о себе, что я католик. Только в первоначальной значимости этого слова. Потому что «кафоликос» означает в переводе на русский «вселенский». С детских лет я приучен к «Иисусовой молитве». Я воспитывался «катакомбными» священниками и доньше отвержен «умной молитве». Так что к исихазму имею прямое отношение. Не отрицаю слов священника Владимира Бороздина – я действительно по происхождению иудей. Вспомните, как сказал Христос о Нафанаиле: «Вот подлинно израильтянин, в котором нет лукавства». То, что Анатолий Эммануилович Краснов-Левитин причислил меня к ученикам Владимира Соловьева, так я этого никогда не скрывал. На самом деле его философская система оказала на меня огромное влияние. Свой семитомник я создавал, продолжая его замысел. Это он задумал рассказать о духовной эволюции человечества. Что же касается последнего, то есть и такое мнение!»**

Я предполагал, что он может обидеться, но никак не ожидал, что в результате этого разговора предо мной откроются многие скрытые черты его личности. С этого момента я понял, что необычная для православного священника внешность и манеры поведения не мешают ему жить подлинной духовной жизнью. Позже, в воспоминаниях С.И.Фуделя о епископе Афанасии (Сахарове) я прочел, что светская внешность отца Александра вызывала соблазн и у него. Но после того, как отец Александр беспрепятственно проник в отделение реанимации, чтобы причастить умирающего прихожанина, владыка Афанасий признал, что православный священник не обязательно должен выглядеть «традиционно» – нестриженным и в кирзовых сапогах.

Протоиерей Александр Мень не был типичным священником, поэтому столь сложно относились к нему собратья и миряне Русской Православной Церкви. Он критически относился ко многим «преданиям старцев», которые весьма почитаются в Русской Церкви: **«Библейские мудрецы и пророки чаще всего рассматривали популярные верования как затемнение истинной веры и в целом противопоставляли свое учение привычным понятиям масс. Тем не менее, учителя Израиля не замыкались, как египетские жрецы или индийские брахманы, в горделивую касту. Они были неустанными проповедниками, миссионерами, воспитателями народа. Они не признавали нарочитого эзотеризма и чувствовали свою ответственность за людей перед Богом, пославшим их на служение. Борьба за души шла столетиями, достигая порой небывалого напряжения и накала, и именно она привела Израиль к порогу Нового Завета...»⁴⁷**

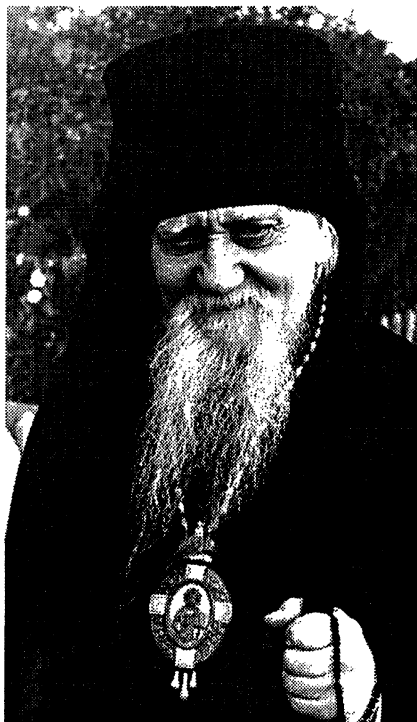
«Предания старцев» занимают значительное место в церковной жизни современной России и, как нечто само собой разумеющееся, хранителем и гарантом истины почитается церковный народ. Отец Александр боролся против подобного заблуждения. Потому вокруг его имени, служения и его книг постоянно возникало силовое по-

⁴⁷ – Протоиерей Александр Мень. Магизм и единобожие. Брюссель, 1971. С. 418.

ле огромного накала. Оно и поныне не исчезло – он трагически погиб, но борьба вокруг его наследия не утихает. Архиепископ Михаил Мудьюгин, выдающийся современный православный богослов, заметил: «...Ни в этом случае, ни в каких-либо других, миряне в своей массе не могли и не могут быть носителем, тем более гарантом правосерия. Наоборот, как показывает исторический опыт Церкви, именно миряне оказываются той питательной почвой, на которой нередко, особенно при отсутствии или даже недостатке просветительного и организующего пастырского и богословского руководства, пышным цветом расцветают обрядоверие, суеверие, начетничество, буквоедство, религиозный национализм и фанатизм, т.е. все те болезни, в условиях которых народное благочестие оборачивается злочестием, чему примеров мы в русском Православии видим предостаточно»⁴⁸.

Для того, чтобы мирно и безбедно существовать, священник должен льстить церковному народу. Если он этого не делает – и более того – обличает недостатки церковного народа, то горе ему. Доносы, преследования, обвинения в неправославии посылаются на него как из рога изобилия. Редко кто может устоять против ополчившихся прихожан. Даже епископам приходится нелегко, если они всерьез берутся за просвещение мирян и духовенства. Отец Александр был миссионером и просветителем. Это нелегкая работа. У него были единомышленники – меньше всего их было среди духовенства. Но и недоброжелателей больше всего было среди духовенства. В чем только его не обвиняли! Он трудился на самом трудном поприще – его проповедь была обращена и к простецам, но более всего – к интеллектуалам.

Академик Сергей Аверинцев не без юмора заметил, что отец Александр был «миссионером для племени интеллигентов». Племя это и доныне славится своей отменной дикостью и непонятной гордостью.

*Епископ Афанасий (Сахаров).
Начало 60-х годов.*

⁴⁸ – Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Русская православная церковность. М., 1995. С. 120.

Российские интеллигенты способны гордиться всем, чем угодно – народной дикостью, способностью за раз выпить литр водки, небывалым пресмыкательством перед властью имущими. И все же это племя несло в себе образ Божий и не менее, а, скорее всего, более нуждалось в христианском просвещении, чем другие одичавшие племена России.

Праведники отличаются удивительной способностью – тем, кто их окружает, кажется, что именно он, а не кто иной, является самым близким, самым любимым и доверенным человеком. Это не иллюзия. Отец Александр часто отвечал на упреки, адресованные его прихожанам: «Я священник. Я люблю всех». Конечно, в эти «все» не входило все человечество. Это относилось прежде всего к прихожанам. А их было немало: около двух тысяч человек. После смерти или гибели праведника часто возникают споры. Отец Александр был удивительно многогранной личностью. Воссоздать его портрет возможно лишь в том случае, когда будут опубликованы и отобраны воспоминания многих близких ему людей. Тогда, подобно ограненному алмазу, засверкают все грани его личности. Во многом его помогут понять книги, которые сегодня приходят к нам. Важно прочитать эти книги, хотя соотечественники в большинстве своем, к сожалению, не склонны к чтению. В атмосфере «свободы» все глуше становятся голоса тех, кто призывает к добру, почти не слышен голос Церкви.

Анализируя причины сложившейся ситуации архиепископ Михаил Мудьюгин заметил: **«После 1917 года миссионерская деятельность Церкви прекратилась. Церковь находилась в состоянии угнетенности, униженности – в 60-х годах стояла перед вполне ощутимой угрозой уничтожения. Образно выражаясь, за десятилетия следовавших одна за другой попыток удушения Церковь научилась обороняться, но утратила навыки наступления. Когда во второй половине 80-х годов положение изменилось к лучшему и Церковь получила значительно большую свободу действия, Она оказалась к новой ситуации неподготовленной. Для духовного просвещения своих соотечественников, закосневших во мраке неверия миллионов потенциально православных христиан у Церкви не оказалось ни кадров, ни опыта, ни разработанной методики, ни литературы, ни материальных ресурсов. Церковь на всех ступенях своей структуры за семьдесят лет притеснений и гонений получила навык пастырской работы только в ограниченной среде пожилых прихожан, преимущественно женщин, в большинстве своем невысокого культурного уровня»⁴⁹.**

В эпоху свободы, неожиданно свалившейся на Россию, подготовленным к новой ситуации оказался среди духовенства, быть может, один священник. Оказалось, что десятилетия напряженной пастырской и интеллектуальной работы принесли плоды – с ними он вышел к изголодавшейся российской аудитории, и ему жадно вникали. Он говорил с людьми на понятном языке о самом необходимом – о Боге, о Его постоянном участии в нашей жизни. Этим объясняется небывалая популярность священника Александра Меня в последние три года его жизни.

⁴⁹ – Архиепископ Михаил (Мудьюгин). Русская православная церковность. М., 1995. С. 115.

ПИСЬМО АНОНИМА

После трагической гибели отца Александра, во время бесед со следователями неоднократно звучал один и тот же вопрос: «Были ли у него враги»? Тогда я отвечал почти без раздумий: «Нет, не было! Он свободно находил общий язык с любым человеком, даже с уголовником». Сейчас, понимаю, что правы оказались следователи. У отца Александра были не только завистники, но и враги – люди, которых сегодня мы можем отождествить с силами зла. Следователи оказались правы и в другом – действительно, еще пятнадцать лет тому назад было написано идеологическое оправдание этого убийства – по крайней мере, по одной из версий – антисемитской. В те трагические дни мы забыли об одном уже упоминавшемся письме. Анонимное письмо, адресованное отцу Александру, появилось в начале 1976 года. Оно имело широкое хождение в Самиздате⁵⁰.

Внешним поводом к возникновению этого документа явилось интервью, данное отцом Александром самиздатскому журналу «Евреи в СССР» (№ 11 за 1975 год). Оно вызвало бурные и неоднозначные отклики как среди христиан, так и в диссидентской среде. Помню, как в течение лета 1976 года в Новую Деревню приезжали знакомые и незнакомые люди, задавая отцу Александру одни и те же вопросы. Помню и тот шквал негодования, который прокатился по московским кухням, в которых живо обсуждались последние новости и события. Почти все православные сходились в том, что отец Александр не имел права подвергать сомнению канонизацию царевича Димитрия и ставить вопрос о возможности деканонизации в Русской Православной Церкви.

Обратимся к первоисточнику. Это письмо интересно не только как идеологическое обоснование убийства. Во-первых, это документ, выражающий взгляды определенной части православного духовенства и мирян. Во-вторых, анонимный автор пытается оценить богословские взгляды отца Александра. В самом начале аноним признается: **«Давно, отец Александр, наблюдаю я за Вашей деятельностью. Вы не знаете меня, да и не видел я Вас до последнего времени, хотя слышу о Вас уже много лет»**. Сразу оговорив, что его не смущает то обстоятельство, что будучи евреем, отец Александр явля-

⁵⁰ – См. Приложение № 13.

ется православным священником, аноним объясняет причину такого подхода: **«...потому что антисемитизма нет в самой природе Православия».** Рядом с этим утверждением, тут же, в первом абзаце, звучит и первое обвинение: **«Ибо дело не столько в Вас, как в богозданной личности, сколько в тех видимых и невидимых силах, которые управляют Вами. Условное собирательное имя этим силам – с и о н и з м».**

Затем, как этого требует академическая школа, аноним излагает свое, довольно специфическое понимание сионизма: **«Но названием этой горы (Сион – С.Б.) воспользовались для обмана непосвященных силы, глубоко враждебных Богу и всякой Его святине, и самому еврейскому народу. Прячась за святые имена и понятия, сионисты хотят обмануть не только «гоев», т.е. всех не евреев, но прежде всего свой собственный еврейский народ. Сионизм есть не что иное, как практическое осуществление тайных стремлений религии талмудического иудаизма».**

Аноним как начетчик неплохо знает Священное Писание, начитан и в богословской литературе. Он свободно и обширно пользуется для обоснования своих мыслей евангельскими текстами. Более того – отважно богословствует, вводя новое понятие – «талмудический иудаизм». В его понимании он сформировался к началу I века нашей эры и вот в чем его суть: **«... (сперва духовно) поклонение диаволу, как затем это поклонение князю тьмы стало вполне определенным и сознательным».** Ниже аноним уточняет: **«Правда, такое сознательное идолопоклонство было и остается идеалом весьма немногих, особо «посвященных» духовных вождей и учителей Израиля. Для остального еврейского народа считается достаточным только то, чтобы этот народ не верил Христу Распятому и Воскресшему. А во всем прочем – пусть себе думает, что поклоняется Богу Авраама, Исаака и Иакова и читит закон Моисеев (который, впрочем, в корне извращен в толковании талмудического иудаизма). Так под видом религии Ветхого Завета, под видом поклонения Единому истинному Богу удалось создать скрытое поклонение диаволу, сатане, или «люциферу» как его называют».**

Итак, по утверждению анонима, иудаизм давным-давно выродился в одну из сатанинских сект, существующих не только на «диком Западе», но и в нашей стране. В этих построениях изумляет одно – оказывается, еврейский народ настолько ослеп, настолько утратил свой религиозный гений, что уже не в состоянии осознать, какому Богу он поклонялся в течение двух тысяч лет. Аноним утверждает: **«...О, разумеется, дух скрытого поклонения диаволу не мог не сказаться на сознании, духовной жизни, поведении, общественных стремлениях как воспитанного в иудаизме еврейского народа, так и тех народов земли, среди которых оказался рассеян еврейский народ после распятия Иисуса Хрис-**

та». Согласно этому утверждению анонима, становятся понятными причины погромов, массовых убийств евреев нацистами – во всем виноваты они сами и их диаволопоклонство.

Быть может, кому-то покажется ненужным и утомительным тщательное прочтение этого документа. Другим – опасным, поскольку идеи, излагаемые анонимом, неоднократно высказывались в нашей стране самыми различными авторами – в начале века С.Нилусом, затем уже в наши дни известным атеистом В.Бегуном, подполковником КГБ А.Шилкиным, атеистом А.Беловым, православным Г.Шимановым, идеологом «Памяти» В.Емельяновым, а также Н.Гаврюшиным, ныне преподавателем Московской духовной академии. Но эти незамысловатые идеи после многократного повторения обретают некую весомость. Памятуют о невысоком историческом и интеллектуальном уровне значительной части нашего населения, а также о его длительном оболванивании большевиками, вполне можно опасаться новой вспышки антисемитизма.

Идеи, излагаемые в письме, весьма популярны в нашем обществе. В нем сфокусированы те предрассудки, на которых воспитана многочисленная плеяда православных священников, монахов и епископов. Не будем забывать, что именно на них сегодня мы возлагаем особые надежды в деле религиозного воспитания подрастающего поколения. Гордый и надменный дух превосходства, который и сегодня отличает некоторых наставников духовных академий, почитающих себя блюстителями чистоты Православия, сквозит не только в этом письме, но и во многих публичных выступлениях.

Аноним утверждает: **«В Русской Православной Церкви промыслительно сохраняется в наибольшей чистоте и неповрежденности Божия Истина, и как вероучение, и как образ мышления, и жизни в Боге; и потому и Дух Святой Животворящий (а не «синтезирующий») живет в этой Церкви и особенно обильной благодатью... Ибо если и возможна настоящая Вселенская Церковь, она должна быть только Православной, по образу Русского Православия...»**

Звучат и конкретные обвинения в адрес отца Александра: **«Подлинно претит Вам, оказывается, совсем другое – верность Православия Господу Иисусу Христу, о чем Вы сами свидетельствуете с поразительной откровенностью!»** Конечно, трудно определить, в чем коренится после семидесяти лет правления коммунистов в России, это гордое сознание верности Православия Иисусу Христу. Пора бы, кажется, задуматься, почему именно в православной России победила богоборческая власть, методически уничтожавшая российских праведников, подчинившая и поставившая себе на службу православных иерархов, заставлявшая их лгать перед лицом всего мира в течение многих десятилетий, утверждая, что в России нет гонений и нет мучеников за веру.

Дальнейшая аргументация анонима повторяет (правда, на более высоком уровне), «Протоколы Сионских мудрецов», фальшивки, сфаб-

рикованной в недрах царской охраны в начале нашего столетия⁵¹. Прочтение этих страниц письма свидетельствует – сионизм и масонство для анонима – два лика одного и того же явления. Цель как сионизма, так и масонства, согласно его утверждениям, заключается в том, чтобы всемерно дестабилизировать мировое сообщество и захватить власть над миром. После достижения этой цели – **«приведение еврейского народа и, по возможности всего человечества, под власть антихриста, который воцарится в Израиле как мессия».**

Какова же, с точки зрения анонима, гордо утверждающего, что одно только Православие из всех мировых христианских религий сохранило истину в ее полноте, роль отца Александра Меня? Не затрудняя себя какими-либо доказательствами, он утверждает: **«Поэтому сионизм особенно заинтересован иметь в Православной Церкви своих «постовых», которые встречали бы людей, искренне идущих к Истине... и провожали далеко в сторону от Нее, стараясь, однако, уверить, что ведут их верно, именно к Православию. Задача таких «постовых» – под видом правды проповедовать ложь, под православной оболочкой наполнять души людей угодными сионизму взглядами и настроениями. Таким «постовым» сионизма в Православии и являетесь Вы, отец Александр. Это Ваше конкретное место в многосложной и многообразной системе сионизма. Это Ваша давняя, продуманная и добровольно на себя взятая миссия. Мне известно, что Вы сами это хорошо знаете».** Аноним, рядясь в мантию умудренного жизнью старца, мимоходом признается – он прозорлив! Ему достаточно одной беседы с человеком, чтобы понять, что он из себя представляет!

Следующее обвинение, выдвигаемое анонимом – это симпатии отца Александра к католичеству. Несмотря на то, что именно Католичество наиболее близко Православию (те же семь Таинств; Литургия как центр духовной жизни; иерархическая структура Церкви) оно и сегодня вызывает ожесточенную критику со стороны православных богословов. Аноним пытается обосновать подобное отношение: **«За последние годы между сионизмом и властями Католической Церкви возник самый тесный союз. Это в значительной мере объясняется «двойной игрой», которую они ведут друг с другом, но и некоторой духовной общностью».** Так из этой, ничем не доказанной посылки, рождается серьезное политическое обвинение, к которому наверняка прислушались в КГБ: **«Заразить православных католическими настроениями – значит возбудить в них**

51 – Не стану подробно останавливаться на разборе этих страниц, поскольку впервые в нашей стране в 1990 году издательство «Прогресс» выпустило книгу английского ученого Нормана Кона «Благословение на геноцид». Это убедительное научное исследование, повествующее о предполагаемых авторах фальшивки и ее первом публикаторе Сергее Нилусе. Н.Кон рассказывает также и о том, когда, как и кем она была разоблачена. См. также исследование Савелия Дудакова «История одного мифа». М., 1993.

Начало 70-х годов. Священники Александр Мень и Сергей Желудков. Новая Деревня. Фото В.Тарасова.

дух внешней активности, жажду политической борьбы, участие в суеде чисто мирских дел». Только благодушествуя за мощными монастырскими стенами да разъезжая по официальным международным богословским конгрессам и беседам, можно было написать эти строки. Напомню, что именно в семидесятые годы Русская Православная Церковь вновь обрела гражданский голос, а священники Сергей Желудков, Глеб Якунин, Александр Мень, Дмитрий Дудко, Николай Гайнов⁵² активно включились в борьбу за демократизацию нашего общества.

Как на суде, звучит очередное обвинение, которое выдвигает аноним в адрес отца Александра. В отличие от предыдущих, оно относится к области богословия. В последние десятилетия, особенно в России, участились обращения евреев в христианство. В Палестине возникла иудео-христианская община святого Иакова, по своей структуре напоминающая первохристианские. В общине святого Иакова соблюдаются ветхозаветные установления, а наряду с ними совершаются и христианские таинства. Отец Александр считал, что начинают исполняться пророчества апостола Павла, утверждавшие-

⁵² – Священник Николай Гайнов вошел в созданный священником Глебом Якуниным «Христианский комитет защиты прав верующих в СССР» в конце 70-х годов, незадолго до ареста Якунина. Он подвергался преследованиям, но не прерывал пастырской деятельности, служа в храмах Подмосковья.

го, что спасётся не только «остаток» еврейского народа, но и весь Израиль. В интервью журналу «Евреи в СССР» отец Александр на вопрос корреспондента об особом призвании еврейского народа, отвечает: **«Израиль как народ сохраняет свое избранничество, оставаясь сыном-первенцем... В силу того, что через них (евреев – С.Б.) было дано Откровение и совершено Воплощение, этот народ навсегда посвящен Богу. Когда еврей изменяет этой своей посвященности, он предает себя и легко оказывается во власти темных сил».** Опираясь на ветхозаветные и новозаветные пророчества, отец Александр высказывает точку зрения, опирающуюся на мысли апостола Павла в послании к Римлянам. Однако, именно это место в интервью отца Александра вызывает резкое неприятие и отповедь анонима.

Если принять точку зрения анонима, то возникает вопрос: на каких пророчествах основывается мессианское призвание России, о котором так много говорили славянофилы и Достоевский? Стремясь опровергнуть точку зрения отца Александра, приводя ряд новозаветных цитат, аноним утверждает: **«Все это означает, что такой отсеченной и засохшей ветвью является Израиль, не принявший Христа и не принимающий Его до сих пор, а следовательно, не принимающий и Единого Бога Отца и поклоняющийся не Ему».**

Упреки, которые адресует аноним отцу Александру, повторялись в течение последних пятнадцати лет его жизни. Его упрекали в том, что он придает слишком большое значение Ветхому Завету. Многие его современники, православные богословы, утверждают, что с приходом Христа Ветхий Завет навсегда утратил свое значение, сохраняя лишь историческую и литературную ценность. Отвечая своим оппонентам, отец Александр сравнивал Ветхий Завет с корнями, а Новый – со стволом и кроной дерева. Может ли плодоносить дерево, лишённое корней? Апостол Павел в послании к Римлянам утверждал, что многие пророчества Ветхого Завета обрели свое подлинное значение лишь после Воплощения Христа. Отец Александр в том же интервью замечает: **«Еврея-христианина и еврея-иудеиста связывает не только общность национального происхождения, но и вера в Единого Бога, вера в Священное Писание, общая религиозная этика...»**

«Итак, какое преимущество быть иудеем, или какая польза от обрезания? Великое преимущество во всех отношениях, а наипаче в том, что им вверено слово Божие. Ибо что же? Если некоторые неверны и были, неверность их уничтожит ли верность Божию? Никак. Бог верен, а всякий человек лжив...» (Рим. 3, 1-4). Этими словами начинает апостол Павел третью главу послания к Римлянам. Обратимся к экзегезе отца Александра, т.е. к его комментарию на эти стихи: **«Израиль имеет великое преимущество перед другими народами, так как Бог его избрал и дал ему непреложные обетования. Это преимущество не может быть**

отнято у иудеев, несмотря на то, что большинство из них отвергло благовестие Христово». Естественно, что блюстителями “чистоты” Православия мнение отца Александра принимается в штыки. Но для христиан Новый Завет, и в том числе послания апостола Павла – богодухновенная книга. В ее создании, наряду с человеческим разумом, принимал участие Святой Дух.

Завершая третью главу этого послания, апостол произносит следующие слова: **«Неужели Бог есть Бог иудеев только, а не и язычников? Конечно, и язычников; потому что один Бог, Который оправдает обрезанных по вере и необрезанных через веру. Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем»** (Рим. 3, 29-31). Помню, как долго и вдумчиво, вновь и вновь возвращаясь к нему, изучал отец Александр это послание апостола Павла, готовясь в начале восьмидесятых годов к созданию новой книги из серии «В поисках Пути, Истины и Жизни», которую намеревался посвятить апостолам Петру и Павлу⁵³. Действительно, послание к Римлянам одно из самых загадочных и еще донныне до конца не понятых. Отца Александра занимал вопрос – с кем полемизировал апостол Павел? Кто были его оппоненты? Иудео-христиане из фарисеев или же последователи ессеев?

Обращаясь вновь к его комментарию на эти стихи, мы видим, что перед благодатью равны как иудеи, так и язычники: «Вера есть дар благодати Божией, посылаемой как иудеям, так и язычникам». Исследуя слова апостола – «но закон утверждаем» – отец Александр писал: **«В данном контексте под законом подразумевается все ветхозаветное откровение. Апостол подчеркивает, что мессианская вера не упраздняет полностью того, чтобы было дано в Писании прежде, а напротив, утверждает ценность основ Ветхого Завета»**. Задумаемся над тем, сохранили ли ценность десять заповедей, данные Богом Моисею на горе Синай. Действительно ли мы достигли такого уровня совершенства, что можем их не исполнять? Или, наоборот, сегодня мы настолько немощны, что не в силах исполнить даже их, не говоря уже о более высоких заповедях, данных нам Христом? Неужели человечество уже отказалось от убийства, воровства и лжи, неужели искоренены мздоимство и прелюбодеяния, а родители могут спокойно доживать свои дни в благополучной старости?

Следует сказать несколько слов о комментариях отца Александра к Новому Завету. Они были созданы в начале восьмидесятых годов. Конечно же, их следует рассматривать как частное богословское мнение, теологумен. Сам он смиренно не считал себя экзегетом, а лишь специалистом по истории мировых религий. До тех пор,

⁵³ – Протоиерей Александр Мень. Апостолы Петр и Павел. Машинопись. Эта монография осталась незаконченной. Он успел создать ровно половину книги (161 с.). Пока она остается неопубликованной.

пока Поместный Собор Русской Православной Церкви не признает его комментарии учением Церкви, они не могут считаться авторитетными для всех христиан. Но внимательный читатель должен сопоставить две точки зрения – отца Александра и анонима – и сделать собственные выводы. Эти два примера комментирования новозаветных текстов свидетельствуют о том, что отец Александр опирался в своих высказываниях прежде всего на тексты Священного Писания, а также на святоотеческое Предание. Его прочтение новозаветных текстов никогда не было начетническим. Он не щеголяет всезнайством, а, сталкиваясь с трудными местами Писания, не стыдится признаться в немощи.

Аноним упрекает отца Александра и в том, что он извратил смысл XI главы послания апостола Павла к Римлянам. С этим трудно согласиться, поскольку отец Александр в своих комментариях к этой главе говорит: **«Израиль, семя Авраамово – благословенный корень, из которого возросло спасение мира. Этот корень или начаток, не иссохший и донныне, продолжает быть святым, хотя ветви выросшего из него дерева засохли и отломились. К этому дереву Бог вместо отломившихся ветвей привил побеги дикой маслины; высохшие ветви – иудеи, не признающие Христа; дикая маслина, привитая к дереву спасения – обратившиеся ко Христу язычники. Оставшаяся верной часть Израиля представляет собою возвещенный ветхозаветными пророчествами «остаток», залог восстановления избранного народа; ею освящается неверная часть, как все тесто освящается приношением начатков (Чис. 15, 19-21). В Ветхом Завете было возвещено о полном освящении Израиля вследствие прихода Мессии (Исх. 27). Павел утверждает, что эти обетования не могут быть отменены».**

С последних страниц анонимного письма звучит и основное обвинение. Один из вопросов, заданных корреспондентом журнала «Евреи в СССР», был о двух православных святых, якобы замученных иудеями. Отец Александр высказал сомнения в правомерности их канонизации. Один из них – Евстратий, пострадал в 1097 году. Жития святого не сохранилось, до нас дошли лишь смутные упоминания о том, что его, якобы, за отказ отречься от Христа, распял на кресте в Херсонесе Таврическом, городе в те времена уже давно христианском, рабовладелец-иудей. Трудно предположить, чтобы в XI веке это было возможно.

В житиях русских святых, как это убедительно показал в своем исследовании «Святые Древней Руси» Г.П.Федотов, прослеживается немало легендарных мотивов. Огромное число православных святых вообще не имеет исторически достоверных житий. Если бы жизнь Русской Православной Церкви действительно протекала в творческом русле, как это пытается утверждать аноним, то, ведомая Духом Святым, на Поместных Соборах, при помощи Синодальных

Священник Александр Мень. Конец 70-х годов. Фото В.Тарасова.

комиссий, Церковь давно бы уже пересмотрела святцы, очистив их от языческих и легендарных наслоений. Второй мученик, упоминаемый в интервью – шестилетний Гавриил, якобы пострадавший от фанатика-иудея в 1690 году в Гродненской губернии. Житие Гавриила также не сохранилось, как, впрочем, не найдено о нем и достоверных исторических сведений.

И вот с последней страницы этого довольно-таки объемного письма звучат трагические слова, сверкнувшие оружием пятнадцать лет спустя в руках убийцы: **«Когда Вы, отец Александр, неожиданно заговорили о ритуальном убийстве, на Вас, как говорится «ШАПКА ЗАГОРЕЛАСЬ». Не хочу сказать, что Вы лично имеете к этому явлению какое-либо отношение, но Вы можете подозревать или даже знать о нём. Очень знаменательно, что Вы в словах по этому поводу и не отрицаете прямо наличия в иудаизме ритуального убийства, а ссылаетесь на то, что сами-де русские богословы в прошлом не поддержали этих обвинений. Но со всей ответственностью следует заметить и напомнить, что там, где в тайных сферах совершается сознательное поклонение дьяволу, там ритуальное убийство очень возможно. И оно есть.**

Об этом стараются лишний раз не говорить только из человеколюбия, дабы не возбудить волну слепого народного гнева против неповинной массы простого еврейского народа, действительно не знающего о тайных деяниях своих духовных вождей». Цитируя эти строки, с печалью приходится отметить, насколько велик сегодня разрыв между епископатом, который призван к духовному учительству христиан, и представителями духовенства, особенно же монахами.

На последней странице обвинения и угрозы нарастают «крецендо»: **«Видеть Русскую Православную Церковь одним из орудий и течений сионизма – вот что хотели бы Вы и Ваши хозяева... Не удастся Вам также осуществить и проект «Вселенской Церкви будущего», о котором Вы говорите, призывая ориентироваться на нее, а не на конфронтацию Церквей... Сейчас Вы занимаетесь в Русском Православии «анализом», т.е. попытками разложения его коренных живоносных устоев. Ваши единомышленники делают то же самое в других христианских народах. И если бы Ваши мечты сбылись, то из духовно разложенных христианских Церквей, избрав пригодные для сионизма элементы, можно было бы «синтезировать» нечто целое, только это было бы уже не Живое Тело Господа Иисуса Христа, а мертвая синтетика, «говорящая кукла», робот, лишь внешне похожая на нечто живое, как механическая кукла чем-то похожа на человека...»**

Отец Александр прекрасно понимал, что Русская Православная Церковь находится в состоянии тяжелейшего кризиса. Он пред-

видел и «времена благоприятные», когда тесные объятия государства ослабеют и Церковь сможет, наконец, вздохнуть свободнее. Но слишком часто, привыкнув к рабству, люди страшатся свободы и бегут от нее. Подобную картину мы наблюдаем сегодня. Ностальгия по сытому рабству недавнего прошлого охватывает и христиан. Библия почитается «вечной книгой» не потому, что в ней собран огромный свод житейской мудрости. Вечной она является потому, что в ней запечатлена *метаистория* человечества – его духовные поиски не только в прошлом, но в настоящем и будущем.

Пророк Моисей в течение 40 лет вынужден был водить израильский народ в пустыне, пока не вымерло поколение, выросшее в египетском рабстве. Эти люди оставались рабами, хотя, покинув Египет, они уже не подчинялись никому, кроме Бога. Их страшило все – безводная пустыня, набеги кочевников, необходимость воевать, чтобы исполнилось обетование Божие и чтобы они смогли войти в Землю Обетованную. Они с тоской вспоминали дешевую мясную пищу в Египте, когда были уверены, что и завтра их накормят, хотя, быть может, изобьют надсмотрщики. В пустыне забылись избиения надсмотрщиков и издевательства египтян, но израильтяне помнили, что их регулярно кормили. Свобода оказалась для них непосильным бременем. Поэтому так труден был удел Моисея и потому он столь часто приходил в отчаяние. Эта история повторяется уже в наши дни с россиянами – они вспоминают годы коммунистического рабства, как время сытости и покоя. Свобода обременительна, поскольку требует постоянного напряжения сил и не дает никаких гарантий. Но и вера не дает человеку никаких гарантий, поскольку человек не ведает, чего хочет от него Создатель. Поэтому столь часто начинается торг, когда человек начинает предьявлять Богу претензии, вместо того, чтобы творить волю Божию. Слишком часто мы забываем, что Бог – это огонь. А огонь, это неукротимая стихия, которая не поддается приручению. Именно поэтому Священное Писание прибегает при упоминании Бога к этой метафоре.

Отец Александр также понимал, что религия оказывает определяющее влияние не только на духовную жизнь, но и на экономику, и, конечно же, на культуру. И если Церковь теряет евангельскую силу, то тщетны надежды на возрождение страны. Стагнация, отгороженность от мира, консерватизм сознания, забвение евангельских заповедей – все это донныне сковывает Русскую Церковь. Именно поэтому отец Александр призывал обратиться к опыту Католической Церкви, в значительной мере освободившейся в середине 60-х годов нашего столетия, благодаря II Ватиканскому Собору, от того, что чуждо евангельскому духу. К несомненным достижениям Ватиканского Собора следует отнести перевод богослужения на современные языки. Отныне литургия служится на языке тех стран, в которых она совершается. Отцы Собора настоя-

чиво возвращают жизнь к требованиям Священного Писания, рекомендуя христианам пристально и ежедневно изучать его. Священное Предание подверглось ревизии и из него были удалены явные легенды и все то, что не соответствовало духу и букве Священного Писания. Не случайно участники Собора обратились с просьбой к российским наблюдателям ознакомить их с материалами Предсоборного Совещания и Предсоборного Присутствия, которые проходили в 1906 и 1912 годах. Эти материалы, подготовленные православными богословами, епископами и мирянами касались всех сторон церковной жизни, но, к сожалению, из-за противодействия в первую очередь императора Николая II, не были рассмотрены на Поместном Соборе. Собор же 1917–1918 годов протекал в неблагоприятных условиях большевистского переворота и не имел возможности реформировать течение церковной жизни на основании подготовленных материалов.

Отцу Александру удалось осуществить за свою жизнь немало. До сих пор еще не оценен его вклад в развитие отечественного богословия. Он сумел претворить в жизнь незавершенный замысел Владимира Соловьева – осмыслил духовные поиски человека вплоть до Воплощения Христа. Сам он так определял эту задачу: **«Главная цель работы – по возможности доступно изобразить драматическую картину духовной истории. Воссоздавая ее в свете целостного христианского мирозерцания, автор исходил из богатого наследия богословской и научной мысли. Поэтому весь цикл (он состоит из семи томов – С.Б.) можно рассматривать как своего рода попытку религиозно-философского и исторического синтеза»**⁵⁴. Основное достоинство этого труда – простота и доступность изложения самых сложных богословских истин. Отцу Александру удалось органически сплавить в единый драгоценный слиток все то, что было наработано до него христианскими богословами и учеными. По богословскому вкладу его можно сравнить лишь с Владимиром Соловьевым, который сумел синтезировать многое из того, что было накоплено человечеством к середине XIX века. Семитомник под общим названием «В поисках Пути, Истины и Жизни» еще долгое время будет необходимым вожаком для всех, кто пытается осознать Божественный замысел о человеке. Этот капитальный труд явился своеобразным вызовом официозному богословию. И оно, рукой анонима, ответило на этот вызов.

Появление анонимного письма – частное проявление одного из тяжелых недугов Русской Православной Церкви, неоднократно возникавшего и в дореволюционный период. Но этот документ – и свидетельство того «допотопного» уровня сознания, на который отбросила наших соотечественников большевистская ре-

⁵⁴ – Протоиерей Александр Мень. Истоки религии. Брюссель, 1981. С. 10.

волюция. Превратив огромную страну в гетто, отрезав ее от питающих во все времена источников мировой культуры, «подморозив», по совету Константина Леонтьева, на семидесятилетие, большевики изуродовали массовое сознание населения, к которому столь умело апеллирует в своем письме аноним.

Философ Мераб Мамардашвили, которого знал и высоко ценил отец Александр, говорил, что **«реализация идеи формирования нового человека привела к максимальной неразвитости набора человеческих лиц и характеров, с которыми мы имеем дело. Такая неразвитость в сочетании с военной и технической мощью может стать причиной антропологической катастрофы»**. В пределах нашей страны антропологическая катастрофа уже произошла. Независимо от национальности, «советский» человек (а он продолжает свое существование и в постсоветской России) представляет собой уже сегодня пугало для цивилизованного мира.

В предисловии к своим комментариям на послание апостола Павла к Римлянам отец Александр говорит о двух понимании праведности: **«...Одно законническое, которое сводило все к исполнению ритуально-законнического кодекса, данного раз и навсегда...»** Другое – **«определяло благочестие как безусловную верность Богу, доверие к Нему, уверенность в непреложности Слова Божия»**. Он считает, что именно второе понимание праведности в духовной истории человечества является подлинным. **«Праведность – это вера... Именно эта вера соединяет людей с Богом, со Христом. Закон, если брать его религиозно-нравственную основу, лишь указывает, как подобает жить верующему, но он не помогает выполнить заповеди. Только Христос дарует эту силу и примиряет грешников с Отцом»**. Протоиерей Александр Мень был блистательным проповедником, глубоким и всесторонне одаренным богословом, прирожденным пастырем, праведником. Сложившийся в Православии в кризисную синодальную эпоху тип законнического благочестия, наиболее ярко запечатленный Ф.Достоевским в образе монаха Ферапонта в романе «Братья Карамазовы», всегда относился к отцу Александру крайне враждебно. Из этого, конечно, не вытекает, что именно люди этого типа благочестия подняли на него руку. Полагаю, что письмо анонима можно сравнить с трудами Ф.Ницше, который не был нацистом, но именно его идеи легли в фундамент идеологии нацизма.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД

В письме анонима мы встречаем идеологическое обоснование неприятия определенными и весьма многочисленными церковными кругами позиции отца Александра. Во многом эта позиция объясняется взглядами этих православных кругов, которые можно обозначить как «апокалиптические». В России всегда наблюдалось тяготение к эсхатологическому видению земных событий. Катастрофы предвещали близкий конец света на протяжении ряда веков. Особенно остро это ощущалось русскими людьми на рубеже XVII и XVIII веков, когда император Петр I воспринимался уже не как предтеча антихриста, а как сам антихрист.

Старообрядцы активно проповедовали наступивший конец света, сжигая себя и своих приверженцев в деревянных срубах. Катастрофические события XX века, большевистские гонения на Православную Церковь развили во многих представителях духовенства воззрения, что события, так ярко описанные в Апокалипсисе, уже наступили. Накануне революции 1917 года Сергей Нилус выпустил книгу под символическим названием «Близ есть, при дверех», которая является цитатой из Апокалипсиса. Опираясь на эти воззрения, духовенство проповедовало, что круг верных христиан сузился до предела, необходимость в миссионерской деятельности отпала, необходимо только молиться и готовиться к приходу Иисуса Христа.

Подобная позиция была абсолютно неприемлема для отца Александра. В противовес собратьям он считал, что человечество только-только приблизилось к пониманию Евангелия и что история находится едва ли не в начале подлинного пути. Поэтому он столь активно занимался миссионерской деятельностью – проповедовал, встречался с самыми различными людьми, создавал книги, которые считал продолжением миссионерского служения.

Его служение вызывало не только непонимание среди духовенства и епископата, но часто и враждебность. Поскольку Совет по делам религий жестко контролировал деятельность епископата и порой значительно влиял на него, после смерти отца Григория Кры-

жановского, который был настоятелем Сретенского храма в Новой Деревне, в 1977 году новым настоятелем был назначен священник Стефан Середний. Поначалу отношения между ним и отцом Александром складывались вполне доброжелательно. Отец Александр был предупредителен и не вмешивался в дела настоятеля. В приходе существовала небольшая группа старушек, которые досаждали митрополиту Ювеналию доносами на отца Александра. Им не нравилось, что в приходе много молодежи, не нравилась манера служения священника-еврея и его проповеди. Отец Александр не замечал этой возни и никак не реагировал на доносы и сплетни. Но ситуация вскоре начала меняться. Отец Стефан прожил в Загорске и часто бывал в лавре. Суровые лаврские монахи частенько спрашивали его: «Ну, как там Мень? Смотри за ним в оба глаза!»

Отец Стефан, человек простой, больше занимался хозяйственными делами – затеял ремонт сначала в храме, затем в церковном доме. Эти заботы целиком поглощали его, и в первые годы настоятельства он не замечал, что молодежь исповедуется преимущественно у отца Александра, что большинство старушек также предпочитает исповедоваться у него. Отца Александра чаще приглашали на требы. Но он дипломатично сглаживал все эти неровности. В начале 80-х годов ситуация снова изменилась. Начались гонения на Церковь, аресты активных священников, монахов и мирян.

Не без помощи «добрых людей» отцу Стефану попало в руки письмо анонима. Оно произвело на него впечатление разорвавшейся бомбы. В одной из проповедей летом 1981 года он обрушился на отца Александра с обвинениями. Автор этих строк слышал эту проповедь – в ней смешалось всё: жида, масоны, сионисты, разрушение Церкви, а вдохновителем всей этой «черной гвардии» оказался отец Александр. Ясно было, что отец Стефан не понял длинного и мудреного письма, но ухватил суть – отец Александр разрушает Православие и не где-нибудь, на просторах необъятной России, а в Новодеревенском приходе, под самым носом протоиерея Стефана Середнего! Меня эта проповедь возмутила. После литургии я подошел к отцу Александру и поставил его в известность, что намерен поехать к митрополиту Ювеналию и просить его образумить настоятеля. Если раньше отец Александр всячески избегал конфликтов с настоятелем, то в этот раз он согласился.

Митрополит Ювеналий принял меня любезно, расспрашивал о проблемах прихода, внимательно и сочувственно выслушал мой рассказ о происшедшем. Я даже удивился подобной сердечности. Митрополит спросил меня – не могу ли я письменно изложить то, что рассказал ему. Я тут же сел и описал обличительную проповедь отца Стефана и мою реакцию на нее. С легким сердцем я вернулся домой. Но то, что ожидало меня на следующей литургии, вызвало шок.

Дело в том, что благословиению старца, архимандрита Тавриона, в то время уже покойного, я причащался еженедельно, обычно по воскресениям. Отец Александр поддерживал эту практику. Придя в храм на литургию и поисповедовавшись, я отправился к причастию. Служил в то воскресенье отец Стефан. Когда я подошел к чаше, он не стал причащать меня, а попросил отойти в сторону и подождать. Когда он причастил всех, то подозвал меня на солею и объяснил, что причащать меня не будет, поскольку я жаловался на него митрополиту. Я не стал спорить, поскольку был ошеломлен – мне в голову не приходило, что священник может использовать причастие как орудие мести.

Поговорив с отцом Александром, я вторично отправился к митрополиту Ювеналию. Тот был несколько сконфужен и объяснил, что ознакомил отца Стефана с моей жалобой. Правда, при этом добавил, что настоятель не имел права лишать меня причастия и что еще раз побеседует с ним. Не знаю, о чем беседовал митрополит с настоятелем, но после этой беседы он объявил мне войну, категорически отказываясь причащать меня. Это было тяжелое испытание. Война растянулась более чем на год – митрополит предпринял еще одну попытку примирить нас, но отец Стефан упорствовал.

Отец Александр позже вспоминал, что служение с отцом Стефаном, человеком вспыльчивым, психически неуравновешенным, было для него, пожалуй, самым тяжелым испытанием. Мелочные придирки отца Стефана отравляли самое драгоценное для него – служение литургии. Последние два года отец Стефан, подстрекаемый лаврскими монахами, приходил на каждое служение отца Александра, хотя мог бы этого и не делать. Наступала черед отца Александра. Рано утром он приезжал в храм и начинал облачаться в алтаре. На клиросе читают часы. Отец Стефан находится на клиросе. Отец Александр подает возглас из алтаря. В алтарь вбегает взбешенный отец Стефан и начинает кричать, упрекая отца Александра в том, что он подал возглас, не одев поручи. Изумленный отец Александр, в поручах, епитрахили, молча смотрит на отца Стефана, понимая – бессмысленно что-то возражать настоятелю, пока тот не выплеснет свое раздражение.

После таких эксцессов служить литургию было тяжело. Служение литургии, когда священник предстоит перед Богом, принося бескровную жертву за весь церковный народ, требует от него особого молитвенного сосредоточения. Еще с вечера он вычитывает необходимые молитвы, готовясь к совершению литургии. Перебирая в памяти свои согрешения, он старается примириться со всеми, чтобы не приносить своих обид к престолу, ведь он избран посредником между Богом и церковным народом. Если литургия совершается соборно, то есть двумя или тремя священниками, перед пресу-

шествием даров, служащий священник произносит: «Христос посреди нас!» Сослужащие ему священники отвечают: «И есть, и будет!» После этого они троекратно лобызуют друг друга – это знак взаимной любви и согласия. После истерик отца Стефана о каком согласии могла идти речь?

Весной 1983 года отец Стефан после конфликта с митрополитом был смещен и направлен на другой приход. Вместо него митрополит Ювеналий прислал другого настоятеля – протоиерея Иоанна Клименко. Несмотря на то, что в церковных кругах отец Иоанн был известен как стукач, атмосфера в приходе разрядилась. Все стало проще – ясно было, как себя вести с отцом Иоанном, который занимался в основном церковной кассой и не вникал в приходские проблемы. Иногда на исповеди он приставал с вопросами, совершенно не имевшими отношения к духовной жизни. Но прихожане были готовы к ним, и нездоровое любопытство настоятеля не вызывало шоковых состояний.

После гибели отца Александра – уже весной 1992 года отец Иоанн был допрошен Иваном Лещенковым. Первое же знакомство с протоколом допроса подтверждает наши догадки. Вот как он характеризует отца Александра: **«Священник А.Мень был обычным, рядовым, сереньким и средненьким служителем церкви. Музыкальных данных не имел, слуха не имел, голос сильный, громкий, но неприятный. Его речами и беседами были очень довольны приезжающие москвичи и иногородние. Местные люди (г. Пушкино и Новая Деревня) не обращали на него внимания. Священник А.Мень был более внимателен к прихожанам, приезжающим из Москвы и других городов. А если смотреть с точки зрения национальности, то его внимание было сосредоточено на прихожанах еврейской национальности и на тех прихожанах, у которых один из родителей еврей. И этих было больше, нежели смешанных. Если разделить его прихожан пропорционально, то они делились на три части: 60 процентов от смешанных браков, 25 процентов чистых евреев и 15 процентов люди других национальностей.»**

Было бы странно спорить или опровергать отца Иоанна Клименко. Те, кто хорошо знает его, лишь улыбнутся. У отца Иоанна солидная внешность, неспешная, важная речь, осанка, седая борода. Но при этом непреодолимая склонность к изречению благоглупостей, которые способны вызвать если не гомерический хохот, то уж во всяком случае улыбку. Цитируя речения отца Иоанна, я не собираюсь их опровергать – цель этих цитат иная. Аноним в своем письме утверждал, что антисемитизма в Православной Церкви нет и не может быть. На самом деле он давно паразитирует на теле Православной Церкви. И это прекрасно известно и анониму, и митрополи-

ту Ювеналию, который назначал в Новодеревенский приход настоятелей-украинцев, известных своим антисемитизмом.

Не знаю, как воспринял Иван Лещенков математические подсчеты Иоанна Клименко, но неужели не понятно, что все цифры взяты с потолка? По каким признакам настоятель определял прихожан от смешанных браков? Классовым чутьем? Но самое удивительное – показания отца Иоанна точно укладывались в сионистскую версию убийства. В разгар гонений отец Иоанн решил внести свою лепту – он предпринял собственное расследование. О результатах доложил Ивану Лещенкову: **«По одной такой жалобе мне пришлось вести расследование (в то время я был благочинным). При расследовании я применил технический прием такой, каким работали и работают все следователи (протокол ф. № 51)⁵⁵. Отец А.Мень спокойно ответил на все поставленные мною вопросы. При ведении мною расследования он не считал это серьезным действием, смеялся и шутил, но ответами я был доволен. На поставленный вопрос о напечатании им книг за границей, он ответил: «Я никогда никаких книг за границей не издавал..., подписанные моим именем ихние книги – это не говорит о том, что они мои», и он мне посоветовал не вникать в этот вопрос, так как этот вопрос уже решен в Госбезопасности. Составленный мною протокол он не стал подписывать, а взял его домой для изучения. Через три дня мы встретились. Он не подписал протокол..., отказался и мы составили с ним другой, в котором говорилось, что он доложит митрополиту обо всем сам. На этом и окончилось расследование и все..., никаких ниоткуда реакций, ни вопросов. И никаких последствий не было.»**

Этот пассаж (по сути донос и на митрополита Ювеналия, который не дал хода доносу Клименко) свидетельствует о том, что порой отношения между белым и черным духовенством далеки от идеала. Видимо, протоиерей Иоанн Клименко находился во враждебных отношениях с митрополитом Ювеналием. Будучи непосредственно ему подчиненным, он, тем не менее, был надежно защищен покровителями из КГБ. Митрополит не мог его уволить за штат. Правда, сразу после празднования 1000-летия Крещения Руси митрополит Ювеналий перевел отца Иоанна в другой приход, а через пару лет уволил⁵⁶.

На допросе отец Иоанн поспешил высказаться и от лица православного епископата, хотя, насколько мне известно, никто его не

55 – Что это за прием мне не известно – С.Б.

56 – Теперь он на покое, но его подобрали телевизионщики, и он успешно просвещает по 4 каналу бывших советских язычников.

уполномочивал это делать: «Митрополит Ювеналий объяснял свои взаимоотношения с о. А.Мень чуткими по той причине, что за о. А.Мень внимательно смотрят за границей. И если у митрополита будут плохие отношения с о. А.Мень, это будет означать, что у нас гонения на духовенство. Во избежание такого недоразумения митрополиту пришлось быть в хороших отношениях с о. А. Все митрополиты и епископы, члены Св. Синода и другие (кроме ректора Московской Духовной Академии, там Мень уделялось много внимания)⁵⁷ смотрели на о. А.Мень как на обычного бездарного священника и никто не имел к нему никаких претензий. О. А.Мень был для них недоразумением. Все знали, что его студенческие способности, и священнические, и проповеднические – во всем он был незначительным сельским священником, на которого не обращали внимания.»

Отец Иоанн считал и, видимо, считает и доньне, что отец Александр Мень незаслуженно привлекал к себе внимание как российской, так и зарубежной интеллигенции. Правда, во время допроса он не мог вразумительно объяснить – что же привлекало людей к сельскому священнику? Видимо, это осталось непонятным для самого отца Иоанна: «Образование священника А.Меня выглядит так, что не поверишь, что он окончил 10 классов, а если и окончил, то был плохим учеником. Его богословское образование очень и очень слабое. Что может получить заочник семинарии, и тем более заочник академии, посещавший учебное заведение 10-14 дней в учебном году, а дома нет книг, кроме конспектов? (Тут явная неувязка! Отец Иоанн ни разу не был дома у отца Александра, иначе он бы так грубо не ошибся – отец Александр собрал богатейшую библиотеку, около 10 тысяч томов! – С. Б.) Заочное обучение существует для того, чтобы священники без образования получили что-либо. Отец А.Мень был священник, учащийся заочно. Кому-то представляется возможность верить в то, что книжицы, подписанные А.Мень, принадлежали ему, а я их читал. Все они богословски очень слабы и незначительны и не принадлежат ему. Тем более, что он это мне говорил, глядя мне в глаза. (Представляю изумление следствия! – С. Б.) Все труды, подписанные именем А.Мень, написаны не в духе нашем отечественном, а в духе европейском, то есть богословы, живущие у нас, так не напишут. С автором письма «Кто сохранит малых сих»⁵⁸ к священнику А.Меню я согласен и считаю, что автор прав. Но надо учесть и то, что при моем расследовании священник А.Мень ото

⁵⁷ – Речь идет о епископе Дмитровском Александре (Тимофееве), бывшем ректоре Московской Духовной Академии, ныне архиепископе Саратовском и Вольском.

⁵⁸ – Речь идет о письме анонима. См. Приложение № 13.

всех положений, изложенных в письме, отказался, за исключением утверждения автора о том, что отец А.Мень давал интервью еврейскому журналу. Священник А.Мень говорил с корреспондентом еврейского журнала, который извратил его слова. Об этом Мень говорил мне сам. Итак, у меня нет доказательств, что все, что изложено в «Письме», священник А.Мень делал на практике. Труды А.Мень опубликовал и написал эмигрант епископ Кривошеин (со слов священника А.Мень) в Бельгии в издательстве «Жизнь с Богом».

Конечно, читатель, впервые столкнувшийся с внутрицерковными отношениями, вряд ли что-то поймет в этом винегрете. Протоиерей Иоанн Клименко согласен с письмом анонима, который утверждал, что отец Александр разрушает Православную Церковь изнутри. Но доказательств у отца Иоанна нет! Служить вместе со священником в течение пяти лет и не заметить его разрушительной деятельности! Естественно возникает вопрос – а как относился отец Александр к отцу Иоанну и к его приставаниям? С юмором. Поэтому, вполне допустимо, что мог пойти и на розыгрыш. В отличие от придирок отца Стефана, навязчивые приставания отца Иоанна веселили отца Александра. К моменту, когда отец Иоанн был назначен в Новодеревенский приход, ему исполнилось 60 лет. Он часто путал службы, забывал о требах, но свято памятовал, что он должен следить за отцом Александром. Но слежка была неуклюжей, вопросы абсурдными. Поэтому отец Александр мог в одном случае ответить, что он вообще не писал никаких книг, а в другом, что их писал совершенно другой автор.

Хотя во время этого же допроса отец Иоанн сообщает сведения, которые опровергают его прежние гипотезы: **«Я прекрасно понимал, что он говорит правду (что книги написаны не отцом Александром – С.Б.), потому что сам видел, как каждый воскресный день, каждый праздник, когда приезжали москвичи, Меню привозили книги, изданные на Западе. Также каждый воскресный день отцу Александру привозили отпечатанные машинописные листы. Их печатала машинистка по имени Нелля, а редактировали труды Еремин Андрей, Бычков Сергей, отец Владимир (священник в Сретенской церкви)⁵⁹, и это была процедура постоянная: в разном сочетании они во время и до службы, в храме и в комнате, на скамейке под кустом – правили, редактировали, комментировали, работали над этими трудами.»**

По версии отца Иоанна Клименко писал книги архиепископ Василий Кривошеин, а правил их отец Александр со своими при-

59 – Иерей Владимир Архипов – ныне служит в Сретенском храме, что в Новой Деревне.

хожанами! Мне и раньше приходилось слышать подобные мнения. В середине 70-х годов я гостил в Спасо-Преображенской обители, неподалеку от Риги. Со мной было первое издание книги отца Александра «Небо на земле», которое я прилежно изучал. Книгу увидел митрополит Латвийский и Рижский Леонид (Поляков), который лично знал отца Александра. Он взял её у меня, полистал, спросил, кем она написана⁶⁰. Когда я сказал, что она создана отцом Александром, митрополит не поверил. **«Слишком легко написана, прекрасным литературным слогом! Не может быть!»** Я не сумел переубедить владыку.

Предвижу, что мой рассказ может вызвать огромный соблазн. Особенно среди тех людей, которых можно назвать не церковными, но сочувствующими Церкви. Церковные люди накопили опыт общения и понимают, что среди духовенства немало слабых, обремененных грехами людей. Жизнь в Церкви требует от человека постоянного и невероятного духовного напряжения. Возрастание в духе – долгий и упорный труд. Большинство христиан воображает, что если приступать к таинствам, воздерживаться от смертных грехов, то это уже гарантия того, что ты спасен. Можно опустить ржавый металл в гальваническую ванну и он засверкает чистым серебром. Но Церковь это не гальваническая ванна. Слишком часто случается, что человек приносит в Церковь тяжелый груз своих грехов, которых не замечает. И вся последующая жизнь в Церкви – это процесс накопления грехов, которые гнетут не только его, но и окружающих. Отец Александр писал: **«Христос призывает человека к осуществлению Божественного идеала. Только близорукие люди могут воображать, что христианство уже было, в VIII ли веке, в IV ли или еще когда-то. Оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа для нас до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела направлена в вечность, потому что история христианства только начинается, а то, что было раньше, то, что мы сейчас называем историей христианства – это наполовину неумелые и неудачливые попытки реализовать его... Христианство – не новая этика, а новая жизнь, которая приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом. Это есть новый союз, Новый Завет»⁶¹.**

⁶⁰ – Насколько помню, первое издание вышло вообще без подписи, но с предисловием архиепископа Сан-Францисского Иоанна (Шаховского).

⁶¹ – Протоиерей Александр Мень. Культура. Христианство. Церковь. М., 1995. С. 666, (последняя лекция, прочитанная 8 сентября 1990 года).

ВОПРОСНИК ИВАНА ЛЕЩЕНКОВА

...К концу 1992 года Лещенков с помощью экспертов с Лубянки составил вопросник, дающий яркое представление о том пути, по которому в течение трех с лишним лет шествовало следствие. Стоит поразмышлять над некоторыми вопросами, поскольку они живо перекликаются с версией полковника Владимира Сычева, который первым выдвинул версию о том, что отец Александр **«разрабатывал планы стратегического разрушения Русской Православной Церкви».**

Уже восьмой вопрос вплотную подходит к этой проблеме: **«Являлась ли община отца А. Меня в полной мере православной, либо в ней имело место смешение различных вероисповеданий, каких именно?»** Кто-то из читателей может решить, что автор разыгрывает его, цитируя протоколы процессов средневековой инквизиции. Увы, это не розыгрыш!

Следующие вопросы только подтверждают это: **«Правомерной ли является, на ваш взгляд, существующая оценка прихода отца А. Меня как общины иудеохристиан? Можно ли сказать, что все эти люди были наиболее близкими к нему людьми по признаку духовному и (или) по признаку принадлежности к еврейской национальности?»** Иудео-христиане – возникновение этого термина относится ко второй половине XX века – это движение зародилось в Израиле и состоит в основном из христиан-евреев. Об общине святого Иакова говорил в своем интервью журналу «Евреи в СССР» отец Александр. Иудео-христиане наряду с христианскими таинствами соблюдают и иудейские обряды – обрезание и заповедь о субботе. Естественно, что в приходе отца Александра не было иудео-христиан. И тем не менее, вопросник упорствует: **«Выражал ли отец А. Меня взгляды о возможности или необходимости для иудеев, перешедших в православную веру, продолжения соблюдения иудейских ритуалов, посещения синагоги и если да, какими соображениями это мотивировалось?»** К этому вопросу непосредственно примыкает и следующий: **«Считаете ли вы возможным или необходимым, пребывая в Православной Церкви, соблюдать иудейские синагогальные обряды: празднование Пасхи, Пурим и т. п., либо обряды других вероисповеданий?»**

В своем интервью журналу «Евреи в СССР» отец Александр отвечает на эти вопросы довольно конкретно. Более того, он определя-

ет и конфессиональную принадлежность общины иудео-христиан: «Да, действительно, есть несколько храмов этого рода в Израиле. Эта община носит имя святого Иакова, брата Господня, первого епископа Иерусалимского. Богослужение там идет на иврите и приближено к синагогальному. Община святого Иакова входит в католическую юрисдикцию. Имеет ли она сегодня перспективу, мне трудно судить. Строго говоря, иудаизм никогда не был монолитен, и в нем было немало различных течений...»⁶²

Когда журналист спрашивает отца Александра о том, должна ли община святого Иакова иметь собственное возглавление по примеру Армянской Церкви, он также определенно отвечает: «**Конкретное место Еврейской Церкви в ряду прочих Церквей я предвидеть, разумеется, не могу. Убеден лишь, что она должна иметь апостольское преемство. Никакая «самодеятельность» в этом отношении недопустима. Поэтому, пока общины евреев-христиан немногочисленны, они должны входить в юрисдикцию одной из апостольскими Церквей. Их отношения между собой и с евреями-христианами различных протестантских конфессий, которые есть и в Израиле, могли бы определяться Национальным советом евреев-христиан Израиля (по типу Национального совета Церквей США) как интегрирующей экуменической организацией, обнимающей все еврейское христианство. Со временем эти общины смогут соединиться в автокефальную еврейскую Церковь»**⁶³.

В своем интервью отец Александр пытается заглянуть в будущее и говорит только о возможных процессах в лоне христианства. Эти проблемы находятся в ведении христианских богословов и епископата, как православного, так и католического. Вряд ли они входят в компетенцию тайной полиции. Полтора года спустя после гибели отца Александра к этой теме обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II во время встречи с раввинами в Нью-Йорке: «**Дорогие братья, шалом вам во имя Бога любви и мира! Бога отцов наших, который явил Себя угоднику Своему Моисею в Купине неопалимой, в пламени горящего тернового куста и сказал: «Я Бог отцов твоих, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова». Он Сущий Бог и Отец всех, а мы все братья, ибо все мы дети Ветхого Завета его на Синае, который в Новом Завете, как мы, христиане, верим, обновлен Христом. Эти два Завета являются двумя ступенями одной и той же богочеловеческой религии, двумя моментами одного и того же богочеловеческого процесса. В этом процессе становления Завета Бога с человеком Израиль стал избранным народом Божиим, которому были вверены законы и пророки. И через него воспринял Свое «человечество» от Пречистой Девы Марии воплотившийся Сын Божий. «Это кровное родство не прерывается и не прекращается и после Рождества Хри-**

⁶² – Протоиерей Александр Мень. Евреи и христианство. Вестник РХД, № 117, Париж, 1976. С. 115. См. Приложение № 10.

⁶³ – Там же, с. 116.

стова... И потому мы, христиане, должны чувствовать и переживать это родство как прикосновение к непостижимой тайне смотрения Божия. Очень хорошо это выразил выдающийся иерарх и богослов Русской Православной Церкви архиепископ Херсонский и Одесский Никанор (Бровкович) в проповеди, произнесенной в Одессе более чем сто лет назад...»⁶⁴

Все, что высказал Патриарх Московский и всея Руси Алексей II во время этой встречи не является ни ересью (как это пытаются доказать некоторые доморощенные «православные» публицисты), ни модернизмом. И Патриарх сознательно подчеркивает это, цитируя двух выдающихся русских православных богословов прошлого столетия – архиепископа Никанора (Бровковича) и архиепископа Николая (Зиорова).

Но «богословы с Лубянки» пытались выстроить свою «православную систему», поэтому следующий вопрос звучит угрожающе: **«Согласны ли вы с некоторыми утверждениями, что богоизбранность евреев по рождению является выражением расовой теории? Ваши доводы, опровергающие или подтверждающие это суждение?»** Патриарх Алексей II достаточно четко высказал свое суждение о богоизбранности еврейского народа, подкрепив его ссылками на православных богословов. Но он идет дальше, развивая мысль архиепископа Никанора (Бровковича): **«Главная мысль этой проповеди – теснейшее родство между ветхозаветной и новозаветной религиями. Единение иудейства и христианства имеет реальную почву духовного и естественного родства и положительных религиозных процессов. Мы едины с иудеями, не отказываясь от христианства, не вопреки христианству, а во имя и в силу христианства, а иудеи едины с нами не вопреки иудейству, а во имя и в силу истинного иудейства. Мы потому отделены от иудеев, что мы еще «не вполне христиане», а иудеи потому отделяются от нас, что они «не вполне иудеи». Ибо полнота христианства обнимает собой и иудейство, а полнота иудейства есть христианство»**⁶⁵.

Конечно, подобные мысли кажутся многим современным церковным людям едва ли не ересью – немало упреков и оскорблений пришлось выслушать Патриарху в России прежде всего от православных. Многие восприняли выступление Его Святейшества как личное оскорбление, хотя, повторяю, в нем не было ничего, чтобы уже не прозвучало в православном богословии прошлого и нынешнего столетия.

Вопросник Ивана Лещенкова становится все более и более угрожающим: **«Не было ли в планах отца Александра создать в лоне Русской Православной Церкви – Еврейскую Православную Церковь и если да, какими соображениями мотивировалась необходимость её создания? Если нет, то чем объяснить, что в его приходе непропорционально большее количество занимали**

64 – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Ваши пророки – наши пророки. «Московские новости», 26.01.1992. Речь датирована 13 ноября 1991 года.

65 – Там же.

прихожане еврейской национальности, либо родившиеся от смешанных браков с ними?» Этот вопрос выстроен целиком на показаниях протоиерея Иоанна Клименко, который в течение пяти лет своего служения с отцом Александром вел собственную статистику, высчитывая длину носа прихожан от смешанных браков. И его статистика вполне всерьез была воспринята следователем Московской областной прокуратуры. Он продолжает задавать вопросы: **«Можно ли считать взгляды отца А.Меня в полной мере выражавшими каноны и учение Православной Церкви или же в какой-то мере выражавшими каноны и учение иных вероисповеданий, каких именно? Как относился протоиерей А.Мень к появлению религии будущего – к суперэкуменизму, т.е. синкретической религии, объединяющей все мировые религии?»** При внимательном чтении вопросника возникает ощущение, что самое главное – то, что диктовало эти вопросы (по сути обвинительные) – не стремление найти убийцу православного священника, а выяснить насколько он был не православным и даже не христианином.

Экуменизм в представлении следователя является едва ли не ересью, страшнее иудаизма (талмудического!), хотя на самом деле экуменическое движение, зародившееся в начале нашего столетия, основывается на словах Христа, сказанных ученикам: **«Да будут все едины!»** (Ин. 17, 21) Сами термины, которыми оперирует следователь, говорят о его советчиках и «консультантах с копытами».

Что такое талмудический иудаизм или суперэкуменизм? Следователь вряд ли ведаёт, что у истоков экуменического движения стояли выдающиеся русские православные философы и богословы – протоиерей Сергей Булгаков и Николай Бердяев, протоиерей Георгий Флоровский и митрополит Евлогий (Георгиевский). Вряд ли он знает и о том, что благодаря экуменическому движению предвоенного периода мир узнал о страшных большевистских гонениях на православных христиан в России. В Англии и США собирались христиане различных конфессий, чтобы совместно молиться о гонимых, а заодно выяснить, что мешает им трудиться и молиться вместе.

В 60-е годы нашего столетия экуменизм начал вырождаться – движение переживало кризис. И это наиболее остро ощущали его творцы, прежде всего профессор-протопресвитер Георгий Флоровский. Он писал: **«...Основные решения принимаются людьми, которые равнодушны к догматам и не очень сведущи в истории Церкви, Предания и христианской культуры. По их мнению, нужно только одно – Церкви должны найти то, что их объединяет, об остальном они забывают, не понимая, что как раз это «остальное» и составляет специфику отдельных церковных традиций и деноминаций и о них нельзя забывать ради единства – в противном случае достигнутое единство окажется поверхностным, недействительным и, конечно же, недолговечным»⁶⁶.**

⁶⁶ – Э.Блэйн. Жизнеописание отца Георгия. В кн. «Георгий Флоровский. Священнослужитель, богослов, философ». М., 1995. С. 212.

Поэтому последующие вопросы направлены против екуменизма, а отец Александр был подлинным екуменистом, свободно общавшийся и молившийся с христианами других конфессий: **«Существует мнение, что посмертное активное екуменическое движение (сохраняю аромат подлинника! – С. Б.) выдающимся выразителем которого был протоиерей А.Мень, внедрение католицизма и других вероисповеданий в православие (Лещенков, видимо, подразумевает под другими вероисповеданиями буддизм или язычество, столь почитаемые в православной российской среде и с которыми неутомимо боролся отец Александр! – С. Б.), тяготение определенной духовной и светской части общества к усилению процессов распада Православной Церкви – есть звенья одной и той же цепи? Случайными или закономерными являются эти процессы? Какими фактами вы можете подтвердить или опровергнуть указанное выше мнение?»**

Итак, вчитываясь в вопросник, мы снова возвращаемся к бессмертной схеме анонима – **«если в кране нет воды, значит выпили жида!» «Определенная духовная и светская часть общества»** (каков стиль! – С. Б.) – это, по-видимому, злодеи-масоны! Иван Иванович! Успокойтесь! Семьдесят лет большевики гноили, жгли, взрывали, подкупали и пытали Русскую Православную Церковь. И, увы, не смогли Ее уничтожить, поскольку Христос сказал: **«На камне сем созижду Мою Церковь и врата ада не одолеют Ее.»** (Мф. 16, 18.) История КПСС убедительно доказывает нам, что процессы разрушения Русской Церкви, а заодно с Нею ислама, протестантизма, католицизма, иудаизма, буддизма не были случайными. Владимир Ульянов (Ленин), опираясь на передовое учение Карла Маркса, начал разрушение Церкви, но не преуспел в этом, как и его преемник Иосиф Джугашвили (Сталин). Не удалось этого сделать и их последователю Никите Хрущеву. Масоны кажутся просто пигмеями перед этими титанами разрушения.

И все-таки важно найти врага – если это не «жидомасоны», то, быть может, злонамеренные и хитрые католики? Поэтому 20-й вопрос направлен против их подрывной деятельности: **«Известно утверждение (кому? – С. Б.), что в 1985 году было вынесено постановление Ватиканской понтификальной комиссии, согласно пункту 12 которого: «Рим призывает католиков вместе с иудеями готовить пришествие Мессии». Знаете ли вы об этом постановлении и согласны ли вы ним? Нужно ли присоединяться к этому постановлению так же и православным? Не противоречит ли это известным словам апостола Павла: «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными, ибо какое общение праведника с беззаконием?» (2 Кор. 6, 14.), либо последнее неверно трактуется традиционными мыслящими апологетами православия?»** Суровый вопрос – почти как в средневековые жестокие времена: **«Како веруеши?»** Причем вопрошаемый знал, что от правильности его ответа зависит не только карьера, но и жизнь.

Перед гробом отца Александра. Слева направо – священник Валентин Дронов, Олег Степурко, Сергей Бычков, игумен Лазарь Солнышко, Владимир Архипов, внучка отца Александра – Александра Юликова. 11.09.1990.

Итак, католики попали в число «неверных», то бишь в идолопоклонники, поскольку именно о них ведет свою речь апостол Павел во II послании к Коринфянам. Анализируя 20-й вопрос, осознаешь, что вопросник составлялся не одним человеком – это плод коллегиального, хотя и не очень грамотного богословского труда. Во-первых, ни Патриарх, ни православный епископат не призывают нас, православных, совместно с католиками и иудеями готовить пришествие Мессии. Какое отношение эти проблемы имеют к убийству православного священника?

Поиски врагов, вдохновивших убийц, среди Еврейской национальной церкви, которой еще не существует, или среди католиков, которые далеко, за рубежом России, а те, которые, живут в России, также как и мы, борются за выживание, бесплодны. Это было осознано и руководством Московской областной прокуратуры – в конце 1994 года Иван Лещенков был отстранен от расследования дела об убийстве православного священника.

Но тема антисемитизма в Русской Церкви, затронутая расследованием, не проходная. Недаром Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отмечал: **«К сожалению, сегодня,**

в трудное для нашего общества время, антисемитские настроения в нашей жизни проявляются довольно часто. У этих настроений, распространенных среди крайних экстремистов, правых шовинистических групп, есть питательная среда: общий кризис, рост национального обособления. Задача Русской Церкви помочь нашему народу победить зло обособления, этнической вражды, узко эгоистического национал-шовинизма. В этом трудном, но святом для всех нас деле мы надеемся на понимание и помощь наших еврейских братьев и сестер. Совместными усилиями мы построим новое общество – демократическое, свободное, открытое, из которого никто не желал бы больше уезжать и где евреи жили бы уверенно и спокойно, в атмосфере дружбы, творческого сотрудничества и братства детей Единого Бога – Отца всех, Бога отцов ваших и наших»⁶⁷.

Осенью 1991 года один из монахов Оптиной пустыни получил угрожающее письмо следующего содержания: «**Уважаемый коллега-еврей, Миша! Наш каганат сионистов города Москвы и области, военно-патриотическая организация «Бейтар» горячо Вас благодарит за подрывную работу в Оптиной против негодяев-гоев и считает, что Вы достойны ритуальной смерти во имя нашего высокочтимого Люцифера. Скоро в монастырь придет наш цадик в черном одеянии, он произведет Вам прокол темени золотым шомполом – это не больно (дважды подчеркнуто – С. Б.). Протоиерей Мень остался довольным этим нашим обрядом, чем заслужил благосклонность Мессии. Ждите и мужайтесь»**. Вместо подписи семисвечник, звезда Давида и замысловатая закорючка.

Это анонимное письмо осенью 1991 года было передано в прокуратуру. И все-таки зверское убийство трех монахов Оптиной было совершено – на Пасху 1993 года, спустя почти два года! Вновь всколыхнулось общественное мнение, но отнюдь не следственные органы. Большинство осознало – мы живем в преступном обществе. Волна преступности захлестнула страну. Размах убийств и грабежей вполне сравним с гражданской войной, различие лишь в том, что ведется она без объявления.

И вновь вспоминается, как предупреждение, как некая искупительная жертва – гибель православного священника Александра Меня. Кто знает, если бы правительство, в том числе нынешний Президент РФ Б.Н.Ельцин, лично отдавший распоряжение о проведении следствия, и общественность все же добились беспристрастного и профессионального расследования убийства, кто знает, быть может, сегодняшняя наша жизнь была бы не столь безотраднa. Быть может, если бы следствие обнаружило убийц, а суд сурово наказал их – это смягчило Божественный гнев против творящихся без-

⁶⁷ – Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. Ваши пророки – наши пророки.

11.09.1990. Новая Деревня. Отпевание отца Александра Меня.

законий? Но мы продолжаем жить во тьме, страшась выйти на улицу, страшась за своих детей и стариков, которые беспомощны перед нашими же согражданами, потерявшими человеческий облик.

Вокруг имени и наследия отца Александра бушуют такие же страсти, как и при жизни. Одни зачисляют его в «сионисты», другие считают тайным агентом католиков, третьи видят в нем просто врага Православия. По-прежнему, с огромным трудом доходят до читателя его книги, наследие его все еще остается неисследованным и непрочитанным. Порой возникает ощущение, что проделанная им работа по осмыслению духовного пути человечества никому не нужна ни в нашей стране, ни на Западе. Но его книги всё же необходимы не только нам, но и нашим потомкам. В них свет Божественной истины, который не может погасить никакая тьма. В одном из частных писем, обращенных к священнику Всеволоду Рошко он писал: «...**Мне придает уверенность сознание того, что подлинная церковность лежит глубже этнопсихологии и культуры, и что Евангелие, силой которого мы существуем, содержит в себе все, что необходимо для того, чтобы мы жили в постоянном обновлении, возрождении и уповании. Ведь разве не ясно, что все трудности и неудачи мировой церковной жизни на протяжении веков проистекали от неправильного ответа на Божий призыв? Впрочем, никакие наши немощи не в состоянии разрушить неразрушимое. Некоторые западные богословы, охваченные прискорбной паникой, готовы идти на всякие сделки с миром (Робинсон, Адольф и др.). Но у них получается, будто Церковь – дело только человеческое. Если уж такие страшные времена, которые знала Церковь в минувшем, не уничтожили Ее – чего нам бояться? Мне страшно слышать о Средних веках, как о «веках веры» и т.д. Это был лишь эмбрион христианства, да и сейчас оно еще младенец со всеми ошибками и слабостями младенца. Задача слишком велика, чтобы какие-то жалкие двадцать веков оказались для нее достаточны».**⁶⁸

Трагическую гибель отца Александра можно понять лишь как жертву. В христианстве с первых веков особо почитались мученики. Первые христиане свято верили, что мучеников Бог почитает особым образом, поскольку Его любовь так велика к ним, что Он предоставил им возможность подражать Сыну Своему не только в жизни, но и в смерти. Мучеников называли «свидетелями веры» – поскольку своей смертью они свидетельствовали о силе воскресшего Христа.

68 – Священник Всеволод Рошко и протоиерей Александр Мень. Переписка о западном и восточном христианстве. ВРХД № 165, 1992. С. 51. К сожалению, в этой чрезвычайно ценной переписке издателем сделано немало купюр. Подробнее о Всеволоде Рошко см. предисловие к его книге: «Преподобный Серафим. Саров и Дивеево.» М., 1994.

НОВЫЕ РУБЕЖИ. ЭПИЛОГ

За прошедшие со дня убийства пять с половиной лет сменилось четыре руководителя следствия – сегодня следственную группу возглавляет следователь по особо важным государственным преступлениям Московской областной прокуратуры Михаил Белотуров. Его предшественник – Вячеслав Калинин, отверг изыскания Ивана Лещенкова, который сконцентрировал внимание на сионистской версии. Именно он 8 июля 1994 года приостановил расследование, тем самым констатируя, что следствие зашло в тупик. Но уже в конце сентября расследование было продолжено. А 2 декабря этого же года, выступая перед журналистами, и.о. Генпрокурора России твердо заверил, что убийца отца Александра Меня арестован и признанся в содеянном преступлении. Следственная группа Московской областной прокуратуры работала четыре года. Как же получилось, что за два месяца так быстро сумели вычислить убийцу?

23 ноября 1994 года, накануне сорокового дня с момента гибели журналиста газеты «МК» Дмитрия Холодова, в Доме журналистов был проведен «круглый стол», на котором выступали зам. и.о. Генпрокурора Олег Гайданов, зам. директора ФСК Николай Ковалев и зам. министра ВД Михаил Егоров. Речь шла в основном об убийстве Дмитрия Холодова, но было затронуто нераскрытое убийство отца Александра Меня. Отчет прозвучал мажорно – все убийцы уже на крючке у следствия, а убийца отца Александра скоро будет судим. Один из замов поделился с журналистами интересной цифрой – оказывается, за четыре года, протекшие со дня убийства отца Александра, четыреста человек выразили готовность «взять на себя» это убийство. Зная нашу систему дознания, понять это не трудно – люди, преступление которых доказано и которым грозит смертная казнь за убийство, готовы «взять на себя» еще одно, только бы продлить свою жизнь еще на год, а то и больше. Пока следователи разберутся – там, может, и помилование нагрянет. Один из замов посетовал, что дотошные журналисты только вредят работе следственных органов. Они так подробно описывают громкие дела, что убийцы, которые жадны до чтения, потом весьма правдоподобно описывают преступления, которых не совершали.

Попробуем заглянуть в следственное дело Игоря Алексеевича Бушнева, уроженца города Москвы, рабочего, в последние годы коммерсанта, который стал 401-м кандидатом. Причем не по своей воле. Он был арестован 14 ноября 1994 года в Санкт-Петербурге, привезен в Москву и помещен в следственный изолятор города Мытищи. Арест проходил как в лучших сюжетах, которые чуть ли не ежедневно показывают по ТВ. Стоило Игорю выйти из здания Московского вокзала, как его окружили люди в камуфляже, заломили руки и бросили лицом на машину. **«Я опешил, – рассказывает Игорь, – а затем спросил их, не спутали ли они меня с кем-нибудь?»** Но поскольку арест производили агенты ФСБ, то над его вопросом лишь посмеялись: **«Если тебя арестовывают полковники, неужели ты считаешь, что возможна ошибка?»** На самолете Бушнева отправили в Москву. Расследование вел следователь Московской областной прокуратуры Вячеслав Калинин. После десяти суток пребывания в КПЗ Бушнева был переведен в тюрьму Сергиева Посада. В Сергиевом Посаде допросы проходили в кабинете начальника тюрьмы – следствие придавало признаниям Бушнева особое значение. Еще находясь в КПЗ, Бушнев признался, что именно он убил священника Александра Меня.

«В первые же дни на меня постоянно оказывалось давление со стороны группы следователей, помогавших начальнику следственной группы Вячеславу Калинин, – заявил Игорь Бушнев. – Мне угрожали, что упекут в Сибирь не только меня, если я не признаюсь, но и мою бывшую жену и ребенка, и всех моих близких. После такой обработки приходил Калинин и начинался допрос. Поскольку я уже задерживался следственной группой в сентябре 1990 года и у меня даже был изъят топор, я понимал, что сопротивляться и пытаться доказать свою невиновность бессмысленно. Поэтому я почти сразу решил взять на себя вину – ведь брали же до меня десятки невинных людей! А на суде, решил я, все равно выяснится моя невиновность!» К делу Бушнева было привлечено внимание всего общества – громкие заявления тогдашнего директора ФСБ Сергея Степашина и исполняющего обязанности генерального прокурора Алексея Илющенко в том, что преступник наконец-то схвачен, должны были убедить всех граждан, что борьба с преступностью вошла в новую, решающую фазу.

К сожалению, все оказалось не более чем обычной дымовой завесой. В середине апреля 1995 года в Сергиевом Посаде состоялся суд над Игорем Бушневым. Судья признала необоснованность обвинений в его адрес. К ее мнению присоединился начальник следственной группы – Вячеслав Калинин. В зале суда Игорь Бушнев был освобожден за недоказанностью обвинений. Результатом этого странного суда явилось отстранение Вячеслава Калинина от веде-

ния следственного дела по убийству православного священника. Был назначен новый начальник группы – заместитель начальника отдела по расследованию особо важных дел прокуратуры Московской области Михаил Белотуров. Снова начались вызовы Игоря Бушнева. Теперь суть допросов сводилась к одному – зачем ты признавался, если не убивал?

Для многих подобная логика следствия покажется абсурдной, но ларчик просто открывался. Наученная горьким опытом прошедших лет Генеральная прокуратура уже знает – как только приближается печальная годовщина убийства, наше общество словно пробуждается от спячки – и начинают задавать вопросы следствию журналисты, публицисты, государственные деятели. Именно поэтому зам. и.о. Генерального прокурора Гайданов направил письмо в Московскую областную прокуратуру, в котором предписывает реанимировать дело о расследовании убийства.

12 июля 1995 года Московской областной прокуратурой было вынесено постановление. Оно гласит (цитирую документ!): **«Бушневу И.А. предъявлено обвинение в том, что он 9 сентября 1990 года на территории вблизи платформы Семхоз Загорского (ныне Сергиево-Посадского) района Московской области с применением топора совершил умышленное убийство священника Меня А.В. Своими умышленными действиями он совершил преступление, предусмотренное статьей 103 УК РСФСР. Учитывая, что для окончания расследования по делу надлежит принять меры к обязательной явке Бушнева в прокуратуру, а поэтому руководствуясь статьями 89, 91, 92, 93 УПК РСФСР, – постановил: 1. В отношении обвиняемого Бушнева Игоря Алексеевича, 1955 года рождения, русского, уроженца города Москвы, со средним образованием, ранее судимого... избрать меру пресечения в виде подписки о невыезде...»**

Странно было бы предполагать, что в Московской областной прокуратуре работают дилетанты. За прошедшие пять с половиной лет проделана огромная и необходимая работа. Три следственных группы с успехом доказали – ни убийца-одиночка, ни уголовная среда не имеют никакого отношения к убийству священника. Дотошный следователь Иван Лещенков умудрился даже проверить причастность израильского Мосада (в деле есть показания Михаила Потемкина, иеродиакона Литовской епархии, об участии израильских спецслужб) и убедился, что доказательств нет. Так что, по методу исключения, остается одно – убийство отца Александра Меня совершено отечественными спецслужбами. А в выяснении их причастности Московская областная прокуратура бессильна – здесь ее возможности, увы, ограничены. Для этого необходимо создать группу независимых следователей и предоставить им широчайшие полномочия специальным президентским указом. Не будем забывать, что еще в

сентябре 1990 года Борис Ельцин, тогдашний председатель Верховного Совета России, взял под свой личный контроль расследование дела об убийстве православного священника.

В печати уже проскользнули сведения, что Бушнев – опасный рецидивист и что на его счету не одно убийство. Не будем скрывать – действительно, Игорь Бушнев – личность малоприятная. Дважды судим. Один раз условно – за драку, когда был еще подростком. Второй раз за хулиганство в 1977 году, когда был пойман на краже клубники с совхозного поля. Разъяренный сторож принялся палить по парням, а те сгоряча стукнули его по голове прикладом собственно ружья. Игорь получил пять лет лагерей по статье 206, часть 2.

Злополучный сентябрь 1990 года застал его врасплох. Он ушел из дома, бросив жену и дочь, и собрался вновь жениться на продавщице Галине Андрейчик, у которой мать жила в Хотькове. 8 сентября, изрядно выпив, жених и невеста отправились около полуночи в Хотьково. Не поладив с пьяной компанией Игорь, был выброшен из электрички на платформе Заветы Ильича. Разъяренный, он перебежал на другую сторону платформы и попросил дежурную позвонить в милицию и сообщить, что в электричке едет пьяная банда. А сам, дождавшись следующей, поехал в Хотьково.

Добравшись до дома будущей тещи примерно в час ночи, он не обнаружил будущей супруги. Поискав ее около платформы, он рано утром, в шесть часов, отправился в Москву на розыски, но дома ее не застал. Галина погибла в ночь с 8 на 9 сентября на платформе Семхоз, попав под электричку. Когда **двое убийц** (напомним читателям, что следственная группа достоверно установила, что **убийц было двое**, и это подтверждено свидетелями), совершив преступление, проходили по платформе Семхоз, там были не только жители поселка, но и два милиционера, которые искали сумку сбитой ночью Галины. Именно к ним обратились две женщины, которые встретили окровавленного отца Александра: **«Там человек, весь в крови»**. Милиционеры отмахнулись: **«Мы здесь совсем по другому делу: ищем сумку сбитой женщины»**.

Естественно, Игорь Бушнев сразу попал в поле зрения следственной группы. Более того, даже был задержан и у него был изъят топор. Но вскоре стало ясно – у Игоря алиби. Да и к чему ему было ехать в Семхоз? То, что в 8 утра 9 сентября 1990 года он был в Москве, подтвердила соседка Галины, к которой он заглянул и занял 6 рублей. Спустя четыре года, он вновь арестован. Прислушаемся к легенде, которой руководствуется следственная группа сегодня: проснувшись утром в Хотькове и не обнаружив Галины, Игорь с пьяных глаз хватает топор и бежит на станцию, садится в электричку и едет в Семхоз. Встречает там некоего человека, внешне похожего на обидчика, выбросившего его накануне из электрички, и убивает его. И потом, когда тот падает, понимает, что убил не того.

Когда познакомишься с признаниями Игоря Бушнева, то возникает ощущение правдивости его показаний. Все сходится – нелепый, но чисто российский сценарий. С пьяных глаз сел не в ту электричку, вышел не там, пошел не туда. Согласно логике, если Игорь обнаружил в то утро 9 сентября 1990 года, что едет не в сторону Москвы, а в Загорск, и если вышел на станции Семхоз, то зачем было лезть на гору, идти по лесу? Скорее всего, просто перешел бы железнодорожную линию и сел в электричку, идущую на Москву. Но Бушнев рассказывает, что лез в гору, шел по лесу, увидел человека с бородой, похожего на обидчика, который выкинул его из электрички, догнал его и ударил топором. Потом вернулся в Хотьково, тщательно замыл топор, спрятал его под буфет и только после этого поехал в Москву. Именно поэтому следователи, которые задержали Бушнева 11 сентября 1990 года и изъяли топор, не обнаружили на нем следов крови. Довольно правдоподобная версия!

Ностораживают некоторые несоответствия – убийство было совершено примерно в 6:35 утра. Мог ли Бушнев успеть в Хотьково, помыть топор и к 8 утра быть в Москве? Только в одном случае – если у него был личный вертолет. Как быть с выводами следственной группы, которая установила личности всех, кто был в то роковое утро 9 сентября 1990 года на платформе Семхоз, кроме двух молодых людей лет 30 - 35? Как объяснить выводы Анатолия Дзюбы и Ивана Лещенкова, утверждавших, что убийство было тщательно спланировано и подготовлено? Оба следователя давно трудятся в прокуратуре и свои заявления они делали для прессы – то есть выводы были выверены, взвешены и опирались на веские доказательства.

По делу Игоря Бушнева в течение месяца было проведено несколько обысков: у него, у матери, у двоюродного и родного братьев и даже у племянника. Искали портфель отца Александра, иконы, антиквариат. Естественно, ничего не нашли. И тем не менее, Игорь Бушнев признался в совершении преступления. Кого-то, быть может, это озадачит. Но тех, кто читал книгу Анатолия Марченко «Мои показания», это признание вряд ли удивит.

Спустя две недели после ареста Игоря Бушнева перевели в Лефортово. Он содержался в самой комфортабельной тюрьме России. На допросах кроме Вячеслава Калинина присутствовал, а иногда и вел их генерал Владимир Колесников. Не будем говорить о методах следствия. Надеемся, что о них упомянет адвокат, если дело дойдет до суда. Печально и то, что следствие пытается взвалить ответственность за убийство на человека, который его не совершал. Конечно, последнее слово остается за судом – именно он решит вопрос о причастности Игоря Бушнева к убийству православного священника. Но методы следствия вызывают серьезные сомнения в виновности Бушнева.

Весна и осень 1995 года явились своеобразным итогом работы следственной группы Московской областной прокуратуры, ведущей дело об убийстве священника Александра Меня. В апреле решением Сергиево-Посадского суда был освобожден из под стражи за недоказанностью вины Игорь Бушнев, а осенью того же года в печати выступил сын убитого – Михаил Мень («МК», 5.09.95)⁶⁹. Он заявил о том, что сомневается – является ли Игорь Бушнев настоящим убийцей. В декабре 1995 года Михаил Мень одержал убедительную победу на выборах и стал депутатом VI Государственной Думы. В начале января 1996 года мы узнали, что решением Московской областной прокуратуры, под давлением теперь уже бывшего заместителя и.о. Генерального прокурора Олега Гайданова реанимировано дело Игоря Бушнева – и вновь передано в суд города Сергиева Посада. Возникает вопрос – откуда такая поспешность? Кто инициатор реанимации этого явно сфабрикованного дела?

...По линии МВД дело Бушнева курирует один из заместителей министра – генерал Владимир Колесников. Кстати, он едва ли не единственный, который избежал дисциплинарных взысканий, обрушившихся на милицейский генералитет в конце 1995 года. Именно Колесников был инициатором отстранения от дела руководителя следственной группы Вячеслава Калинина, который, убедившись в невиновности Игоря Бушнева, способствовал его освобождению из под стражи. Чего бояться чины МВД и областной прокуратуры? Быть может, их страшит вполне возможная перспектива – отчаявшись в чисто профессиональных способностях наших официальных «пинкертонов», Михаил Мень может настоять на том, чтобы в Думе была создана комиссия по расследованию обстоятельств убийства священника Александра Меня. Кстати, о необходимости создания подобной комиссии неоднократно заявляли в «приснопоминаемом» Верховном Совете РФ священники Глеб Якунин и Алексей Злобин, а в V Думе автору этих строк ее обещал создать Глеб Якунин. Действительно, в нынешней Государственной Думе есть профессионалы – следователь Тельман Гдлян, генерал Николай Столяров, который курировал, пусть и недолгое время, расследование дела со стороны тогдашнего КГБ.

Существует ли необходимость в создании такой комиссии? Безусловно! В деле остается слишком много «темных» пятен, расследовать которые не под силу областной прокуратуре. Вспоминается эпизод пятилетней давности – только что провалился путч 1991 года. Генеральный прокурор России Валентин Степанков самолично производит арест главы КГБ Владимира Крючкова. Осенью 1991 года Глеб Якунин говорил автору этих строк, что Степанков обмолвился – во время обыска на квартире Крючкова им были изъяты материалы, имеющие отношение к убийству отца Александра.

⁶⁹ – См. Приложение № 18.

Возможно ли, что убийство православного священника совершено отечественными спецслужбами? Об этом почти сразу же после убийства громогласно заявили два священника, депутата Верховного Совета – Глеб Якунин и Алексей Злобин. Об этом сообщал спустя год после убийства еженедельник «Аргументы и факты», ссылаясь на информацию бывшего работника КГБ.

Руководители следственной группы, сходились в одном – **«убийство было тщательно подготовлено и спланировано»**. Естественно, что для подготовки и проведения убийства необходимы специалисты, которые готовятся в нашей стране в школах КГБ и ГРУ. В телепередаче «Герой дня» от 12 января 1996 года Генеральный прокурор Юрий Скуратов заявил, что в убийстве журналиста Дмитрия Холодова были замешаны работники ГРУ, поскольку для взрыва использовались редкие взрывчатые вещества.

В беседе с полковником запаса ГРУ Григорием Ваниным журналист «Московских новостей» Наталья Геворкян затронула важную тему. Расспрашивая полковника о проблеме терроризма, она просила определить суть этого явления. Ответ прозвучал весомо: **«Ведение политической борьбы крайними средствами. Терроризм неотделим от политики»**. Интересно вдуматься в некоторые высказывания полковника Ванина: **«Да, в 50-е годы еще существовали подразделения активной разведки, прежде всего в КГБ. Потом они исчезли, поскольку использование диверсионных методов борьбы (с теми же перебежчиками) оказалось малоэффективным, слишком рискованным и имеющим ненужный резонанс. Позднее появились группы типа «Вымпела», «Альфы»...**

Вопрос: Они как бы с обратным знаком – антитеррористические подразделения. Или знак поменять несложно?

– Антитеррорист отличается от террориста прежде всего направленностью менталитета. Меняется менталитет – меняется ампула...»⁷⁰

Нетрудно представить, что в наше смутное время менталитет многих выпускников закрытых школ КГБ и ГРУ диаметрально изменился. Об этом говорят и следственные органы, которые не в состоянии раскрыть ни одного заказного убийства. Причина – высокий профессионализм исполнителей. Но есть и еще одна – профессиональные убийцы засекречены. Их настоящие имена и биографии знают немногие. Чаще всего только их «воспитатели». Именно поэтому следователи предпочитают отказываться от ведения подобных дел. Поэтому, чтобы остановить поток заказных убийств в нашей стране, необходим иной подход к проблеме.

⁷⁰ – Наталья Геворкян. Как аукнули, так и откликается. «Московские новости», № 84, 3-10 декабря 1995 года. С. 8.

Убийство протоиерея Александра Меня раскрывает глубину нашего кризиса. Самое печальное – это разъединенность сограждан. Прокуратура испытывает подозрение к гражданам, граждане не верят прокуратуре. Если следствие зашло в тупик, то почему прокуратура по-прежнему отказывается от каких-либо встреч с теми, кто может помочь следствию? Конечно, принцип «тише едешь, дальше будешь» не так уж и плох. Но разве можно руководствоваться им, когда расследуется дело об убийстве?

Из трех женщин, которые встретили отца Александра в то трагическое утро, одна летом 1991 года умерла – кстати, самая молодая, ей было всего 45 лет. Неужели ожидать, когда скончаются остальные свидетели? Почему игнорируется инициатива прессы? Впервые за послереволюционную историю создалась ситуация, когда и общество, и пресса протянули руку помощи следственным органам, но они по-прежнему отворачиваются от «дилетантов». Настоящие профессионалы никогда не работают в одиночку.

На протяжении четырех лет все громче звучат голоса, утверждающие, что необходимо прекратить следствие, поскольку сам отец Александр, если бы остался жив, конечно же, простил своих убийц. Причем эти голоса раздаются отнюдь не из уст атеистов или бывших гебистов. Об этом говорят христиане, многие из которых считают себя учениками отца Александра. Полемизируя с учением Льва Толстого о непротивлении злу насилием, отец Александр писал: **«Если отдельный человек лично может простить того, кто причинил ему зло, то социальный закон в этом несовершенном мире должен оставаться на принципах справедливости. Заповедь Иисусова «не судите» относится отнюдь не к юриспруденции, как утверждал Толстой, отвергавший суд, а к мыслям и чувствам личности, к осуждению как нравственному акту. Судопроизводство же по-своему нравственно лишь тогда, когда исходит из незыблемости закона, из правового сознания. Оно имеет дело не столько с внутренним миром человека, его моралью, сколько с последствиями нравственного зла, проявление которого вынуждено пресекать»**⁷¹.

Важно заметить, что после того, как было совершено убийство отца Александра, а следствие топталось на месте, за протекшие пять с половиной лет по России прокатился вал убийств. Убивают теперь не только священников, но прежде всего банкиров, бизнесменов, политиков. Ни одно из громких убийств также до сих пор не раскрыто. Что это – закономерность? Бессилие следственных органов? Если это так, то убийство протоиерея Александра Меня прозвучало как грозное предупреждение – Россия вновь, как в начале века, на-

⁷¹ – Протоиерей Александр Мень. «Богословие» Льва Толстого и христианство. В книге – Л.Н.Толстой. Исповедь. В чем моя вера. Л., 1991. С. 22.

ходится на грани катастрофы. Причем эта катастрофа не экономическая или политическая, она прежде всего – нравственная.

Следственные органы делают вид, что ищут убийц, а интеллигенция равнодушно взирает на этот фарс, стремясь успокоить себя и общественность, призывая к всепрощению. Еще один неуслышанный пророк, Варлам Шаламов предупреждал в 1972 году: **«Проблемы слишком тяжелы, слишком неразрешимы. Не надо, чтобы литература это скрывала. Человек оказался гораздо хуже, чем о нем думали русские гуманисты XIX и XX веков. Да и не только русские, зачем это скрывать? «Колымские рассказы» именно об этом говорят. Условия? Да, условия могут и повториться, когда блатарская инфекция охватит общество, где моральная температура доведена до благополучного режима, оптимального состояния. И будет охвачена мировым пожаром в двадцать четыре часа...»**

Мировая история, как и искусство, развивается по своим законам, которые не может рассчитать ни один пророк. Любая цивилизация рассыпется в прах в три недели, и перед человеком предстанет облик дикаря. Хуже дикаря, ибо все дикарское – пустяки по сравнению со средствами уничтожения и давления. Не будет сопротивления – никакого реально, а удар вооруженного противника, какой был применен Гитлером, тоже любителем классики и романтизма. И соответственно – в других странах. Человек не хочет помнить плохое...»⁷².

Задумываясь над истоками российской катастрофы, отец Александр незадолго до гибели говорил: **«Но вот что обязательно для всех – это развитие правового сознания. Любая революция его подрывает, поскольку посягает на существующие законы. И не всегда получается так, что новое право быстро внедряется в сознание и укрепляется. Когда Антонов-Овсеенко пришел в Зимний и сказал: «Которые тут временные – слазь!» – он ведь нарушил законы страны. Он думал о самом лучшем и хотел лучших законов, но при этом попрал, то есть нарушил существующие! Он открыл шлюз и хлынула вода, которую он остановить уже не мог. И этот шаг позднее для него и для целого поколения революционеров обернулся гибелью.»**

У нас сегодня есть законы, но часто управляют не законы, а люди. Это исключительно опасно. И я рад, что сегодня общество начинает понимать необходимость развития именно правового сознания. Тот фанатизм закона, который отличает Европу, Америку, – он часто спасает. А ведь там живут такие же люди, и там есть мафиозность, и коррупция и многое другое. На свете много безумного, это совершенно очевидно. И потому за-

⁷² – Варлам Шаламов. Письмо А.Кременскому. Публикация в вологодской газете «Свеча». № 1 (5), 1994. С. 5.

конность – одна из важнейших форм внешнего существования людей. Здесь ведущая роль правительства очевидна.»⁷³

Эти слова отца Александра приобретают особую актуальность сегодня, если вспомнить, что Президент Борис Ельцин взял под свой контроль расследование убийства и неоднократно требовал от прокуратуры найти убийц православного священника.

Перечитывая книги отца Александра – а они все же издаются вопреки разрухе и продолжающемуся одичанию – мы обретаем в них мысли, необходимые нам сегодня. Отец Александр считал, что России необходимо покаяние – причем во многих исторических грехах, которые не позволяют нашей стране подняться на ноги. Одна из самых замечательных его лекций, прочитанных в 1988 году – «Роль Церкви в современном мире». В ней звучат мысли, для многих парадоксальные: «...Я говорю о том, что надо уметь каяться и трезво видеть прошлое, каяться друг за друга! Если бы это была только история, все выглядело бы совершенно иначе. Трудно сейчас каяться за древних людей, которые жили много тысяч лет назад. Никто не чувствует себя причастным к вине какого-нибудь египетского фараона или даже Иисуса Навина – все это безмерно далеко. И даже не хронологически, а религиозно, нравственно и человечески. Между тем то, что происходило в начале XX века, в XIX или в XVIII веках – это пока еще все та же цивилизация, в которой мы живем и сегодня. Пока еще для нас живыми являются те писатели и художники, которые творили тогда. Философские и политические идеи, которые формировались – все соотношения сил, которые мы сегодня наблюдаем в России, уже тогда имелись в зачатке. Недаром так ярко Салтыков-Щедрин рассказывал о будущем – он увидел сегодняшний день уже тогда! Одни современный выдающийся писатель задал однажды толковому журналисту вопрос: как получилось, что Россия, православная страна, стала страной массового атеизма? Он ему ответил: Церковь не выполняла того назначения, которое Господь Ей дал – проповедь, свидетельство, присутствие! Подумаем о будущем – чего ожидает от нас Господь? Чтобы мы, то есть Церковь, обратили внимание именно на эти моменты...»⁷⁴

Когда 20 февраля 1607 года в Успенском соборе Московского Кремля по инициативе Патриарха Гермогена собрались москвичи для обряда прощения, этому предшествовал строгий пост. Миряне подали челобитную престарелому Патриарху Иову (к этому времени он ослеп и проживал на покое в Твери, но ради преодоления Смуты

⁷³ – Протоиерей Александр Мень. Несколько слов к концу спора. В книге: «Культура и духовное восхождение». М., 1992. Сс. 453–454.

⁷⁴ – Протоиерей Александр Мень. Роль Церкви в современном мире. Журнал «Путь», № 8, 1995. С. 305.

*«Бог дал нам свободу, чтобы мы выбрали настоящий путь!»
протоиерей Александр Мень*

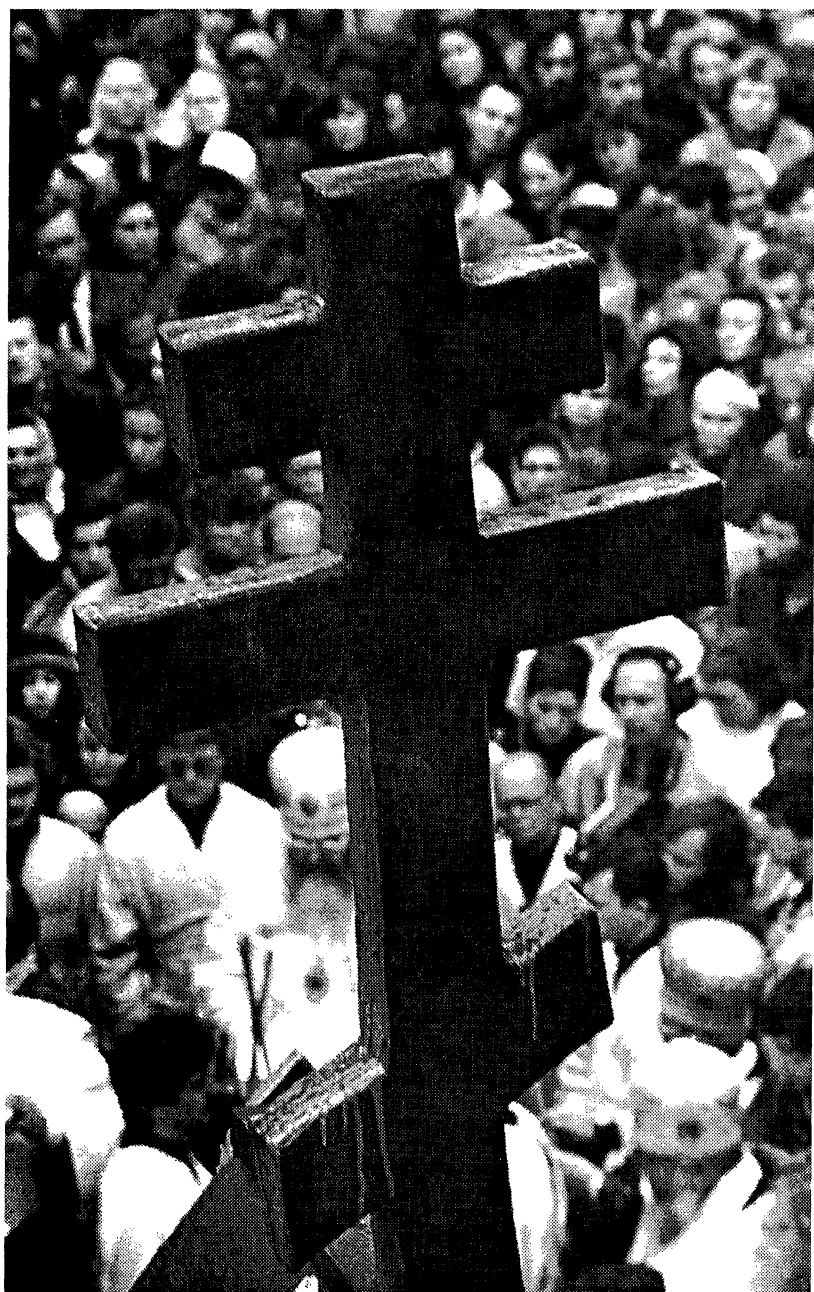
приехал в Москву и сослужил Патриарху Гермогену). В челобитной были перечислены измены и клятвopреступления русских людей. В этой же челобитной содержалась и просьба о прощении не только москвичей, но и всех русских людей, проживавших вне Москвы и даже о прощении умерших. Патриархи повелели архидиакону Олимпию громко прочитать эту челобитную. Москвичи плакали во время чтения челобитной и испрашивали прощения. И хотя Смутa продолжалась еще пять лет – перелом произошел именно в этот период. Неудивительно, что Смутa была все же изжитa и побеждена, и Россия довольно быстро оправилась от потрясений.

В одной из своих лекций отец Александр говорил: **«Бог дал нам свободу, чтобы мы выбрали настоящий путь! Он не принуждает нас выбрать путь истины, но Он открывает и указывает его нам. И все зависит, как и тогда, от решения человека. В тот момент, когда Бог призывает нас, когда истина призывает нас, мы должны принять это решение, должны принять здесь и теперь, пока еще не поздно. Потому что само Священное Писание говорит нам о горьких и тяжких последствиях, которые влечет за собой отвращение от истины и поворот в сторону лжи. И если раньше люди могли сомневаться в этих грозных предупреждениях, то сегодня мы с вами стали мудрее. Сегодня мы уже знаем – ничто не остается безнаказанным в истории мира. Ошибки отцов падают впоследствии на детей. Все, что было посеяно – сегодня просто выросло!»**⁷⁵

В своем ответе И.Шафаревичу в 1977 году отец Александр писал: **«Каждый из нас в какой-то мере дитя своей среды, общества, природы, культурного наследия. Это всегда остро чувствуют эмигранты. Тем не менее в этом вопросе христиане должны помнить об опасности идолопоклонства. Ничто не должно превращаться в культ, даже отеческое наследие. Борьба с шовинистическим инстинктом – долг христианина. Он особенно важен, если учесть, что шовинизм отравляет здоровую любовь к отечеству ненавистью и презрением к другим народам. Такие чувства, увы, легко укореняются, что, как известно, ведет к трагическим последствиям.**

Подлинный патриотизм силен своей широтой и открытостью. От того, что Пушкин был воспитан под сильным французским влиянием и что в его жилах текла кровь эфиопа, он не перестал быть великим русским поэтом. Принадлежность к Израилю не помешала святому Павлу стать «апостолом народов». Открытость к другим культурам была одной из черт России: мы находим ее у Дмитрия Ростовского и Тихона Задон-

⁷⁵ – Протоиерей Александр Мень. Библия и литература XVII века. В кн.: «Мировая духовная культура. Христианство. Церковь». М. 1995. С. 269-270.

ского, у Чаадаева и Вл. Соловьева, у Тургенева и Толстого. Шовинист же запирается на замок, прячет свое достояние и в результате создает лубочно-искусственный образ Родины, которая наполовину существует в его воображении. Этот недуг прекрасно показал Р. Тагор в своем известном романе «Гора». Упрощенная схема: раз наше – значит хорошее – есть не патриотизм, а ослепление. Не тому учит нас Библия (кстати, пришедшая с Востока, но ставшая неотъемлемой частью европейской культуры). Пророки, будучи горячими патриотами, не льстили соотечественникам, не замалчивали грехов народа. И они поступали так именно потому, что его судьба была для них не безразлична»⁷⁶.

* * *

Автор благодарит читателей, живо откликнувшихся на публикации в «МК» и предоставивших ряд бесценных свидетельств и документов. Сожалею, что пока лишен возможности поблагодарить всех поименно. В письмах читателей прослеживается важная мысль – убийство отца Александра должно быть раскрыто! Многие настаивают на этом, поскольку высказывается мнение, что расследование этого убийства связано с исцелением нашего общества от недугов тоталитаризма.

Отец Александр был праведником – он сделал поразительно много для возрождения России. Согласно христианскому учению, наши праведники продолжают помогать нам и после смерти. Пассивность епископата Православной Церкви можно понять – церковная традиция предписывает всегда тщательно рассматривать жизнь праведников, прежде чем встает вопрос об их причислении к лику святых. Постоянное паломничество к могиле отца Александра свидетельствует о том, что его почитание среди простого народа достаточно велико. В любое время года на могиле всегда живые цветы и горят свечи.

Важно осознать, что трагическая гибель отца Александра – это ж е р т в а . Трудно понять, почему Господь, Которому отец Александр посвятил всю свою жизнь, избрал для него именно такую смерть. В христианстве издавна особо почитались мученики. Их называли «свидетелями веры». Считалось, что Бог возлюбил их столь сильно, что предоставил возможность подражать не только в жизни, но и в смерти, возлюбленному Сыну – Иисусу Христу. Насильственная смерть, принятая добровольно, возводила мучеников на недостижимую высоту. Те из них, которые оставили нам письменное наследие, почитаются особо.

⁷⁶ – См. Приложение № 12.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДОКУМЕНТЫ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ

ЗАМЕТКИ

ИНТЕРВЬЮ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Нет теперь с нами отца Александра... Он был пастырем многих и многие узнали Истину через него. Он был праведником и погиб так, как и положено христианину – мучеником. Еще одним праведником стало меньше – сколько же их осталось? Наберется ли пяток? Господь согласился пощадить Содом, спасти его от уничтожения, если найдется в нем хотя бы десять праведников... Не нашлось... Горе народу, позволяющему убивать своих праведников – каждый может оказаться последним. И тогда в Последний час не будет надежды на спасение...

Прости нас, добрый пастырь...¹

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Наиболее оперативно на публикацию в «МК» от 5.09.91 откликнулось телевидение. Ведущая новой информационной программы «Вести» Татьяна Миткова оперативно подготовила 8 сентября 1991 г. программу, посвященную памяти протоиерея А.Меня. Солидарно выступили журналы – «Столица» (N 31–32) и «Знамя» (N 9). В «Независимой газете» (10.09.91) откликнулся директор библиотеки Иностранной литературы В.В.Иванов. Он сообщил, что обратился с письмом к Генеральному прокурору. Ответ, подписанный заместителем Генерального прокурора, государственным советником юстиции I класса В.И.Кравцовым гласит: «...**К настоящему времени выполнен значительный объем следственных и оперативных мероприятий, осуществлен комплекс экспертных исследований, однако преступление остается нераскрытым**». Следует ли расценить это письмо как официальное признание того, что следствие находится в тупике?

Шквал звонков и писем обрушился на редакцию со стороны экстрасенсов. Наперебой предлагали самые различные версии, называя фамилии, имена и даже местонахождение преступников. Назывались сотни фамилий и самых различных мест, но в одном все были единодушны, считая, что «наводчиком» был Владимир Никифоров, стоявший в момент преступления где-то неподалеку. Увы, несколько лет тому назад Владимир Никифоров эмигрировал и теперь проживает в Англии. Но откликнулись его бывшие прихожане: в редакцию «Московских новостей» поступило анонимное письмо на се-

¹ – Один из анонимных откликов, пришедших в «МК» после убийства отца Александра Меня.

ми страницах. В нем сообщалось, что все верующие глубоко оскорблены публикацией в «МК» фотографии убитого отца Александра, поскольку лицо священника «залито кровью». В письме содержится робкая попытка оправдать В.Никифорова, который действительно нанес ощутимый удар по жизни Новодеревенского прихода, раскрыв КГБ принципы существования «малых общин». Более того, он назвал имена руководителей общин, которые подвергались вызовам, допросам и внесудебным преследованиям.

Среди откликов следует упомянуть и парижский еженедельник «Русская мысль» от 13.09.91, который поместил специальную вкладку, посвященную годовщине со дня гибели отца Александра. В статье его дочери, Елены, высказывается недоумение: **«больно было видеть, как отдельным ученикам отца Александра после его смерти стало казаться, что каждый из них в большей мере «духовный наследник»... в сравнении с другими»**. Одни из них сегодня спешат заявить, что были личными «секретарями» и особо доверенными лицами, другие утверждают, что это именно они руководили духовной жизнью отца Александра, третьи наперебой предлагают издательствам наспех составленные биографии. К мнению дочери Елены Крейниной-Мень стоит прислушаться чересчур доверчивым нашим соотечественникам, тем более, что законными наследниками обширного богословского и литературного наследия отца Александра стали именно они – вдова, а также сын Михаил и дочь Елена.

Обзор периодики за год, протекший со дня убийства.

«Ленинское знамя», 18 сентября 1990 года

«Так получилось, что одно из первых интервью в новом качестве министру внутренних дел РСФСР генерал-майору милиции В.Баранникову¹ пришлось дать по очень грустному поводу. Как известно, председатель Верховного Совета РСФСР Б.Ельцин поручил ему лично контролировать следствие по делу о нашумевшем убийстве протоиерея А.Меня.

«Убийство священника, – подтвердил генерал, – волнует многих, эта история обрастает молвой, возникают различные предположения... С первого дня раскрытием убийства занялись руководящие работники органов внутренних дел, прокуратуры и Госбезопасности

¹ – Слежка за отцом Александром и разработка так называемого «дела оперативной проверки» осуществлялись в 80-е годы Калининградским горотделом Московского управления КГБ и горотделом внутренних дел. В эти годы начальником ОВД подмосковного Калининграда был Виктор Павлович Баранников, вскоре ставший министром МВД, а позже – МБ (бывшего КГБ). Курировал «дело» А.Меня Олег Хандожко, сподвижник В.П.Баранникова по Калининграду.

Союза, республики и области. Сейчас в работе участвует достаточное количество следователей, работников уголовного розыска, специализирующихся на раскрытии убийств, экспертов-биологов и других квалифицированных специалистов. Вся работа нами постоянно контролируется.

...Как и по всем убийствам, выдвинуто несколько следственных версий. И хотя все они тщательно проверяются, наиболее вероятно, что священник убит с целью ограбления...»

«Известия», 5 октября 1990 года

«Преступление, совершенное утром 9 сентября в районном поселке Семхоз Московской области, стало мировой сенсацией. Личным указанием Президента СССР и Председателя Верховного Совета РСФСР правоохранительным органам поручено тщательно расследовать обстоятельства злодеяния. До настоящего момента никакой официальной информации о ходе этого следствия нет.»

«Рабочая трибуна», 28 октября 1990 года

«Убийство А. Меня было запланировано, – так считает следователь по особо важным делам Московской областной прокуратуры, руководитель следственной группы Анатолий Дзюба. – Пока что можно точно сказать одно – убийство Александра Меня планировалось заранее. Откуда такая уверенность? Выбор места и времени преступления: воскресный день, ранее утро, безлюдная асфальтовая дорожка к железнодорожной платформе. Злодей наверняка прекрасно знал привычки жертвы, ее излюбленные маршруты, распорядок дня. Иначе вряд ли бы он решился на такой отчаянный поступок среди бела дня – обычно черные дела творят под покровом сумерек.

За тщательную подготовку убийства говорят и другие факты. К примеру, на месте преступления ни милиции, ни сотрудникам прокуратуры не удалось обнаружить ни единой улики, ни единого вещественного доказательства. Действовал профессионал...»

«Гласность», еженедельник ЦК КПСС, 16 мая 1991 года

«Нас хотели направить по ложному следу, – рассказывает руководитель следственной группы, следователь по особо важным делам прокуратуры Московской области И. Лещенков. – За прошедшее время следственно-оперативной группой проверено на причастность к преступлению более пятисот человек, опрошено около двух тысяч... Сейчас можно сказать, что следствие перешло в фазу поиска конкретного лица... Очевидно, кому-то было нужно направить нас по

ложному пути. При изучении дела бросается в глаза, что искусственно концентрировались улики, которые могли бы наверное определить мотивы преступления... В заключение хочу обратить внимание читателей на публикуемые фотографии оперативной съемки. На них изображен важный свидетель²...

«Московский комсомолец», 23 мая 1991 года

Подполковник запаса КГБ Валентин Королев: «...Аналогичные вопросы, кстати, следует задать руководству КГБ и в отношении расследования гибели отца Александра Меня, поскольку он являлся не только православным священником, но и крупным общественным деятелем. Поэтому по нормам демократического общества это преступление следовало бы рассматривать не как простое убийство, а как террористический акт. Если КГБ самоустранился от участия в расследовании гибели А.Меня, Комитет можно обвинить в преступном бездействии. Если принял участие и не достиг результатов – в некомпетентности... Теракт в отношении отца Александра Меня должны были расследовать сотрудники УКГБ по г. Москве и Московской области».

«Гласность», 24 июня 1991 года

Рассказывает И.Лещенков:

«...После предыдущей публикации мы получили три телефонных сообщения от разных лиц, но, похоже, из одного источника. Два последних содержали безнадежно устаревшую информацию. А в первом женщина сделала любопытные заявления. (Она представилась, назвала свои, хотя и не очень точные, координаты.) Женщина сказала, что убийца «у них» и что он близок к раскаянию, готов явиться с повинной, но еще не решился, так как боится...»

«Независимая газета», 10 сентября 1991 года

Ответ заместителя Генерального прокурора СССР государственного советника юстиции 1 класса В.И.Кравцова на запрос народного депутата СССР В.В.Иванова: «...К настоящему времени выполнен значительный объем следственных и оперативных мероприятий, осуществлен комплекс экспертных исследований, однако преступление остается нераскрытым... Ход следствия, его результативность были предметом обсуждения на оперативных совещаниях в прокура-

² – Действительно, спустя восемь месяцев после убийства И. Лещенков наконец-то отважился опубликовать в малотиражной газете снимки человека, который мог бы рассказать многое. Однако «важного свидетеля» несколько раз видели неподалеку от места работы следственной группы.

туре СССР, которой осуществляется постоянный контроль за расследованием и реализацией намеченных мероприятий».

«Аргументы и факты», октябрь 1991 года, N 39

«Незадолго до гибели отец Александр Мень получил материалы, компрометирующие высшее церковное, партийно-государственное и чекистское руководство. Эти документы находились в портфеле Меня, бесследно исчезнувшем после имевшего трагические последствия нападения двоих неизвестных, – сообщил «АиФ» бывший сотрудник православного отдела КГБ, попросивший не предавать его имя огласке. По его данным, гибель отца Александра, как и последующие убийства двух священников – друзей Меня, – дело рук спецслужб, выполнявших заказ заинтересованных лиц».

* * *

Подготавливая этот обзор, мы намеренно воздерживались от комментариев и версий журналистов. Мы вполне сознательно опирались лишь на свидетельства профессионалов, которые трудились над раскрытием убийства в течение полутора лет. Последние данные из хорошо осведомленных источников, свидетельствуют о том, что следствие упорно разрабатывало уголовную версию убийства. Арестован человек, подозреваемый в совершении четырех убийств. После убийства отца Александра этот человек был уже задержан, но выяснилась его непричастность к этому убийству. Спустя год следствие вновь разрабатывает эту версию.

Поселок Семхоз. Место убийства. Следственное фото. 9.09.1990.

УБИЙСТВО А.МЕНЯ.

СЛЕДСТВИЕ В ТУПИКЕ?

ЧТО ИЗВЕСТНО ПО ДЕЛУ А.МЕНЯ?

Из докладной записки Управления КГБ РСФСР по Москве и Московской области мэру столицы Г.Х.Попову.

9 сентября 1990 года в 6.40–6.45 утра по дороге от дома на службу на священника Меня А. было совершено нападение. Его ударили острым предметом по голове и забрали портфель.

Судебно-медицинской экспертизой установлено, что смерть наступила от большой потери крови.

По факту совершения преступления в соответствии с УПК РСФСР Прокуратурой Московской области было возбуждено уголовное дело по ст. 102 УК РСФСР (умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах), перевалифицированное затем на ст. 108 ч. 2 (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее за собой смерть потерпевшего).

Следствие по данному делу ведет Прокуратура Московской области. Оперативное обеспечение возложено на специально созданную группу сотрудников милиции из МВД СССР, РСФСР и ГУВД Мособлсполкома.

Версий много – улик мало?

В связи с запросом Прокуратуры РСФСР об оказании помощи Органам МВД и Прокуратуры в расследовании версии политической ориентации в Управлении КГБ РСФСР по Москве и Московской области создана оперативно-следственная группа.

Исходя из первичных материалов и в соответствии с компетенцией органов КГБ, рабочей группой Управления были выдвинуты следующие версии:

1. Убийство совершено на великодержавной националистической почве.

2. Убийство совершено в интересах просионистски настроенных элементов с целью создания общественного мнения о серьезных антисемитских проявлениях в СССР.

3. Убийство совершено в интересах идейных противников А.Меня в общественно-религиозной деятельности.

4. Убийство совершено религиозными фанатиками с экстремистскими наклонностями или психической неустойчивостью.

Отработка указанных версий проводилось с учетом возможной причастности спецслужб иностранных государств к убийству А.Меня.

*В Комитете государственной безопасности не оказалось какой-либо значимой информации в отношении А.Меня, его связей и существа выдвинутых версий*¹. Все оперативные подразделения были ориентированы на подключение имеющихся возможностей для выявления обстоятельств преступления.

При проверке сведения о причастности ряда лиц из «национал-патриотической» среды к убийству А.Меня не подтвердились.

Анализ добытой оперативной информации по среде еврейских националистов не выявил конкретных лиц, способных на совершение преступления в отношении А.Меня.

По фактам и признакам, свидетельствующим о намерении совершить экстремистские акты в отношении священнослужителей или верующих за период с 1990 года было установлено 14 человек. Однако причастность кого-либо из них к расследуемому убийству не обнаружена.

В ходе проверки многочисленных связей А.Меня по общественно-религиозной деятельности не получено данных, свидетельствующих о причастности к убийству А.Меня каких-либо конкретных людей. В то же время не внесена ясность в установленный эпизод, из которого следует, что проживающая в настоящее время во Франции любовница священника Т. (близкого знакомого А.Меня) и ее бывший муж Б. хранили у себя дома фамильные драгоценности, принадлежащие А.Меню². В 1984 году они оценивались более чем в 20 тысяч рублей.

В настоящее время проверяются оперативные данные в отношении Д., который подозревается в принадлежности к языческой секте, не разделяет взгляды А.Меня, дважды судим, склонен к экстремистским проявлениям.

А.Мень – жертва церковного рэкета?

В июле с. г. поступила информация, что А.Мень мог стать жертвой церковного рэкета. Свои доводы заявители обосновали тем, что немало священнослужителей якобы обложены «данью» со стороны преступных элементов, о чем духовенство предпочитает не распро-

¹ – Курсив мой – С.Б. Это утверждение звучит более чем странно. В течение 20 лет за отцом Александром велась длительная слежка КГБ. В письме академику А. Н. Яковлеву, опубликованному в газете «Правда» от 21.12.1995, старые чекисты утверждают: «Не горят не только рукописи, но и компроматы тоже не горят! Можете поверить нам на слово: в КГБ никогда и ничто не пропало бесследно!»

² – Явная ложь. Протоиерей Александр Мень не принадлежал ни к одному из аристократических семейств (см. приложение № 7), потому не могло быть речи о существовании каких-либо фамильных драгоценностей. – С.Б.

страняться, т.к. действительно в ряде случаев они имеют неконтролируемые церковью и государством доходы. Данное обстоятельство подтверждает также целый ряд разбойных нападений на священников в 1990–1991 годах.

Анализ полученной информации выявил ряд перспективных сигналов. Наиболее интересный касается сообщения УКГБ РСФСР по Рязанской области, сотрудники которого пресекли деятельность группы преступников, занимающихся рэкетом, в т. ч. в отношении священнослужителя. Из членов этой группы установлен и взят в проверку особо опасный рецидивист Т. 1941 года рождения, житель г. Москвы. Трое его сообщников скрылись и находятся в розыске.

Сотрудники оперативно-следственной группы Управления выезжали в командировки в города Киев, Ригу, Уфу для проверки конкретных оперативных материалов, вписывающихся в выдвинутые рабочие версии. В г. Киеве проверялась информация и в отношении лиц из уголовной среды, которая в ходе расследования подтверждения не нашла. Там же проверялась версия о возможной причастности к убийству первой жены сына А.Меня. По полученным данным, у нее на 8–9 сентября 1990 года есть алиби.

В г. Риге отрабатывались связи А.Меня с Большаковой Н.И. и Кураж М.М., занимавшихся изданием его произведений. Фактов, свидетельствующих об их возможной причастности к совершенному преступлению, не получено.

Следует отметить, что в ходе работы по поиску убийц А.Меня с сентября 1990 года оперативно-следственной группой проверено более 200 человек. Среди них лица из уголовной среды, психически больные, склонные к экстремистским проявлениям, а также представители различных объединений и групп националистической и религиозной ориентации.

«Загорский след» – подозреваемые в убийстве священника оговорили себя.

Почему?

С 14 сентября 1990 года органы МВД и Прокуратуры сконцентрировали основное внимание на задержанном загорской милицией Бобкове Геннадии Анатольевиче, 1953 года рождения, без определенных занятий, проживающем на одной улице с А.Менем. Бобков дал признательные показания в совершении убийства священника А.Меня. Он назвал сообщником своего собутыльника Силаева Николая Алексеевича, 1955 года рождения, а организаторами преступления сотрудника Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии архимандрита Иосифа (в миру Пустоутов Александр Петрович, 1944 года рождения) и некоего Михаила Петровича, как удалось установить, Рогачева Михаила Петровича, 1942 года рождения, ранее работавшего старостой церкви в поселке Удельная Московской области.

Проведенный анализ полученных в процессе расследования материалов, а также добытая оперативным путем информация показали, что причастность Бобкова Г.А., Силаева Н.А., Пустоутова А.П. и Рогачева М.П. к данному преступлению целенаправленно фальсифицирована.

В ходе проведения психической проверки по методике контактного полиграфа данных свидетельств о непосредственном участии Бобкова Г.А. в убийстве А.Меня, не получено. Бобков Г.А. не имел каких-либо преступных контактов с Пустоутовым А.П. (по данным результатам была проинформирована оперативно-следственная бригада МВД и Прокуратуры, что позволило окончательно снять обвинение с Бобкова Г.А., Пустоутова А.П. и др.).

Наиболее вероятной причиной, заставившей Бобкова Г.А. взять на себя вину за убийство А.Меня, является оказание на него психологического и физического воздействия со стороны одного из сотрудников милиции. Данный вывод специалистов КГБ РСФСР подтверждается полученными оперативными данными. Соответствующая информация направлена в МВД РСФСР и Прокуратуру СССР.

Установить конкретное лицо, заставившее Бобкова Г.А. рассказать о причастности Пустоутова А.П. к убийству А.Меня, по результатам проверки на полиграфе не представилось возможным.

В настоящее время оперативно-следственная бригада продолжает свою работу. Принимаются дополнительные меры по установлению истины в деле об убийстве священника А.Меня.

30 сентября 1991 года.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Газета «Ленинское знамя», 23.07.1964.

ФАЛЬШИВЫЙ КРЕСТ

В Библии есть любопытная сказка про головокружительную карьеру Иосифа «прекрасного». Родные братья продали Иосифа в далекий Египет в рабство. Там ему сначала не повезло. За какие-то подозрительные шашни с женой царедворца его упрятали в сырую темницу, в которой фараон содержал своих узников.

Сидит Иосиф в темнице, горько плачет. А в это время владыке Египта – фараону приснился страшный сон, и его никак не могли разгадать ни министры, ни мудрецы, ни волшебники.

Узнав про столь тяжелое фараоново горе и мучаясь от безделья, Иосиф сочинил свою версию о значении каверзного сна. Его толкование понравилось фараону, и он наградил красавца-соблазните-

ля перстнем со своей руки, возложил на его шею золотую цепь, посадил в свою колесницу и приказал возить по стране и громогласно возглашать: «Повинуйтесь и преклоняйтесь!»

Столь головокружительная карьера раба буквально ошеломила тогдашний мир. Перед Иосифом стали преклоняться не меньше, чем перед самим богом. А служители культа, не жалея красок, расписали его приключения в «священных» свитках Торы (первые пять книг Ветхого завета в составе Библии – Авт.).

В наши дни на разгадывании сновидений далеко не уедешь. Засмеют.

Зная об этом, выпускник исторического факультета МГУ Л.А.Лебедев не стал подражать безграмотному библейскому Иосифу. Пришел запросто в областное управление культуры, горделиво поднял голову и уверенным тоном молвил:

– Я Лебедев. Могу познавать тайны истории!

– Да будет так! Милости просим, – ответили ему и направили «познавать тайны» в областной краеведческий музей, что находится на территории бывшего Ново-Иерусалимского монастыря в городе Истре. В тот самый музей, где почти ничего путного не узнаешь про наше родное Подмосковье.

Лев Лебедев приехал туда не в золоченой колеснице, а на обычной электричке. Не было на его руке фараонова перстня, а на шее золотой цепи. Тем не менее директор музея Д.В.Петков торжественно возвестил сотрудникам:

– Преклоняйтесь! Перед вами гениальный исследователь глубин истории...

И вот новому сотруднику музея быстренько подобрали квартиру в деревянном домике. Исхлопотали постоянную прописку. Дали работу по душе – изучать историю Московской области.

– Живи! Твори! Смело ныряй в глубины истории!

Таков был тост директора музея Дмитрия Вербановича Петкова, когда «обмывали» нового сотрудника.

И Лев Лебедев стал усердно нырять в глубины... бывшего Ново-Иерусалимского монастыря. «Нырнет» – и нет его. Неделю нет, другую. Глядь, – вынырнул. Глаза осоловелые. Лицо помятое. Язык ремешки не вяжет.

– Кажись, не туда ныряет наш Лев, – стали говорить сотрудники директору музея.

– Не мешайте! – отрезал Д.В.Петков. – Человеку и так трудно: живет в деревянном доме – таланту не развернуться.

А Лебедев по-прежнему пропадал неизвестно где. Одни говорили, что он собирает какие-то древности по Подмосковью, другие потихоньку (иногда анонимками) разносили вести о том, что молодой научный сотрудник якшается с подозрительными лицами. Но руководители музея оставались глухими к тревожным сигналам. Потому и «чуткость» сохранили, предоставив Лебедеву отдельную двухкомнатную квартиру в «каменных палатах».

– Да здравствует доброта музейная! – воскликнул Лебедев и снова принялся «нырять» в «священные» пласты бывшего монастыря. Нашел там две темные дощечки, смастерил крест, влетает в контору, кричит:

– Братцы! Подлинный крест Никона – патриарха всея Руси!

– Ну и что? – ответили ему. – Мало ли безделушек в церквах да монастырях. А мы, Лев Алексеевич, краеведением занимаемся.

– Вы просто не хотите меня поддержать, – обиделся он и спрятал фальшивый крест в карман. Авось пригодится!

В другой раз Лебедев достал из «глубин» монастырских какую-то пожелтевшую бумажку с заковыристой подписью. И снова истошный вопль:

– Братцы! Собственноручная подпись святейшего Никона!

Многим сотрудникам музея надоели телячьи восторги Лебедева. Завели о нем разговор на собрании.

– Не обращайтесь внимания, – вежливо одернул Д.В.Петков. – Он еще молод...

– Как же не обращаться, – начала коммунистка Р.И.Шорец, – если он заскользил по церковной дорожке.

Раису Ивановну поддержали тт. Колобынин, Аваков, Петухов и некоторые другие сотрудники музея. Напрямую говорилось и о том, что Лебедев непристойно ведет себя в семье, пьянствует и, кажется, ворует музейные ценности.

– Вы слишком прямолинейны, товарищи, – ответил на замечания Д.В.Петков. – Тут надо тоньше, деликатнее...

Чувствуя прочную поддержку сверху, Лебедев напустил на себя «святое» вождение. Он запирался в монастырской башне и рылся неделями в беспризорных архивах и фондах. А затем исчезал и неожиданно появлялся в ските у реки Истры, где когда-то располагался со своей свитой Никон.

Причем появлялся с фальшивым крестом на груди. И именно в то время, когда боговерные старушки приходили туда за «святой водой». Встав в позу, безгрешного, он начинал таинственно:

– Православные! Лицезрейте и радуйтесь!..

Старушки роняли слезу, набожно крестились, а некоторые клали в протянутую Лебедевым руку деньги. И новоявленный заступник патриарха торопливо убежал в магазин за «святой» сорокаградусной водичей.

Директору музея надоели, наконец, «шалости» талантливого «познавателя» тайн истории. Он решил по-отечески пожурить его, намекнуть, что пора и к делу приступать. Вызвал Лебедева в свой кабинет, начал разговор издали:

– Лев Алексеевич, а почему не ходишь на семинарские занятия?

– Это еще что за занятия? – усмехнулся Лебедев.

– По научному атеизму.

– А чего я там не видел?

– Как же, мил человек! Мы оттачиваем там оружие для борьбы с религиозным дурманом, а ты...

– Ну и точите на здоровье! – зло бросил Лебедев. – Мне с вами не по пути. Я человек верующий...

Побледнел директор музея, схватился за сердце.

Вскоре состоялось партийное собрание. Вопрос один: что делать с Л.А.Лебедевым?

Долго ломали голову коммунисты. Даже самокритикой занимались. Наконец решили: поручить Д.В.Петкову как главному атеисту Красногорской промышленной зоны, провести с Лебедевым персональную беседу о вреде религии.

Не успел главный атеист зоны развернуться, как Лебедев сам пришел к нему... с заявлением об уходе из музея. Д.В.Петков узрел в этом шаге доброе предзнаменование и тут же подписал приказ об увольнении.

Обрадовался Лев благополучному исходу и так нырнул в «глубины веков», что на сей раз вынырнул уже в Звенигородском районе в должности пономаря-алтарника Покровской церкви, настоятелем которой является Александр Вольфович Мень – душевный приятель попа павшинской церкви Н.Н.Эшлимана. Именно их не раз видели с Лебедевым на территории Ново-Иерусалимского монастыря.

А.В.Мень и Н.Н.Эшлиман, оказывается, давно окружили заботой-вниманием свихнувшегося с «истинного» пути научного сотрудника музея. Теперь, пристроив его поближе к алтарной кормушке, они принялись усердно очищать душу «раба божьего» от музейной ереси.

И «очищали» его душу довольно своеобразно. Отец Александр (в миру А.В.Мень) и отец Николай (в миру Н.Н.Эшлиман) сажали Лебедева в церковную легковую машину (№ ВП 39-01) и, прихватив с собой «святой» сорокаградусной и совсем не святых девиц, катались по дорогам Подмосковья. А на утро спешили в «храм Христа», чтобы читать молитвы православным, щедро отпускать их грехи.

Понравилась Лебедеву алтарная жизнь на высоком градусе. И он решил недавно отблагодарить своих благодетелей во хмелю. Пригласив их на квартиру, Лебедев устроил такой кутеж, какого не видели стены монастырские со дня своего основания. Лебедев, Мень, Эшлиман в окружении икон, мерцающих свечей и лампад до того «напричались» коньяками-винами, что запели «Шумел камыш...»

Пьяная компания возвращалась из квартиры Лебедева не с пустыми руками: у мужчин – чемоданы, у женщин – свертки. Только направились к машине, а навстречу парни с красными повязками на рукавах. Пьяные попы заметались в смертельном страхе, повернули обратно. Женщины в панике побросали свертки в кусты.

– Ба, да тут, кажись, свертки! – воскликнул дружинник Кокорин, поднимая с земли свертки.

Верно, то были «священные» свитки древнееврейской Горы, принадлежащие краеведческому музею. Вызвали милицию, и она обнаружила у служителей религиозного культа немало музейных ценностей, украденных Лебедевым и его сообщниками.

...На этом мы прервем рассказ о головокружительной карьере Л.А.Лебедева, который за два с лишним года сумел под крылом атеистов «продвинуться» от должности научного сотрудника музея до поста церковного алтарника. Остальное, надеемся, допишут другие и, в частности, милиция и прокуратура Московской области.

Ив.МАЛЫГИН

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Протоиерей Александр Мень.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ДЕЛЕ ДВУХ МОСКОВСКИХ СВЯЩЕННИКОВ¹

В этом году исполняется пять лет с того времени, как было написано обращение двух московских священников: отца Николая Эшлимана и отца Глеба Якунина на имя Патриарха Алексия и гражданским органам власти.² Тем, кто следил за церковной жизнью в России, вероятно известно, что оба священника были подвергнуты запрещению в служении и до сих пор лишены возможности исполнять свой пастырский долг.

В России и на Западе сложились самые противоречивые мнения относительно этого дела. Многие считали священников безусловно правыми и целиком винули Патриархию. Но находились и такие, которые считали их действия чуть ли не сознательным разложением Церкви. Как обычно, крайние мнения не отражали действитель-

© Михаил Мень.

¹ – Первая и единственная публикация в журнале «Вестник русского христианского студенческого движения» № 95–96, 1970, с. 99–106 под псевдонимом «Аркадьев»

² – За рубежом «Открытое письмо» московских священников было опубликовано на русском языке газетой «Русская жизнь» (Сан-Франциско), в NN 6050–6060, вышедших в период от 16 апреля по 30 апреля 1966 года. Затем последовали следующие издания: «Открытое письмо», изданное отдельной брошюрой по инициативе архиепископа Иоанна Сан-Францисского (Сан-Франциско, 1966); отдельная брошюра, выпущенная Всеславянским издательством в Нью-Йорке (1966), по инициативе Представительства Российских эмигрантов в Америке; полный текст «Открытого письма» был также опубликован в «Русско-Американском православном Вестнике» (Нью-Йорк), июнь-июль, 1966, № 6, однако, без «Заявления» и «Приложения».

На иностранных языках можно указать следующие издания: на английском – «A cry of despair from Moscow churchmen» (published by the Synod of Bishops of the Russian Orthodox Church Outside of Russia, New York, 1966. And →

ности. Единственное, что можно сказать с уверенностью, это то, что оба священника действовали с полной искренностью и были движимы душевной болью, пастырской совестью и горячим желанием обратить внимание на угрожающие Церкви нестроения. Их постигла неудача. Они были многими поняты превратно и вот уже почти пять лет они пребывают без служения.

Что же произошло? Современникам трудно оценивать смысл событий, совершившихся у них на глазах. Тем не менее важно сохранить некоторые наблюдения и факты для того времени, когда страсти утихнут и можно будет ретроспективно взглянуть на эти годы истории Русской Церкви.

В западной прессе часто подчеркивалось, что оба священника были воспитаны духовной семинарией и это дало им возможность прийти к самостоятельному взгляду на церковные события. Это ошибка. Ни один из них семинарии не кончал. И вряд ли это было необходимо для того, чтобы увидеть неполадки в церковной жизни. Скорее наоборот, если бы они учились в духовной школе, им невольно бы передался тот дух боязливости и конформизма, который определяет атмосферу в церковных кругах России. Ведь любой представитель Церкви: епископ, священник, преподаватель духовной школы находятся под угрозой быть полностью выброшенными за борт, в случае если он не сможет угодить своему духовному или светскому начальству. Куда денется такой человек? Кому он нужен? Священник, обремененный семьей, боится потерять место гораздо больше, чем представитель любой другой профессии. Эта потеря для него означает выпадение из жизни. Образование, которое он получил, непригодно нигде, кроме Церкви, а клеймо церковника будет затруднять ему поступление на гражданскую работу, если он даже имеет светскую специальность.

Этот рефлекс страха, который вырабатывается у людей церковных, отсутствовал у двух московских священников, что сыграло

«The Orthodox Church» (Philadelphia, Pa, August-September, 1966, no 7). См. также: Religion in Communist Dominated Areas. New York, June 15/30, 1966, Vol.5, nos 10-11; на французском – «Informations Catholique Internationales», 5 avril 1966 (письмо к гражданским властям), «Messeger Orthodox», 35, III, 1966 (полностью), а также «Istina», no 4, 1965-1966 (письмо к Патриарху). В немецком переводе «Открытое письмо» в сокращенном виде было опубликовано в Бонне в журнале «Ost-Problem» (№ 13, 1966). Немецкий перевод в нем предваряется большой статьей прот. Д.Константинова – «Die Russische Orthodoxe Kirche heute».

Документы о запрещении и апелляции двух московских священников были напечатаны в газете «Русская Мысль» (Париж, 25 августа 1966, № 2508) и отдельной брошюрой во Всеславянском издательстве: «Новые важные документы о положении Русской Церкви в СССР», Нью-Йорк, 1966.

Подробный анализ «Открытого письма» можно найти в статье О.Д.Константинова «Подтверждение неопровержимого» («Новый Журнал», Н-Й, 1966, № 84. Имеет значение также материал, опубликованный в «Вестнике РСХД», № 81 за 1966 год и статьи А.Краснова-Левитина в «Русской Мысли», № 2487 от 7 июля 1966 года и в «Посеве» от 23 сентября и 1 октября 1966 года.

*Священник Николай Эшлиман.
Конец 60-х годов*

большую роль в их выступлении. Но с другой стороны, эта черта не позволила им найти широкую поддержку среди собратьев. У них было много сочувствовавших; большинство церковных людей, знакомых с «Открытым письмом», восхищались их поступком – но дальше этого дело не шло и не могло пойти. В этой связи необходимо хотя бы вкратце остановиться на биографиях отца Николая и отца Глеба, которые, вероятно, мало кому известны.

Николай Николаевич Эшлиман родился в Москве 10 августа 1929 года в семье Н.Эшлимана, подданного Швейцарии, который вскоре после рождения сына принял советское гражданство. Предки отца Николая по линии отца происходили из Шотландии. В 40-е годы XIX века Карл Якоб Эшлиман был приглашен в Крым на должность главного архитектора. (В Ялте и поныне стоит ему

памятник). По матери Н.Н.Эшлиман происходит от грузинского князя Давида Назарова, выехавшего в XVIII веке из Грузии с царем Вахтангом в Россию. Известный русский изобретатель Яблочков приходится отцу Николаю двоюродным дедом. Семья Эшлиманов была интеллигентной, но особой религиозностью не отличалась. В своих религиозных исканиях будущий священник шел в значительной степени самостоятельно. У него рано проявились многосторонние дарования: он окончил художественную школу, учился музыке. Обладая великолепным голосом, Н.Н. пел во многих храмах Москвы. Занимался он и росписью церквей. Приняв решение посвятить себя пастырскому служению, Н.Н. обращался к двум будущим митрополитам: Пимену – тогда епископу и Никодиму, тогда архимандриту (последний в то время заведовал канцелярией Московской Патриархии). Ходатайство Н.Н. не было отклонено: он уже был известен в церковных кругах Москвы, как ревностный христианин, хорошо знающий богослужение. Рукоположен Н.Н. в сан дьякона был первоначально в Костроме в 1959 году на праздник Покрова Пресвятой Богородицы и лишь после этого переведен в Москву, где и был рукоположен в 1961 году на праздник Успения Богородицы во иереи митрополитом Пименом, высоко ценившим его

личные качества и истовое служение.

Сначала отец Николай служил в кладбищенском храме села Пречистого (Московской области), а потом был переведен в село Куркино, в пригороде Москвы. Служение в Куркине совпало со смутами, которые внес в церковную жизнь так называемый «архиерейский собор» 1961 года. Церковные советы сменялись новыми лицами, верующие волновались. Отец Николай вел упорную борьбу за соблюдение законности, что повлекло перевод его в другой храм. Однако, его труды не пропали даром и законность в приходе в какой-то степени была восстановлена. В Московском храме Покрова Пресвятой Богородицы, что в Лыщиковском переулке, и застало отца Николая прещение...

Глеб Павлович Якунин, второй автор «Открытого письма», родился 4 марта 1934 года в Москве, в православной религиозной семье, и с детства получил церковное воспитание. После школы учился он в музыкальном училище при Консерватории, а потом в Пушно-меховом институте вначале в Москве, затем в Иркутске, который и закончил в 1959 году. Еще студентом Глеб Павлович принял решение посвятить себя Церкви и вскоре после окончания института поступил псаломщиком в храм мученика Трифона в Москве, а несколько позже в Московскую духовную семинарию. Правда через год он был из нее исключен по обвинению в присвоении книги из семинарской библиотеки («Философия свободы» запретного для студентов Н.А.Бердяева). Не спас положения и тот факт, что книга была возвращена в семинарию по первому же требованию. 10 августа 1962 года в праздник иконы Смоленской Божией Матери был рукоположен во иереи и служил в начале в Зарайске, затем в Дмитрове (городе в Московской области) в храме иконы Казанской Божией Матери.

15 декабря 1965 года отцы Эшлиман и Якунин обратились к Святейшему Патриарху Алексию с «Открытым письмом», копии которого были разосланы всем епископам внутри страны. За пределы Советского Союза документ попал без ведома авторов. Параллельно было

Глеб Якунин. Конец 50-х годов

отправлено Заявление на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорного³. В обоих документах авторы подробно говорили о неблагополучии во внутрицерковных делах и в отношениях между Церковью и гражданскими органами. Документы изобиловали фактами нарушения законности в отношении Церкви, дышали искренней болью, недоумением и были проникнуты стремлением внести сильную лепту в нормализацию создавшегося положения. Мы не будем излагать здесь содержание писем: оно достаточно известно, а лишь поделимся своими соображениями относительно причины, побудившей двух священников пойти на этот решительный шаг.

Открытое письмо на имя Патриарха появилось не случайно. Это была реакция на давление, которому в конце 50-х и начале 60-х годов подверглась Церковь со стороны гражданской и административной власти. Всем хорошо известно враждебное отношение к религии Н.С.Хрущева, явно проступавшее в его публичных высказываниях и, что существеннее, в варварских мероприятиях того времени. Одним из звеньев в цепи антицерковных актов было выведение духовенства из состава церковной общины и передача власти в приходах и епархиях в руки светских лиц. Слов нет, старое устройство управления приходом и епархиями страдало вопиющими недостатками, что, к сожалению, недостаточно рассмотрено в «Открытом письме», но «Архиерейский собор» 1961 года не улучшил, а ухудшил положение. Исключение духовенства из Церковного совета шло вразрез и с церковными правилами и с гражданскими законами. Получалась парадоксальная ситуация: священник (пускай теоретически) имел право быть избранным в местные светские органы правления, а в Церковный совет доступ ему был закрыт. Эта «реформа» была проведена без единого акта протеста со стороны епископов. Лишь впоследствии некоторые из них во главе с еп. Ермогеном сделали робкую попытку протеста, но она кончилась ничем. Тот факт, что большинство епископов, отзываясь об «Открытом письме» в узком кругу иной раз даже с восторгом, официально письмо не поддержало, объясним вполне понятным страхом и непривычкой действовать независимо. Но если епископат весь был ознакомлен с текстом письма, то из рядового духовенства его прочла едва ли половина (вероятно гораздо меньше). Прочитавшие, однако, встретили его с большим энтузиазмом, увидев в Письме отражение своих затаенных мыслей и чаяний. Ожидали: вот-вот «что-то начнется», но никто не шел дальше словесной и материальной поддержки священников, не решаясь подвергать опасности свое служение или семью. Ничего не «началось», да и ничего не могло начаться: переговоры с государственными органами должны вести Патриарх и епископы, я не рядовое духовенство. Между тем, Патриарх, Синод и епископат в условиях тех лет и не помышляли о возможности каких бы то ни было переговоров. Более того, церковное управление восприняло акт священников, как досадное выступление смутьянов и мечтателей, которое может «поссорить с властью».

³ – Идентичные заявления были направлены председателю Совета Министров СССР А.Н.Косыгину и генеральному прокурору СССР Р.А.Руденко.

Первое запрещение отцов Николая и Глеба не говорило, однако, ни слова о сути их петиции, но лишь указывало на якобы дерзкую форму «Открытого письма».

Признавая мужество и добрые намерения священников, следует отметить, что многие интонации документа действительно вызвали возражение. Письмо было местами написано в выпендренном, поучающем тоне, изобиловало неуместными выдержками из Писания, более походя на обличительный документ, чем на письмо священников Патриарху. Кроме того, в нем затрагивалось много сторонних вопросов, давалась для большинства спорная интерпретация событий русской церковной истории, кое-что нуждалось в проверке и вызывало возражение. Одним из самых существенных недостатков «Открытого письма» было отсутствие в нем конкретных конструктивных предложений. Авторы не хотели считаться со сложными условиями существования Церкви. Они требовали Ее полной автономии, что совершенно не реалистично в настоящее время, и наряду с максималистическими требованиями не предлагали никаких постепенных реформационных мер. Однако, реакция церковного управления на «Открытое письмо» определялось не этими соображениями, а страхом, что «будет хуже», и тайным сознанием своей вины. Священники резко, но в целом справедливо очертили неблагоприятную роль епископата в кризисах последних десятилетий. Это была правда, которая «колет глаза», сказанная без всякой дипломатии, «в лоб».

Патриарх никогда не видал ни отца Николая, ни отца Глеба. Большинство членов Синода так и не удосужилось познакомиться с ними. Когда выносились решения о санкциях против священников, их самих не вызывали и с ними не беседовали. Все было совершено заочно. Началась странная игра, вырастала стена непонимания и отчуждения. Митрополит Пимен – единственный из епископов – говорил со священниками. Как известно в церковных кругах, отец Николай был всегда глубоко ему предан и питал к митрополиту искреннюю сыновнюю любовь. Но теперь взаимопонимания больше не было. Последовал обмен текстами, в которых все яснее ощущалось ожесточение и отчужденность.

Даже если допустить правоту Синода (а в ней позволительно сомневаться), даже тогда было бы естественным ожидать, что архипастыри будут более снисходительными к молодым и горячим священникам, подойдут к ним не так формально. Своими прещениями и умыванием рук они невольно помогали тем кликушествующим лицам, которые, как говорят в московских кругах, одно время окружали отцов Николая и Глеба, толкая их на ошибочные поступки.

Итак, установилось прочное взаимное непонимание. В сущности это положение сохранилось и поныне. Авторы «Открытого письма» не сделали ни одного шага для того, чтобы примириться с Патриархией. Патриархия делает вид, что забыла о них, или же действительно предала инцидент забвению, оставив священников на произвол судьбы. Что касается гражданских органов, то они никак не отве-

тили на письмо в их адрес, но и авторов почти не тревожили, предоставив Патриархии самой карать их. Такова в общих чертах печальная, если не сказать трагическая, история двух мужественных священников, сказавших правду вслух.

Спрашивается, принесло ли письмо отцов Николая и Глеба какие-то практические результаты?

Сомнительно. Закрытие храмов прекратилось по другим причинам, Церковь сегодня также далека от реформ и от пересмотра решения собора 1961 года, как была далека и до письма двух священников. Но их выступление было значительным нравственным актом, вдохновившем верующих и духовенство. Нравственный подвиг, даже не принесший видимых результатов, есть всегда невидимая победа, и потому «Открытое письмо» останется вехой в истории Русской православной Церкви.

Что касается Патриархии, то конечно неправы те, кто пытается представить Ее как сборище людей бесчестных и продажных. Большинство епископов, вероятно так же, как отцы Николай и Глеб, желали бы пользы для Церкви. Но воспитанные в атмосфере осторожности, страха и беспрекословного подчинения они не могут поддерживать такие радикальные выступления. Впрочем, решившись на это, они бы вероятно разделили судьбу архиепископа Ермогена⁴, который сейчас находится в таком же положении, как и авторы «Открытого письма».

Удивляет лишь поистине более чем равнодушное отношение к молодым священникам, которые вот уже несколько пребывают под запрещением. Однако, и с их стороны не была сделана попытка к примирению, что было бы, вероятно, единственным выходом. Путь разделений и обвинений – в конце концов пагубный путь. Священники сказали все, что думали, а Патриархия по существу ничего не возразила против. Отдельные резкие нотки письма никак не могут быть восприняты как сознательное оскорбление Патриарха или церковного начальства. Потому есть все основания для примирения и для восстановления отцов Николая и Глеба на церковном служении. Для этого нужна лишь добрая воля обеих сторон.

⁴ – В 1965 году архиепископ Ермоген (Голубев) был смещен с Калужской кафедры и проживал на покое Жировицком монастыре. Тогдашний Управляющий делами Московской Патриархии архиепископ Алексей (Ридигер), нынешний Патриарх Московский и всея Руси, заверил его, что ему будет предложена первая вакантная епископская кафедра. В 1968 году архиепископ Ермоген обратился с четвертым письмом на имя Патриарха Алексия (Симанского) (см. ВРХСД № 87–88, 1968), однако епископскую кафедру так и не получил.

Протоиерей Александр Мень

О моих предках

Любознательному читателю интересно будет узнать о предках протоиерея Александра Менья, о том, как и под чьим влиянием формировалось его мировоззрение. Именно поэтому значительная часть книги состоит из собственных текстов отца Александра Менья – его воспоминаний, дневниковых записей, ответов на вопросы, а также трех материалов, которые упоминаются в тексте первой части. Приложения №№7, 8 и 9 впервые были опубликованы З.А.Масленниковой в книге «Жизнь отца Александра Менья», М., 1995¹. Мы публикуем воспоминания отца Александра о предках и его круге чтения с необходимыми комментариями.

© Михаил Мень.

¹ – Монография Зои Масленниковой, претендуя на полноту охвата, прекрасно иллюстрирована и богато издана. Книга делится на две неравноценные части. Первая, меньшая, посвящена собственно жизненному пути отца Александра и опирается на автобиографические тексты, вторая, более объемная – дневник самой Зои Масленниковой. Приходится с горечью констатировать, что книга не свободна от фактических ошибок, которых можно было избежать, если бы к изданию книги были привлечены грамотный редактор и рецензент, хорошо знающий основные факты биографии отца Александра. Эти ошибки необходимо указать:

1. С житиями российских святых будущий священник в детские годы ознакомился не по «Книге житий святых» святителя Димитрия Ростовского, (и не Задонского, как на с. 65 указывает З.Масленникова), а по литературным переложениям, сделанным А.Н.Бахметьевой и изданным в XIX веке. На русский язык «Книга житий святых» святителя Димитрия Ростовского доньше не переведена, а имеются лишь переложения, сделанные довольно неудачно незадолго до революции. Осуществлена лишь часть переводов житий, выпущенных издательством «Московский рабочий» в 1992 году под общим названием «Жизнеописания достопамятных людей земли Русской».

2. Отец будущего священника – Вольф Мень никогда не был членом КПСС, вопреки утверждению З.Масленниковой. (с. 20)

3. Татьяна Ивановна Куприянова не была вдовой профессора Н.Н.Фиолетова (с. 76). Она была женой «катакомбного» священника Бориса Александровича Васильева.

4. В 1965 году перевод книги святого Франциска Сальского был отослан отцом Александром в Брюссель, а не просто «попал», как утверждает З.Масленникова (с. 135). Необходимо помнить, с каким риском было связано в те годы общение с иностранцами, а нелегальная пересылка рукописей, даже религиозных, могла грозить тюремным заключением.

5. В главе «Конец иркутской эпопеи» З.Масленникова дает странную версию отчисления студента Александра Менья из института. На самом деле причиной отчисления было введение нового предмета – научного коммунизма на последнем курсе. Студенты, для которых этот предмет был сплошной головоломкой, упросили будущего священника подискутировать с преподавателем. Эти дискуссии заканчивались слишком часто поражением преподавателя, не столь сведущего в философии. По его инициативе студент Александр Мень не был допущен к государственному экзамену, и на основании этого отчислен. →

Вы спрашиваете о моих предках, но я, к сожалению, знаю о них не так много, поскольку не очень большое значение придавал «родству по плоти»².

6. З.Масленникова утверждает, что на гонорары, заработанные отцом Александром и полученные в журнале Московской Патриархии 1958 году, он завершил работу над книгой «Сын Человеческий» (с. 166). Начиная с 1958 года и по 1966 отец Александр почти целиком опубликовал «Сына Человеческого» в «Журнале Московской Патриархии». В этом нетрудно убедиться, просмотрев номера журналов за эти годы.

7. Рукополагал отца Александра в священнический сан не митрополит, а епископ Стефан (Никитин) (с. 179), и конечно же, нельзя сказать, что «владыка присутствовал в алтаре на первой литургии молодого священника» (с. 179). Отец Александр с о с л у ж и л епископу Стефану!

8. Для человека, знакомого с церковной архитектурой, ясно, что невозможно «соорудить алтарь из мраморных плит», как это утверждает З.Масленникова (с. 184). В Алабинском храме мраморными плитами был обложен престол! Мария Николаевна Соколова, тайно принявшая монашество с именем Иулиания, никогда не была профессором Московской духовной академии! (с. 184)

9. Упомянутая покойную Елену Александровну Огневу, старейшую прихожанку отца Александра, которая впервые привела З.Масленникову к нему, говорится, что она отличалась «пониженной работоспособностью» (с. 187). Вряд ли это можно принять на веру – творческое наследие, оставленное Е.А.Огневой внушительно не столько по объему, сколько по глубине и ценности мыслей. Среди него – стихи, статьи, эссе, исследования по иконописи. К сожалению, большая часть ее наследия доныне остается неопубликованной.

10. На с. 195 упоминается некая «реформа» Архиерейского Собора 1961 года. На самом деле, это было решение Собора, навязанное Советом по делам религий, отнюдь не реформа! На этой же странице упоминается одна из первых книг отца Александра, посвященная богослужению. Ее первое название – «Небо на земле», а не «Православное богослужение».

11. В главе «Знаменитое письмо» З.Масленникова предлагает собственную трактовку произошедших событий, которая во многом расходится с сохранившимися воспоминаниями отца Александра. Более того, она утверждает, что отец Александр написал «биографию Эшлимана и опубликовал ее в «ЖМП» для того, чтобы противопоставить что-то этой версии» (с. 206). Конечно, этого не могло быть! Действительно, отец Александр, чтобы поддержать двух опальных священников, составил их биографические очерки, переслал нелегально за рубеж, где они были опубликованы в «Вестнике русского христианского студенческого движения» в № 95–96 за 1970 г. Материал назывался «Несколько слов о деле двух московских священников» и был подписан псевдонимом «Аркадьев». Характеристика, данная З.Масленниковой покойному священнику Николаю Эшлиману на с. 205 – «О.Николай запил, морально и умственно деградировал» – на наш взгляд, оскорбительна и не соответствует действительности.

12. Журфиксы в своем доме в Семхозе отец Александр устраивал по четвергам, а не по средам (с. 217)

13. Книга «Религиозный ренессанс XX века» не только не «изобилует ошибками», как утверждает З.Масленникова (с. 234), но и не принадлежит перу Льва Регельсона, а создана за рубежом замечательным русским христианином – Н.М.Зерновым. Она была переведена на русский язык в приходе отца Александра еще в Тарасовский период, переслана на Запад и издана в Париже в 1974 году под названием «Русский религиозный ренессанс XX века». Лев Регельсон создал в середине 70-х годов книгу, которая была издана в Париже в 1977 году под названием «Трагедии Русской Церкви. 1917–1945.» Книга также не изобилует ошибками, хотя ее концепция вызывает споры – об этом говорит и послесловие, которое написано профессором-протопресвитером Иоанном Мейендорфом, замечательным русским богословом.

² – Цитата из послания апостола Павла к Римлянам, гл.11, стр.14.

Происходили мои пращуры, очевидно, из Польши, если судить по фамилии Василевские (по материнской линии). Но в начале XIX века они жили уже в России, и мой предок был артиллеристом в Армии Александра I. Сын его служил 25 лет при Николае I, в силу чего его дети получили право жительства в столицах. Прабабушка моя, Анна Осиповна, могучая, волевая женщина, рано овдовела и, однако, сумела вырастить семерых детей: Николая, Владимира, Илью, Якова (отца Веры Яковлевны), Розу, Веру и Цецилию (мою бабушку). Трое из сыновей были образованными, инженерами, жили в Москве. До самой смерти бабушка командовала ими. Это были мужики большой физической силы и с хорошими светлыми характерами (впрочем, Илья был смутьян и его чуть не приговорили к расстрелу за оскорбление офицера: он был военным, солдатом. Офицер оскорбил его в бане, и он своротил ему набок челюсть. Перед судом бабушка в трауре пришла к генералу, упала на колени и сказала, что он «единственный». Парня не расстреляли, отправили в ссылку и Иркутск, а потом скоро произошла революция.

Тетя Роза была красивой и мечтала стать актрисой, но бабушка не допустила. Роза вышла замуж за землевладельца из Финляндии и осталась там после революции. Ее дети (мои двоюродные дяди) выросли там. Один погиб во время Финской войны. После смерти мужа Роза уехала в Израиль, где и умерла (туда же уехал и ее сын).

Цецилия, моя бабушка, была страстной, религиозной, волевой женщиной. Она мечтала о научной карьере. В 1905 году уехала в

В. Я. Василевская и Е. С. Цуперфейн (Мень). Конец 20-х годов. Москва

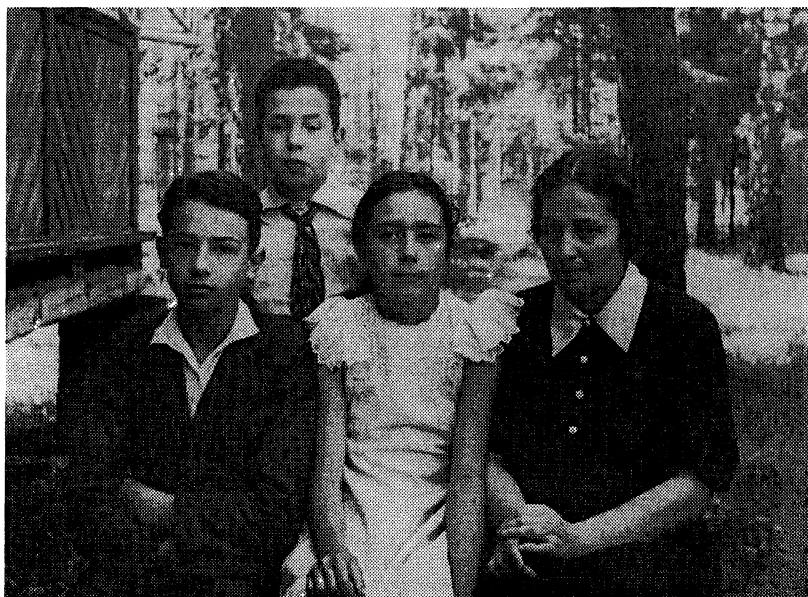
Е.С.Мень с сыном Александром. Сентябрь 1935 г.

Швейцарию и поступила в Бернский университет. Там встретила юного одессита Соломона Цуперфейна и вышла за него замуж. У меня сохранился брачный контракт. Дед обожал ее до конца дней. Умерли они почти одновременно. Его отец (мой прадед) был одесским контрабандистом бабелевского типа: страшно пил, был отчаянным, имел 22 ребенка, погиб, когда на спор полез в какой-то котел.

Бабушка и дед кончили университет по факультету химии с докторскими дипломами. Во время учебы родилась в Берне мама. Дед между лекциями бегал взглянуть на нее. Был он сентиментален, постоянно говорил по-французски (его звали «французиком», быть может, за усы). Окончив, они поселились в Париже. Дед был мобилизован, а семья поехала в Харьков, где и жила до второй мировой войны. Дед держал потом на стене полевую сумку, в которой застряла пуля, которая попала в него...

В Швейцарии бабушка слушала речи Ленина и сильно полевела. Потом стала очень советской, с полной искренностью. Поэтому, когда мама в восемь лет потянулась к вере, к христианству, бабушка начала с ней жестокую войну. Но, как стало ясно потом, тщетно. 16-ти лет мама сбежала из Харькова и поселилась у дяди Якова, подружившись с его дочерью Верой. Одно время чуть не стала баптисткой. Но потом... вы знаете³.

³ – Речь идет о Вере Яковлевне Василевской. Более подробно о дружбе Елены Цуперфейн и ее пути ко Христу в воспоминаниях В.Я.Василевской «Ката-
→

*Конец 40-х годов. Станция Отдых под Москвой.
Слева направо – А.Мень, П.Мень, М.Куприянова, Е.С.Мень.*

Прабабушка жила с ними. Она настояла на мамином браке и дождалась меня. Я ее помню, хотя она умерла, когда мне было полтора года. Кстати, она ездила в Париж проверить, как ведет себя дочь в развратной Франции (при этом не знала ни грамоты, ни французского языка). Есть ее парижское фото в боа и перьях. В молодости она тяжело болела и ее исцелил отец Иоанн Кронштадтский. Она была религиозной на еврейский лад. Но ее дети стали вольнодумцами, интеллигентами.

Мать Веры Яковлевны увлекалась Толстым. В их доме я в детстве прочел кучу толстовских книг по религиозным вопросам. Но они тогда вызвали у меня острое неприятие. Только сейчас я оценил Толстого более объективно.

Кроме военных и инженеров у нас в роду было два писателя: Семен Юшкевич и Василевский (Не-Буква), посредственные беллетристы.

Уточнение, но неважное: была у мамы еще одна тетка, Вера, т.е. было три сестры. Среди друзей мамы и В.Я.⁴ в детстве были Кунины и семья Розы Марковны. Дружба в два поколения. Иосиф Кунин сейчас музыковед (в «Жизни замечательных людей» «Чайковский» и «Римский-Корсаков»). Его сестра крестилась, прихожанка отца Димитрия Дудко, подруга А.И.Цветаевой, поэтесса.

комбы XX века» в сборнике «И было утро», М. 1992, а также в воспоминаниях Е.С.Мень в этом же сборнике: «Мой путь».

⁴ – Речь идет о Вере Яковлевне Василевской.

Родителей отца помню плохо. Дед был очень религиозным. Но я его видел мало (он жил в Киеве). Его отец был булочником (мелкий буржуа), а его жена славилась свое мудростью. К ней ходили за советами. Звали ее Дина. Я ее не помню. Отец в детстве учился в религиозной еврейской школе. Но учитель, который оказал на него влияние, был из гаскалы, т.е. из светских, и атеист. Он убил в отце веру, хотя настоящим атеистом никогда не стал.

Вот и все, что помню. Классовое происхождение: мелкая буржуазия, интеллигенция и военные. Все мамыны дядья умерли во время войны от голода. Как все крупные люди, они не переносили недоедания (Илья мог съесть 20 котлет за раз). Еврейского языка (идиш) никто не знал. Отец помнил иврит со школы и иногда читал наизусть пророков. Но для него это была просто поэзия. Он был очень терпеливый человек, добрый и веселый. Но жил в страхе. Его любимый брат был расстрелян в первые послереволюционные годы (по наговору жены); папа из-за этого не хотел жениться. Женился в 32 года. Атаковал маму много лет (шесть или семь).

Папа и мама любили театр и всегда ходили. Я в этом отношении в них не уродился.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Протоиерей Александр Мень

ВЛИЯНИЯ И КРУГ ЧТЕНИЯ

Конспективно протоиерей Александр Мень рассказывает о книгах и людях, оказавших сильное воздействие на формирование его мировоззрения, начиная с детских лет вплоть до времени священнического служения. Более подробно см. Приложение № 10 «Дело Церкви – дело Божие».

1947–48

Очерки о природе. Пьеса о Франциске Ассизском (читаю его древнее житие). Читаю: Брэма и проч. зоологию, Дарвина, Достоевского (без успеха). Конфуция (в переложении Буланже, толстовца) и массу толстовских брошюр, к которым подхожу резко полемично. Ренан, «Жизнь Иисуса». Но раньше прочел критику на него арх. Варлаама Ряшенцова, впоследствии епископа-исповедника (1908, книга у

меня до сих пор). Изучаю историю Древнего Востока З.Рагозиной (до-революционная). Семинар Н.Ю.Фиолетовой по раннехристианской литературе у Б.А.Васильева¹. Семинар по Чехову у Л.Е.Случевской, первой жены мужа Елены Александровны², – не понравилось. Начинаю библейскую историю, поскольку прочитанная у м. Марии³ огромная книга Лопухина (3 тома, конец века) устарела. Читаю о католических святых (Бернадетта, Доминик), узнаю о св. Терезе. Книга о преподобном Сергии Радонежском всегда сопровождает.

1949

Изучаю богословие по курсу П.Светлова⁴, протоиерея. Книга очень насыщенная идеями, литературой, критикой, полемикой. Дала много. Обильный антисемитский материал книги пропустил мимо ушей. Изучаю жизнь Отцов Церкви по Фаррару⁵. Читаю Григория Богослова и Златоуста.

1950

Собираю биографическую библиотеку Павленкова. Это мой университет. Особенно ценны книги о философах. Увлекаюсь Спинозой и Декартом, прихожу к выводу, что рациональное не всегда плохо. Всякий грех иррационален в корнях. Спинозу начал с богословско-политического трактата, который поколебал во мне теорию авторства Моисея (взял ее из Толковой Библии, т. 1.). В философию ввел меня в 50-м году Лопатин (его книга философских и критических очерков)⁶.

1 – Борис Александрович Васильев (1899–1976) – ученый антрополог, автор нескольких книг, катакомбный священник, продолживший служение священников Алексия и Сергия Мечевых. Более подробно о нем см. его исследование «Духовный путь Пушкина». М. 1994.

2 – Елена Александровна Огнева (1925–1985) – искусствовед, поэтесса, многолетняя прихожанка отца Александра. Лидия Евлампиевна Случевская (1897–1980) православная христианка, литературовед, первая жена Бориса Алексеевича Огнева, известного специалиста по древнерусской архитектуре. Все они посещали в 30-е годы катакомбный кружок, который образовался во круг философа, переводчика Гегеля – Бориса Григорьевича Столпнера (1871–1937). О нем упоминает в своих дневниках Александр Блок.

3 – Схимонахиня Мария (1879–1961) – принадлежала к Катакомбной Церкви. Проживала неподалеку от Троице-Сергиевой лавры, руководя небольшим тайным женским монастырем. У нее в первые годы после войны часто проводил лето Александр Мень.

4 – Протоиерей П.Я.Светлов, выпускник Московской духовной академии, профессор. Православный публицист и богослов.

5 – Фредерик Фаррар (1831–1903) – архидиакон Кентерберийский, плодовитый английский писатель. Наиболее известны его книги – «Жизнь Иисуса» (1874) и «Жизнь и труды апостола Павла» (1879). В конце XIX столетия его книги были переведены на русский язык и неоднократно переиздавались в России.

6 – Лев Михайлович Лопатин (1855–1920) – русский философ, друг Владимира Соловьева. Упоминается книга Лопатина «Философские характеристики и речи». М., 1911.

Александр Мень. Июль 1950 года. Фото В.Андреева

50-й год. Первое посещение Киева. Владимирский собор впечатлял, но чем-то и разочаровал (пестрота?), думал, он лучше (по репродукциям росписей).

Тогда же изучал «Золотую ветвь» Фрэзера, которая много помогла в «Магизме»⁷.

1951

Потом в Воронежском заповеднике изучал «Этику» Спинозы и письма. Потом пошел Лейбниц и Платон. Платон был менее созвучен. К этому времени уже был сделан первый набросок синтетического труда (о науке и вере, о Библии, Ветхий и Новый Завет, Евангельская история, Церкви). Читаю Добротолубие. Большое погружение, но уже ощущение двойственности (что-то соответствует, а что-то оторвано от нашей жизни). Посещаю костел, баптистов, синагогу. Понравилось только в костеле.

Первая (неудачная) попытка читать Якова Беме. Экхарт. Первое чтение Блока и символистов. Купил Соловьева, начал изучать. Пока отдельные тома. Множество книг по истории Церкви и ветхозаветная история Ренана и Киттеля. Пишу заново Библейскую историю (уже исследую с большим материалом). Постоянно изучаю антропологию и происхождение человека. Фаррар. «Жизнь Христа». Гладков. «Толкование Евангелия»⁸.

1953

Отцы, Отцы, Отцы. Подвижники и классические. Перевожу (увы, наугад, с русского подстрочника) стихи Григория Богослова. Иногда интуитивно угадываю размер (как выяснил потом). Последние стихи⁹.

⁷ – Упоминается книга отца Александра «Магизм и единобожие», вышедшая первым изданием в Брюсселе в 1971 году.

⁸ – Борис Ильич Гладков (1847–1921) – русский духовный писатель и общественный деятель. В юности утратил веру, но в зрелые годы обратился ко Христу. В 1903 году за свой счет издал труд «Толкование Евангелия» (более 600 страниц). За десять лет эта книга выдержала четыре издания. В 1913 году она вышла под названием «Евангельская история» в Санкт-Петербурге с многочисленными иллюстрациями. Гладков в своей книге опирался на труды Отцов Церкви, сведя данные четырех Евангелий в единый связный рассказ.

⁹ – «Последние стихи» – отец Александр говорит о том, что бросил писать стихи, хотя существуют свидетельства, что он иногда продолжал писать их вплоть до последних лет.

*Виктор Андреев и Александр Мень. Воронежский заповедник.
Август 1951 года.*

Ценил Гарнака, хотя и не разделял его взглядов. Прочел его «Историю догматов» в 53-м году. Достоевского по-настоящему оценил в 53 году в 10-м классе. Прочел всего, залпом. Но «достоевщины» как психологической атмосферы был всегда чужд (больше всего ценил главы о Зосиме). В юности впечатлялся Нестеровым, хотя потом понял, что не то.

Знал досконально Музей изобразительных искусств, очень часто там бывал.

Изучал Флоренского. Глубоко потрясен им. Лодыженский «Сверхсознание»¹⁰. Знакомлюсь с йогой и теософской литературой. Еще стихи живут.

1954

Первый том «Исторических путей христианства» написан (Древняя Церковь). Антропогенез. Новый толчок дала лекция Я.Рогинского в Политехническом музее. Много хожу на концерты. Складывается концепция шеститомника¹¹ (в Приокском заповеднике, где бывал раз семь).

¹⁰ – Речь идет о книге русского духовного писателя М.В.Лодыженского «Сверхсознание», вышедшей первым изданием в 1911 году. Третье издание вышло в Петрограде в 1915 году. Книга является первой частью его трилогии – второй том «Свет незримый», третий – «Темная сила».

¹¹ – «Складывается концепция шеститомника...» – речь идет о шести томах, повествующих о духовных поисках человечества в период до нашей эры. Пер-

→

1955

Иркутск. Начинаю второй том «Исторических путей». Пишу брошюру против баптистов (вполне ортодоксально и мирно). Нахожу Франциска Сальского. Привлекает больше, чем восточные авторы на эту тему (ближе к реальной жизни). Решаюсь найти всю книгу (были две последние части). Потом нашел. Вера Яковлевна перевела, и перевод вышел в издательстве «Жизнь с Богом». Книгу взяли у Татьяны Ивановны (Куприяновой), жены Бориса Александровича (Васильева). Пишу очерк критики диамата.

1956

Иркутск. Начинаю второй том. Собираю материал по шеститомнику. Читаю Вл. Соловьева, Лопатина, Лосского¹², массу художественной литературы (Мережковский и пр.) Изучаю теософию. Учусь у одной женщины йоговским упражнениям.

1957

Заканчиваю второй том, довожу до XV в. Начинаю книгу «О чем говорит и чему учит Библия». Изучаю библейскую критику. Веллгаузен¹³. Читаю много из русской религиозной философии. Особенно поражает Трубецкой «Умозрение в красках» об иконах. Киприан. «Палама»¹⁴.

1958

Изучаю Соловьева, «Историю католической церкви» (автора не помню, по-моему, поляк. По-русски). Работаю в епархиальном управлении. Изнанка. Знакомлюсь с бывшим католическим священником. Тоже не сахар. Резкое отталкивание. Но благодаря предыдущим работам уже прочно стою на экуменической позиции. К. Даусон «Прогресс и религия»¹⁵.

Уже дьяконом заканчиваю о Библии. Пишу очерк «Единство Церкви», прокатолический. Вычленяю из Библии (440 страниц) главы

вый том – «Истоки религии», второй – «Магизм и единобожие», третий – «У врат молчания», четвертый – «Диокис. Логос. Судьба.», пятый – «Вестники Царства Божия», шестой – «На пороге Нового Завета».

¹² – Речь идет о крупном русском философе и богослове Николае Онуфриевиче Лосском.

¹³ – Юлиус Веллгаузен (1844–1918) – немецкий востоковед и исследователь Библии. Его книга «Введение в историю Израиля» (1878) вышла в русском переводе в 1909 году.

¹⁴ – Речь идет о трех статьях Евгения Николаевича Трубецкого «Умозрение в красках» и о книге архимандрита Киприана Керна «Антропология св. Григория Паламы», Париж, 1950.

¹⁵ – Кристофер Даусон (1889–1979) английский культуролог, католический мыслитель. Его книга «Прогресс религии» (1929) оказала большое влияние на формирование отца Александра.

о Христе и делаю «Сына Человеческого»¹⁶. Использую катехизические беседы, которые каждое воскресенье по просьбе настоятеля вел с новокрещаемыми.

Начинаю учиться иконописи у Ведерниковых.

1959

Работаю над вторым вариантом «Сына Человеческого». Начинаю печататься в «Журнале Московской Патриархии» (всего около 40 статей). основополагающие книги: Ельчанинов, «Записки священника», только что вышли, и «Пастырство» Киприана Керна.

1960

Пишу «Истоки религии», в них еще входят главы о первобытных религиях. Иконопись. Бердяев массой. Булгаков. Гегель.

1961

Пишу «Магизм и Единобожие» Изучаю Фрейда. Символистов, особенно Белого. Много антропософии. Пушкин. Лескова начал читать много еще в Иркутске. Ибсен. Метерлинк.

1963

Поглощен строительством. Пишу индийские главы «Магизма». Индия идет полным ходом. Пишу «У врат молчания»¹⁷.

1964

Летом заканчиваю «У врат молчания». Последние строки написал после обыска 3 июля 1964 (с 1 сентября в Тарасовке).

1965

Пишу греческие главы для «Магизма и Единобожия». Разделяю «Истоки религии» по совету Желудкова¹⁸. Читал его в 1959 году. С этого времени (61–64) переписка с Желудковым и компанией. Еще одна редакция «Сына Человеческого».

1966

Пишу «Дионис, Логос, судьба». Ницше, Вересаев, античная литература. «Последние статьи в «Журнале Московской Патриархии». Учу греческий.

¹⁶ – Речь идет о седьмом, завершающем томе шеститомника – «Сын Человеческий».

¹⁷ – Речь идет о третьем томе, объединяющем духовную историю Индии и Китая – «У врат молчания».

¹⁸ – Священник Сергей Желудков (1909–1984) – в конце 60-х годов организовал переписку по духовным проблемам, в которую вовлек многих интеллигентов Москвы и Ленинграда. В Швейцарии был издан лишь первый том под общим названием «Христианство и атеизм», Цолликон, 1982.

1967

Первая попытка напечатать (Франциск Сальский).

1968

Выход «Сына Человеческого». Общая редакция 4-х первых томов, Булгаков. Бердяев. Соловьев. Много Бергсона. Старец Силуан (читал еще раньше в 1958 году.) Материалы по Оптиной Пустыни. Беседы о ней с Павлович¹⁹. Учу иврит. Начал «Пророков» («Вестники Царства Божия».)

1969

Выходит «Небо на земле».

Ленинградская семинария 1958–60 года. Московская духовная академия 1964–68 года. Кандидатская работа «Элементы монотеизма в дохристианской религии и философии», дружба со Старокадомским и Ветелевым. Пишу «Пророков»²⁰.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

Протоиерей Александр Мень

Воспоминания о студенческих годах

В юности от старших я часто слышал, что достаточно одной живой веры, чтобы привлечь людей. Частично я с ними соглашался, тем не менее хорошо понимал особенности нашего времени. Во времена апостолов большинство их аудитории было в той или иной мере религиозной. Теперь веру заменило безверие, упрощенное секулярными мифами. Нужно было сначала разбить лед, найти новый язык для «керигмы», проповеди, увязать ее с вопросами, которые волнуют людей сегодня.

Наставниками моими (кроме родителей) были люди, связанные с Оптиной Пустыней и «маросейской» общиной отцов Мечевых. С самого начала в этой традиции меня привлекла открытость к миру и его проблемам. Замкнутая в себе церковность напротив – казалась ущерблением истины, которая призвана охватывать все. Когда в 17–18 лет я интенсивно готовился к церковному служению и много изучал патри-

© Михаил Мень.

¹⁹ – Надежда Александровна Павлович (1895–1980) – поэтесса, автор интересных мемуаров о Блоке, об Оптиной пустыни. В последние годы активно сотрудничала с Журналом Московской Патриархии, ею написано жизнеописание святителя Николая Японского.

²⁰ – Более подробно о Старокадомском и Ветелеве см. прим. в приложении № 10. Речь идет о пятом томе – «Вестники Царства Божия».

Александр Мень и В.Я.Василевская. Иркутск. 1955.

стику, у меня сложилась довольно ясная картина задачи, стоящей передо мной. Я видел, что к вере начинают тянуться люди, преимущественно образованные, то есть те, кто имеет возможность независимо мыслить. Следовательно, священник должен быть во всеоружии. Я не видел в этом ничего от «тактики» или «пропаганды». Пример Святых Отцов был достаточно красноречив. Усвоение культуры нужно не просто для того, чтобы найти общий язык с определенным кругом людей, а потому что само христианство есть действенная творческая сила. Конфликт отцов с харизматиками-эсхатологистами, отрицавшими культуру и «мирские» проблемы, имел прямое отношение к этой теме. Когда изучал раннехристианскую историю и писал о ней (в 19–20 лет), я убедился, что в моих мыслях нет никакого надуманного реформаторства, а они следуют по пути, проложенному традицией. Традиции святоотеческой христианской культуры противостоял апокалиптический нигилизм, вырождавшийся в секты, а также бытовой, обрядоверческий консерватизм, который питался языческими корнями, и, наконец, лжегуманизм, пытающийся осуществлять призвание человека вне веры. Под знаком этого противоборства я и пытался понять (и описать) историю Церкви. Когда я познакомился с «новым религиозным сознанием» начала XX века в России¹, стало ясно, что «новизна» его относительна, что оно уходит корнями в ранние времена и в само

¹ – Термин «новое религиозное сознание» введен Д.Мережковским и связан с Религиозно-Философскими Собраниями (1901–1903).

Евангелие. Хотя Новый Завет прямо не касался вопросов культуры (ибо по своей природе он глубже ее), но в его духе содержалось все, что должно было породить линию, ведущую через апостола Павла к святому Юстину, Клименту и далее к классическим Отцам.

О католической Церкви в то время я больше всего получал сведений из антирелигиозной литературы, но как только стали доступны более объективные источники, я увидел, что в ней, если говорить о послепатристических веках, творческая и открытая к миру тенденция получила широкое развитие (при этом слепая идеализация католичества была мне всегда чужда). Это «открытие» послужило исходной точкой для моих экуменических убеждений. Правда, я не предполагал тогда, что события начнут развиваться в этом направлении столь быстро. Вся окружающая меня церковная среда резко осуждала мои настроения. Когда же, с понтификатом Иоанна XXIII начался неожиданный поворот, я торжествовал. Ведь раскол наносил огромный ущерб и диалог воспринимался как оплодотворяющая сила.

В самый разгар изучения католичества (в 21–22 года) я в свободное от занятий в институте время работал в Епархиальном управлении (истопником) и близко соприкоснулся с разложением околархиерейского быта, которое очень меня тяготило. Но соблазн счесть нашу Церковь мертвой меня, слава Богу, миновал. Хватило здравого смысла понять, что церковный маразм есть порождение уродливых условий, а с другой стороны, я уже слишком хорошо знал (изучая Средние века) теневые стороны жизни и истории западных христиан. Как бы в подтверждение этому мне была послана удивительная «случайная» встреча. Я познакомился в Сибири с молодым священником, который только что приехал с Запада и учился в Ватикане (был католиком). Его рассказы и книги открыли мне много замечательного и интересного, но сам он, мягко выражаясь, не мог вдохновить. Не буду писать о нем. Он много бедствовал и еще служит где-то в провинции. Одним словом, я понял, что маразм есть категория интерконфессиональная, а не свойство какого-то одного исповедания.

Отношение мое к протестантам (и в частности, к баптистам) было сложнее. Я очень ценил евангелический, пророческий, нравственный дух, присущий протестантизму. Приехав в 1955 году в Иркутск, я в один день посетил собор и баптистское собрание. Контраст был разительный. Полупустой храм, безвкусно расписанный, унылые старушки, архиерей, рычащий на иподиаконов, проповедь которого (очень короткая) напоминала политинформацию (что-то о Китае...)², а с другой стороны, набитый молитвенный дом, много молодежи (за-

2 – Речь идет об архиепископе Иркутском Палладии (в миру Павел Александрович Шерстенников (1896–1976). Родился в семье священника в Уржумском уезде, Вятской губернии. Окончил Вятскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию. В 1917 году был призван в армию, после возвращения изучал медицину в Казанском университете. В 1921 году был рукоположен во диаконы, а в 1922 – во пресвитера и пострижен в монашество. Более подробно о нем см. «ЖМП», № 7, 1976. С. 23–24.

водской), живые, прочувствованные проповеди, дух общинности; особые дни молодежных собраний, куда меня приглашали. Старухи у нас гонят, а тут меня приняли прекрасно, хотя я сказал, что православный. У других протестантов (либеральных) я нашел сочетание веры и библейской критики, в котором так нуждался (к слову сказать, за последнее время это сочетание упрочилось в католичестве и у наиболее просвещенных представителей православных)³. Я не был согласен с основными установками «Истории догматов» Гарнака, которую тогда изучал, но находил в ней много ценного. Сегодня католики сделали уже очень много для преодоления стены между ними и протестантами (у нас в этом отношении дела обстоят хуже, хотя Бердяев и проложил первые пути). При всем том я безусловно не мог примириться с тем, что протестанты оторвались от единства Церкви. Ведь иерархический строй (не говоря уж о таинствах) необходим, ибо создает возможность для Церкви быть реальной силой в мире.

Усвоение русской религиозной мысли нового времени столкнулось неожиданно с определенной трудностью. Протоиерей Г. Флоровский, труд которого я прочел в конце студенческого периода, называл все это течение «декадентским»⁴. Он предлагал ориентироваться на митрополита Филарета (Дроздова), считал его чуть ли ни новым отцом Церкви. Но его аргументы в конце концов меня не убедили. Я прочел убийственную характеристику Филарета у историка С. Соловьева⁵, а к тому же сам факт, что митрополит защищал в своем катехизисе крепостное право, телесные наказания и т.п., решил для меня спор.

В жизнеописании доктора Гааза я прочел следующий эпизод. Этот поистине святой человек вступился на невинно осужденных, на что митрополит Филарет заметил: «Невинно осужденных не бывает, раз осуждены, значит виновны». Доктор Гааз тут же нашелся: «Владыко, – сказал он, – вы Христа забыли». Филарет потом признал свою неправоту, но его высказывание характерно... Едва ли такие идеи мог бы высказать Вл. Соловьев или Бердяев. А ведь дерево познается по плоду. Книга Лескова «Соборяне» дает страшную картину положения «филаретовского духовенства», к которой добавить нечего.

³ – В православии до сих пор с трудом приживаются выводы библейской критики, хотя видный русский библеист А.В. Карташов еще в 1944 году выступил с актовой речью в Свято-Сергиевском Богословском институте. Эта речь спустя три года была опубликована отдельной книгой «Ветхозаветная библейская критика» Париж, 1977.

⁴ – Речь идет о книге «Пути русского богословия», которая вышла первым изданием в 1937 году в Париже. Последующие статьи и выступления профессора-протоиерея Георгия Флоровского, особенно в американский период (1947–1979 гг.), свидетельствуют о том, что им были пересмотрены многие взгляды, высказанные в «Пути русского богословия».

⁵ – Речь идет о воспоминаниях С.М. Соловьева «Мои записки для детей моих и если можно и для других». Они были изданы лишь после смерти С.М. Соловьева.

Этот частный вопрос характерен для всей темы: церковность истинная и церковность, обремененная социальными грехами. Скажут: социальное для Церкви – второстепенно. Но на самом деле Судья будет спрашивать нас не о теоретических убеждениях или мистических видениях, а о том, что мы сделали для Его «меньших братьев»⁶. А это неотделимо от «социального». Здесь различие между Вл. Соловьевым и его противниками (в споре о средневековом мирозерцании); архимандритом Феодором Бухаревым и его гонителями (архимандрит Феодор настаивал на том, что православие призвано сказать свое слово в общественной жизни; за это его лишили должности, звания доктора богословия и хотели заточить в монастырь; в знак протеста архимандрит Феодор снял с себя сан)⁷.

Доктор Ф.П.Гааз

Одним словом, конфронтация внутри самих рамок Церкви была для меня не менее важна, чем конфликт веры с атеизмом. Последний был закономерен и предсказан Спасителем. Церкви надлежит быть в утеснении. Впрочем, предсказана и борьба внутри (ср. слова Христовы о волках в овечьих шкурах, слова апостола Павла о «лжебратиях» и т.д.)⁸. В сущности, обличие Господом фарисеев было «внутрицерковной» борьбой, ибо они находились на почетном месте в ветхозаветной Церкви, к которой Христос обращал Свое слово.

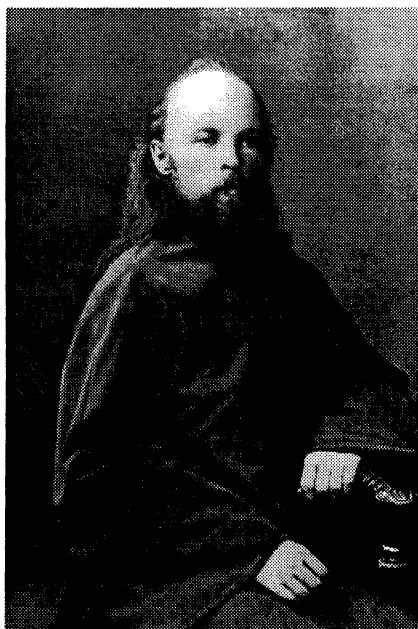
В связи с этим вопросом и готовя материалы к истории Церкви нового времени, я стал собирать материалы по обновленчеству. С детства мне рассказывали о нем одни ужасы. Но меня интересовало: есть ли в этом какое-то ценное зерно. В Сибири нашел письма епископов, относящиеся к периоду раскола, прочел книгу Введенского «Церковь и

⁶ – Мф. 25, 31–46.

⁷ – Более подробно о жизни и судьбе архимандрита Феодора Бухарева (1824–1871), см. протоиерей Георгий Флоровский «Пути русского богословия», а также «Письма архимандрита Феодора (Александра Матвеевича Бухарева) к казанским друзьям». Сергиев Посад, 1917 (это издание было подготовлено и осуществлено священником Павлом Флоренским).

⁸ – 2 Кор. 11, 26.

государство». Все это подтвердило худшие предположения. «Обновления» на грош: одно властолюбие, политиканство, приспособленчество. Но потом во время каникул в Москве встретился с А.Э.Левитиным, и он рассказал много интересного о Введенском⁹. Я понял его не только как зловещую, но и как трагическую фигуру, которая в другое время принесла бы Церкви много пользы. Что же касается его «приспособленчества», то оно уже не могло удивить после того, на что я посмотрелся в наших собственных патриархийных стенах. Здесь все отрицательное – от Введенского, но ничего положительного, что было ему свойственно. Как труды митрополита Филарета не утратили интереса из-за его политических «грехов», так и стенограммы проповедей и диспутов Введенского не должны быть забыты. В них есть немало ценного.

*Священник Алексей Мечев.
10-е годы XX века.*

Когда в 1957 году я занялся книгой о Библии, я отодвинул тему новейшей церковной истории на задний план и впоследствии передал собранные материалы тем, кто этой темой занимался вплотную. Кажется, часть их попала потом в руки Л.Регельсона.

Отход от церковно-исторических вопросов (я остановился в своей рукописи на XV веке) был обусловлен тем, что я отчетливо слышал призыв перейти к делам, имеющим прямое отношение к проповеди веры, к уяснению людям смысла Библии и Евангелия. В те годы Священное Писание стало все чаще попадать в руки людей (в иркутском соборе лежали на прилавке и довольно медленно расходились экземпляры Библии для рядового читателя, даже образованного, не говоря уж о прочих).

В результате получился том (400 машинописных страниц) под названием: «О чем говорит и чему учит Библия». Книга вышла весьма несовершенная, но она стала черновым прототипом и планом для шеститомника «В поисках Пути» и в первую «по времени» – очередь для «Сына Человеческого».

⁹ – Более подробно о священнике Александре Введенском (1888–1946) см. воспоминания А.Э.Краснова-Левитина «Закат обновленчества» в книге «Дела и дни», «Поиски», 1990.

Зимой 1957–58 годов я впервые ясно увидел, что такое «христианский гуманизм» и «христианский Ренессанс», которые противостояли Ренессансу языческому. Это напряжение началось с эпохи Франциска и Данте и завершилось святителем Григорием Паламой, Кватроченто, Рублевым, преподобным Сергием. В отличие от «темных веков» Средневековья (X–XI века), оно заговорило о ценности человека и мира как творений Божиих. Но этот гуманизм не получил внешнего преобладания, а остался полускрытым ручьем под горой языческого гуманизма, создавшего светскую идеологию нового времени. Тем не менее ручей этот никогда не иссякал. И сегодня, я убежден, христиане должны стремиться к развитию его линии. Не повторению, а развитию, как обстоит дело и с патристикой. Собственно, патристика была первым выражением христианского гуманизма. Слова этого я не боюсь. Если «Бог отдал Сына Своего» ради человека, то сама Благая Весть возносит человека на недостижимую высоту, то есть является гуманистической в самом лучшем смысле этого слова.

О соотношении национального и религиозного я задумывался мало и осознал его внезапно, беседуя однажды со старообрядческим начетчиком в глухой забайкальской деревне. Он сказал мне, что «за Удой лучше поют и служба лучше» (то есть в православной церкви). Я спросил: «Что же вы туда не ходите?» – «Нет, – сказал он, – в какой вере родился, в такой и умри». – Ну, а что было бы, – спросил я его, – если бы князь Владимир, крестивший Русь, рассуждал бы так? Вы бы и до сих пор поклонялись Перуну».

Собственно в этом риторическом вопросе содержался ответ на все случаи. Греки, сирийцы, эфиопы, римляне, египтяне, русские, болгары и все другие народы, – если бы они ставили национальную традицию выше веры, то они бы никогда не приняли христианства, а язычники Востока до сих пор поклонялись бы вместо единого Бога ислама – своим идолам. Все это, впрочем, никак не может быть аргументом против национальной оболочки и стиля той или иной религиозной общины и церкви. Нация – это характер, индивидуальное лицо этнического коллектива. Вне ее невозможна ни культура, ни Церковь – как они не существуют для «человека» вообще. Основа всего – диалектика апостола Павла: с одной стороны, он иудей и сознает себя причастным своему народу, а с другой, говорит, что нет ни мужского пола, ни женского. Значит ли это, что он отрицает существование полов? Он просто указывает на иерархию в духовной жизни. В проявлениях, в земном, во внешнем, в «природном» есть и эллин и иудей, есть и мужчина и женщина. Но в глубине (как теперь говорят, в сфере экзистенциального), во встрече со Христом все это отступает на задний план¹⁰. Аналогия

¹⁰ – Вскоре после празднования 1000-летия Крещения Руси, митрополит Ювеналий (Поярков) вызвал отца Александра и попросил подготовить богословский доклад на тему о феномене женского священства, который все чаще стал встречаться в Протестантских Церквях. Священный Синод Русской Православной Церкви решил высказаться по поводу этого явления. Митрополит Ювеналий был изумлен, когда отец Александр, ссылаясь именно на эти строки апостола Павла из Послания к Галатам (Гал. 3, 27–28), заявил, что протестанты в данном случае строго следуют духу и букве Священного Писания.

искусство. Оно, как правило, есть проявление национальной культуры, но на своих высотах доступно всем векам и народам. Наименее национальна наука, потому что она безлична, как бы «внечеловечна».

Я отвлекся на все эти рассуждения лишь потому, что подобные мысли занимали меня все то время и не потеряли актуальности и сейчас. Я жил ими всецело, но это не мешало мне оставаться в гуще жизни, работать, учиться, интенсивно общаться с людьми, с которыми меня связывали общие дела, интересы (научные и бытовые), я совсем не выглядел отчужденным. И пожалуй, считал бы такую «пользу» ложью, доказательством тому, что христианство «не имеет отношения к жизни».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 9

ДЕЛО ЦЕРКВИ – ДЕЛО БОЖИЕ¹ **(Беседы с отцом Александром Менем)**

Со дня гибели протоиерея Александра Менья прошло пять лет. Уже изданы три монографии о его жизни и два сборника воспоминаний о нем, переизданы в России его труды, вышедшие за рубежом при его жизни под общим заглавием «В поисках пути, истины и жизни»² До сих пор не опубликован фундаментальный семитомный «Словарь по библиологии», монографии «Как читать Библию» и «Опыт изложения основ ветхозаветной исагогики в свете работ библейско-исторической школы и новейших исследований»³. В начале 1993 года в издательстве «Искусство» вышел сборник статей отца Александра «Культура и духовное восхождение»⁴. Появление этого сборника предшествовало выходу другого сборника «Трудный путь к диалогу» (издательство «Радуга», 1992), составленного самим отцом Александром и почти повторяющего по составу первый сборник.

¹ – Впервые опубликовано в журнале «Путь», № 4, 1993.

² – «Истоки религии», «Магизм и единобожие», «Дионис. Логос. Судьба», «У врат молчания», «Пророки», «На пороге Нового Завета» переизданы в Москве издательством «Слово», 1991-1993; «Сын человеческий» переиздавался неоднократно на протяжении 1991-1993 годов; издательствами «Вита» и «Протестант» (два издания), журналом «Смена» (под одной обложкой с пересказом Е. Тур романа «Фабиола»), издательством «Postscriptum» и, наконец, издательством «Слово».

³ – А. Мень, протоиерей. Опыт изложения основ ветхозаветной исагогики в свете работ русской библейско-исторической школы и новейших исследований. Машинопись. Загорск, 1983, в двух томах: т. I (V + 290 с.); т. II (262 с.). Приложение →

И все-таки, несмотря на то, что большинство его трудов остаются неопубликованными, уже слышатся оценки, объявляющие отца Александра в лучшем случае апологетом, но отнюдь не богословом. Причем это говорят не случайные люди, а достаточно хорошо лично знавшие его, изучавшие его книги. Российский католик, доктор философских наук Юлий Шрейдер пишет: «И тем не менее, я не могу назвать отца Александра богословом в полном смысле, поскольку, мне кажется, не это было его доминантой. Он учил читать Священное Писание, он помогал людям войти в контекст религии, в духовную сферу христианства, но не создавал, как мне кажется, своих богословских концепций... Отец Сергей (Желудков. – С.Б.) был в большей степени богослов, чем отец Александр, он думал об обновлении Церкви, об обновлении христианства, о привнесении в него новых идей и об усилении влияния христианства на культуру в целом»⁵. Ему вторит С.С.Аверинцев: «Воздавая должное его книгам, решимся сказать: то, в каких условия это было написано, больше самих книг»⁶. Еще более странно звучит утверждение Н.А.Струве в этом же сборнике воспоминаний: «Быть может, в некоторых высказываниях иной раз отец Александр и переступал грань догматически дозволенного»⁷.) Известно, что в Православии, в отличие от католицизма, существует большая свобода богословских мнений. Как тогда понимать формулу «догматически дозволенного»? Возникает вопрос – неужели в Православии вновь появилась духовная цензура, которая определяет, что «догматически дозволено», а что нет?

Это отзывы людей, которые относились и к отцу Александру, и к его работам с большим уважением. Ю.Шрейдер еще в годы «застоя» опубликовал в Париже, в «Вестнике русского христианского движения» две благожелательные рецензии на книги отца Александра. Анонимные доносы, которые появлялись еще при жизни отца Александра, не позволяют опускаться до полемики с ними (хотя

ния: 1. Атлас фотографий. 2. Атлас цветных слайдов. Этот труд отец Александр создавал и как возможный учебник и как диссертацию на соискание степени доктора богословия. Он был отвергнут Московской духовной академией. Говоря о его цели, отец Александр писал: «В предлагаемой работе сведены в систему итоги трудов русской исагогической школы. Поскольку критический их анализ возможен только после суммарного их изложения, составитель ограничился в основном объективной реконструкцией всей системы, материалы которой рассеяны по многочисленным статьям, докладам и монографиям».

– Даже партийная цензура в застойные времена не сумела бы так «обкорнать» его статьи, как это сделали составители. Также фондом имени Александра Меня в 1995 году выпущен солидный том «Мировая духовная культура. Христианство. Церковь», в который вошли лекции, прочитанные в течение трех лет – с 1988 по 1990 год. К сожалению, в этом томе огромное количество опечаток. Подготовка публикаций осуществлена поспешно и непрофессионально.

⁵ – Ю. Шрейдер Слово об отце Александре Мене. «Горизонт», 1990, № 11, с. 60.

⁶ – С.С. Аверинцев. Миссионер для племени интеллигентов. В сборнике: «И было утро (Воспоминания об отце Александре Мене)». М., «Вита-центр», 1992. С. 328.

один из них – датированный 1976 годом – заслуживает внимания⁸. Однако совсем недавно в прессе появились еще две статьи, доводящие до логического завершения положения, высказанные С.С.Аверинцевым⁹. Но сам феномен полемики свидетельствует о том, что книги и мысли отца Александра по-прежнему волнуют современников. Важно, чтобы его книги все же были изданы в России. И только в этом случае полемика вокруг его наследия может стать плодотворной¹⁰.

Миссионерская деятельность отца Александра, на наш взгляд, не мешала ему плодотворно развивать оригинальные богословские взгляды, хотя он, в отличие, скажем, от отца Сергия Булгакова, не оставил некоей целостной богословской системы. Основная ценность его богословия заключается в попытке осуществить синтез современной науки и христианского мировоззрения. В 1957 году Карл Юнг отмечал: «Разделение веры и знания – симптом раздвоения сознания, характерный для расстроенного духа нового времени. Дело выглядит так, будто два различных лица говорят об одном и том же, но с двух индивидуально различных точек зрения, как будто одно и то же лицо, но в двух различных состояниях духа рисует картину своего опыта. Если представить себе на месте такого лица современное общество, то окажется, что оно страдает духовной диссоциацией, т.е. одним из видов нервного расстройства»¹¹. Особая миссия отца Александра заключалась, по нашему мнению, в том, чтобы на путях синтеза преодолеть это трагическое раздвоение. И в семитомнике под общим названием «В поисках пути, истины и жизни» он не только успешно преодолевает это раздвоение, но и попутно рассматривает ключевые проблемы человеческого бытия: творение мира, грехопадение, происхождение зла.

На Западе протоиерей Александр Мень был признан как богослов еще в семидесятые годы. Об этом признании свидетельствует

7 – Там же, с. 341.

8 – Подробный анализ этого документа дан в статье «Кто направлял убийство» («Совершенно секретно», 1992, № 1, с. 10–11). См. приложение № 11.

9 – Одна из них «Победа и поражение» («Независимая газета», 25.02.1993) принадлежит перу С.Лезова, вторая «Сомнительное православие отца» (там же, 18.03.1993) написана диаконом А.Кураевым. Авторы обеих статей даже не пытаются доказывать «ложность» каких-либо положений или взглядов отца Александра. Суть полемики сводится к тому, что книги Александра Менья – феномен прошлого, совершенно не нужный сегодня. Диякон Андрей Кураев пытается развернуть сомнительный тезис Н.А.Струве о «догматически дозволенном». Достаточно убедительно ему отвечает в этом же номере «Независимой газеты» игумен Иннокентий Павлов в статье «Пальцем в небо».

10 – Наряду с комиссией по литературному и богословскому наследию отца Александра, возглавляемой митрополитом Крутицким и Коломенским Ювением (секретарь – Е.Ю.Гениева), в 1991 году создан фонд имени отца Александра Менья, а также общество «Культурное возрождение», которое ставит целью ознакомить широкий круг читателей с произведениями отца Александра.

то обстоятельство, что он был приглашен участвовать в подготовке комментариев к так называемой «Брюссельской Библии»¹². В этом издании ему принадлежат комментарии к Пятикнижию и Пророкам. После завершения этой работы им были написаны Комментарии к Новому Завету, которые также изданы на русском языке в Брюсселе с предисловием академика Даниэля Ропса¹³. В своих богословских работах, подобно Владимиру Соловьеву, которого он считал своим учителем, отец Александр исходил из насущных духовных потребностей своих современников, которые он прекрасно знал как пастырь. В своих книгах он предлагает решение ключевых проблем человеческого бытия, опираясь на данные науки и вдохновляясь Священным Писанием. Он убедительно показывает, что между ними нет противоречия, что достижения науки чаще всего помогают нам глубже понять ту или иную библейскую проблему.

Отец Александр был глубоко образованным человеком. Он не был чрезмерно догматичен¹⁴, живо интересовался последними достижениями науки, философии и литературы. Он страстно любил кинематограф и как-то признался, что если бы не выбрал еще с детских лет священства, то посвятил бы жизнь кино. Живость и видимая доступность его книг порой создают иллюзию, что это – лишь культуртрегерство. Но это заблуждение. Легкость его стиля – результат многотрудных усилий. Он любил повторять слова Гоголя, что если книга не переписана десять раз – она не становится художественным произведением. Действительно, каждая книга его семитомника насчитывает не менее десяти редакций. К сожалению, его труды все еще не осмыслены в России. Публикуемое интервью (а создавалось оно на протяжении целого года), надеюсь, поможет глубже понять не только истоки формирования мировоззрения, но и оригинальные взгляды видного русского богослова.

Вкратце история возникновения этого текста такова: осенью 1982 года, когда андроповские гонения на Церковь непосредственно коснулись Новодеревенского прихода, я обратился к отцу Александру с несколькими вопросами. Он живо откликнулся, хотя в ответах был предельно краток. Я понимал, что приближающиеся гонения могут разлучить нас, поэтому тщательно «хоронил» тексты. Наши беседы продолжались немногим более года, вплоть до января 1984 года. Когда я что-то недопонимал в его ответах, то задавал дополнительные вопросы. После убийства отца Александра несколько отрывков были опубликованы

11 – К. Юнг. Современность и будущее. Минск, 1992. С. 40.

12 – Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1973, изд. «Жизнь с Богом».

13 – Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа и Псалтырь. Синодальный перевод с комментариями и приложениями, 1985. В этом издании по просьбе отца Александра не указано издательство и место издания, поскольку при обысках в начале 80-х годов изымались зарубежные издания даже Священного Писания. Эта книга выпущена также в Брюсселе издательством «Жизнь с Богом».

в периодической печати¹⁵. Полностью интервью публикуется впервые. Готовя его к изданию, я не считал себя вправе как-либо редактировать ответы отца Александра. Единственное – развернуты аббревиатуры, а также сокращения, которыми он пользовался. Поскольку объем интервью весьма значителен, то пришлось разбить его на три тематические части. Кое-что я убрал из своих вопросов. К примеру, спрашивая его об отпавших прихожанах, я называл конкретные имена людей. Именно поэтому я не считал возможным, чтобы они звучали в тексте. Некоторые имена, упоминаемые отцом Александром, многим неизвестны, поэтому понадобились дополнительные комментарии.

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

– Отец Александр, если возможно, расскажите немного о себе, о наставниках, о формировании Вашего мировоззрения...

– На одни Ваши вопросы ответить просто, а на другие – достаточно трудно (из-за их объема и неоднозначности возможных ответов). Постараюсь быть кратким: родился 22 января 1935 года в Москве, напротив церкви преподобного Симеона (на Новом Арбате). Кстати, это был день памяти расстрела 9 января и рождения Павла Флоренского. Родился в семье главного инженера текстильной фабрики.

– Пожалуйста, несколько слов о школьных годах...

– Я учился в 554-й Московской мужской школе (напротив Плехановского института). Воспоминания о школе (1943–1953) довольно мрачные. Из учителей с благодарностью вспоминаю двух-трех человек. Помню Тарковского и Вознесенского, которые учились на класс старше. Младше меня был священник Александр Борисов¹⁶. После окончания школы поступил в Московский Пушно-меховой институт в 1953 году.

Почему избрали именно этот институт?

Выбор был продиктован любовью к биологии, но уже тогда давно было принято решение о церковном служении. Поступил сначала на заочный, но со 2-го семестра перевели на очный. Учился с увлечением, обстановка была очень хорошей. Большинство товарищей – энтузиасты дела. (Дружбы не потеряли и сейчас, почти 30 лет спустя.) В 1955 году наш факультет перевели в Иркутский сельскохозяй-

14 – Люди, знавшие отца Александра, поражались его открытости, готовности выслушать любое мнение. Это не означало, что он готов был всегда соглашаться с собеседником. Он вел диалог с представителями иных религий и конфессий, внимательно следил за различными духовными, а также оккультными течениями, оставаясь верным Православной Церкви.

15 – «Сын человеческий». «Московский комсомолец», 16.09.90; «Дело Церкви – дело Божие». «Московский комсомолец», 18.10.90; «Подстава?», «Совершенно секретно», № 9, сентябрь 1992 года.

16 – Речь идет о кинорежиссере Андрее Тарковском и поэте Андрее Вознесенском. В одном классе с младшим братом А. Меня учился священник Александр Борисов, ныне настоятель храма Косьмы и Дамиана в Москве, также биолог, духовный сын протоиерея Александра Меня.

С.М. Батюков. Конец 10-х годов

ственный институт. Студенты знали о моей вере и относились прекрасно.

– Расскажите о формировании мировоззрения – какие испытали влияния, сомнения?

– Основы веры были заложены и выражены в семье: матерью, теткой и их друзьями – духовными детьми архимандрита Серафима (Батюкова)¹⁷ и «маросейскими»¹⁸. В доме Бориса Александровича Васильева¹⁹ в 40-х годах посещал уроки Закона Божия для детей и семинары взрослых по Новому Завету. Тогда же (в 1947–48 годах) принял решение стать священником. Познакомился с инспектором Московской Духовной Академии А.В. Ведерниковым²⁰, который советовал учиться дальше. Тогда же под влиянием Бориса Александровича начал работать над «Библейской историей», которая

привела к изучению Древнего Востока. Занимался живописью. В школьные годы и в начале института основательно изучил толстовство и теософию. Они вызвали резко отрицательную реакцию.

¹⁷ – Архимандрит Серафим, в миру Сергей Михайлович Батюков (1880–1942), один из руководителей «катакомбной» общины, в которой крестились мать отца Александра, его тетка и он сам. Подробнее об архимандрите Серафиме см.: «Катакомбы». «Московский комсомолец», 5 июня 1991 года, а также сборник воспоминаний «И было утро». М., 1992. С. 118–124.

¹⁸ – «Маросейские» прихожане храма Святителя Николая на Маросейке, где служили священники Алексей и Сергей Мечевы. См. прим. 30 и 35.

¹⁹ – Борис Александрович Васильев, ученый-антрополог (1899–1976), один из прихожан «мечевского» прихода, тайно принявший священство в 30-е годы, был наставником, а затем духовником отца Александра. Подробнее о нем см.: «Мечевская община». «Московский комсомолец», 27 ноября 1991 года, а также его книгу «Духовный путь Пушкина». М., 1994.

²⁰ – Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992), один из наиболее деятельных мирян. В 20-е годы окончил Институт слова, основанный Н.А. Бердяевым. После Отечественной войны – инспектор Московской духовной академии, а затем в 50-х – начале 60-х годов ответственный секретарь «Журнала Московской Патриархии». В 70–80-е годы был референтом митрополита Алексия, нынешнего Патриарха.

К 10 классу прошел самостоятельный курс семинарии. Много читал творения Святых Отцов и о них (Златоуст, Василий Великий, Григорий Богослов, блаженный Августин, а также Добротолубие и труды Феофана Затворника). С 50-х годов познакомился с трудами Владимира Соловьева, и с тех пор он стал моим учителем (хотя в начале были влияния Хомякова, которого много читал). Соловьев соединил во мне веру и наследие Святых Отцов с философским мышлением. В 50-х годах много читал старых философов: Спинозу, Декарта, Лейбница. Все богословские интересы вращались вокруг апологетики. На 1 курсе прочел «Столп» Флоренского²¹ и был им восхищен. Тогда же задумал очерк общей истории Церкви: «Исторические пути христианства» (первую часть – «Древняя Церковь» закончил в 1956 году; а вторую – «Средние века» – в 1957 году).

В процессе изучения истории Церкви целиком перешел на экуменические позиции (Единство Церкви). В институтский период сблизился на этой почве с Николаем Евграфовичем Пестовым²², посещал костел, баптистские собрания. В 1959 году (уже после рукоположения) набросал первый эскиз экуменической идеи, как я ее понимал. Познакомившись с современным католичеством, убедился в его огромных преимуществах, но никогда не помышлял об отходе от Православия, считая Церковь единой. Историю Церкви излагал в ключе различия истинного евангельского христианства и языческих наслоений на него. Эта тема всегда особенно волновала (часто с этим сталкивался). Считал всегда, что мракобесие есть позор для христиан.

В 40-х годах часто жил в Загорске у схимонахини Марии²³. Навсегда запечатлелся ее облик: веселый, пасхальный, чуждый ханжества и мрачности. Постоянно бывал в Лавре, тесно общался с монахами. Но это не вызывало во мне ни малейшего желания идти этим путем. Из богословов больше всего обязан русской религиозной мысли: кроме В.Соловьева, Бердяева, Лосскому, Флоренскому, С.Булгакову (раннему) и Франку. Очень ценил С.Трубецкого. Из западных особенно важны были для меня К.Даусон и Гарнак (хотя его взгляды в целом не разделял). Никогда не разделял утопических и апокалиптических идей В.Соловьева.

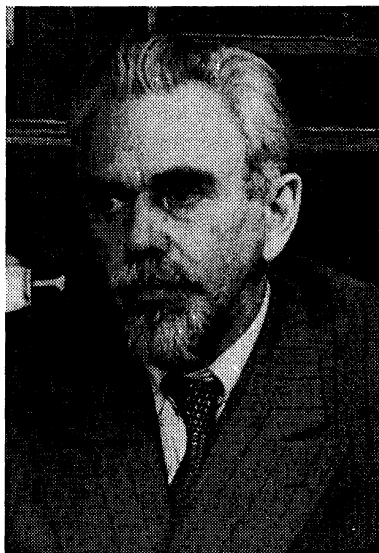
21 – Речь идет о книге священника Павла Флоренского «Столп и утверждение истины» (М., 1914).

22 – Николай Евграфович Пестов (1892–1982), доктор химических наук. В начале 20-х годов, вернувшись с фронта, под влиянием известного христианского проповедника В.Ф.Марцинковского пережил обращение. В 1952 г. после увольнения на пенсию целиком отдается христианской апологетике и воспитанию детей в христианском духе. Им созданы десять небольших книг под общим названием «Пути к совершенной радости». Некролог о нем см. ВРХСД № 135. В 1994–1995 годах Санкт-Петербургским издательством «Сатис» изданы в 3-х томах работы Н.Е.Пестова под общим заглавием «Современная практика православного благочестия.»

23 – Схимонахиня Мария (1879–1961) принадлежала к «катакомбной» церкви. Проживала неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. Руководила небольшим женским монастырем. В этом доме в послевоенные годы в летний период часто жил А.В.Мень.

*Т.И.Куприянова.
Начало 50-х годов.*

*Б.А.Васильев.
Конец 60-х годов.*

Свадьба Т.И.Куприяновой и Б.А.Васильева в г. Шенкурске, куда был сослан Б.А.Васильев. 1932.

В 1961 году познакомился с трудами Тейяра де Шардена. Нашел в нем родную душу. В церковно-исторической сфере учителями были: Болотов, Гарнак, Дюшен. Из новых философов – Джеймс, Бергсон. Еще лет в 12 прочел полные Жития и тогда же понял, что сейчас нужно иное изложение. Особенно волновали меня проблемы евангельской истории. Первый набросок «Сына человеческого» был написан уже в 1959 году. В Иркутске еженедельно занимался в общей библиотеке, где доводил свое образование до нужной мне полноты. Прошел почти весь курс Духовной Академии. Рассчитывал, что поступлю туда после отработки трех лет. Об этом была договоренность с инспектором-архимандритом Леонидом (Поляковым)²⁴.

Как сложились обстоятельства на последнем курсе?

В Иркутске жил на частной квартире с Глебом Якуниным²⁵ вдвоем. (Знаком был еще по Москве, по институту.) Параллельно с учебой работал в епархиальном управлении (истопником). Это стало известно. Был отчислен в мае 1958 года, когда уже сдал первый госэкзамен. Три года необходимой отработки отпали. Через месяц был рукоположен (был представлен А.В.Ведерниковым митрополиту Николаю (Ярушевичу), и он, спросив меня, люблю ли я свою профессию, и получив утвердительный ответ, благословил рукоположение). Был посвящен в дьяконы 1 июня 1958 года на Троицу в храме Ризоположения преосвященным Макарием Можайским (без экзамена) и направлен в приход села Акулово (под Одинцово).

– Как проходили первые годы служения?

– Тогда же поступил в семинарию, она мне мало что дала (окончил Ленинградскую Духовную семинарию в 1960 году). Служил со священником-уставщиком. Это был хороший урок. Убедился, что часто

²⁴ – Архимандрит Леонид, в миру Лев Львович Поляков (1913–1990). В 1939 году окончил химический факультет Ленинградского педиатрического института. По образованию врач-терапевт, во время Отечественной войны работал в госпитале. Рукоположен celibатом в 1949 году. В начале 60-х годов, будучи епископом Курским и Белгородским, вместе с восемью епископами подписал письмо на имя Патриарха Алексия I о необходимости церковных реформ, составленное по инициативе архиепископа Гермогена (Голубева). С 1966 года сначала архиепископ, затем митрополит Рижский и Латвийский. Был одним из наиболее просвещенных православных епископов, доктор церковной истории (1964). Будучи викарием епископом Московской епархии – Можайским (1962–1963), рукополагал во иерейский сан Глеба Якунина.

²⁵ – Священник Глеб Якунин (р. 1934), депутат Верховного Совета России и 5-ой Государственной Думы. В начале 50-х, во время учебы в Пушно-Меховом институте, увлекался теософией, был далек от Церкви, хотя рос в глубоко религиозной православной семье. В иркутский период не без влияния А.Меня пересмотрел свои увлечения и вернулся в лоно Православной Церкви. Учился в Пушно-Меховом институте курсом младше А.Меня. Поскольку руководству института стало известно, что после отчисления А.Мень был рукоположен во диаконы, Г.Якунину, несмотря на то, что руководство института знало о его христианских убеждениях, предоставили возможность сдать госэкзамены и получить диплом. Это обстоятельство значительно осложнило его путь к священству.

*Лев Регельсон и отец Глеб Якунин. Лето 1975 года.
Фото С.Бычкова.*

«типиконство»²⁶ соседствует с помраченным нравственным сознанием и узостью (такова была вся обстановка в храме). Духовником в студенческие годы был Н.А.Голубцов²⁷. Человек мудрый, светлый и открытый. Сам из биологов. Он и благословил меня в 1960 года подать прошение о принятии сана священника. Рукоположен в 1960 году 1 сентября в Донском монастыре епископом Стефаном (Никитиным) из «маросейских». Отец Николай очень много мне дал, и я не терял с ним связи до самой его смерти (1963). Он мне говорил: с интеллигенцией больше всего намучаешься (это он знал из своего опыта). Но он был именно пастырем этого духовно-заброшенного сословия и мне

²⁶ – «Типиконщики» – так архиепископ Иларион (Троицкий) называл священнослужителей, ревностных последователей «Типикона», устава Русской Православной Церкви.

²⁷ – Священник Николай Александрович Голубцов (1900–1963) родился в семье известного церковного историка А.П.Голубцова. Окончил в 1949 году Тимирязевскую сельскохозяйственную академию, 25 лет трудился по специальности. В 1949 году был рукоположен во иереи. С этого времени и до конца жизни служил в храме Ризоположения и в малом соборе Донского монастыря. В своих воспоминаниях о нем С.И.Фудель писал: «Основное, что осталось во мне от отца Николая Голубцова и что особенно мне в нем дорого, это то, что он несомненно имел «власть ключей». Это может показаться даже удивительным: был такой простой, такой «обыденный», не «иконописный» и в священстве точно продолжающий свою простую мирскую профессию агронома. Но все дело в том, что за этой внешней простотой лежал большой церковный подвиг. Священство свое он нес как служение людям для приведения их к Богу, к Церкви». См.: «Пастырь

это завещал. Он руководствовался принципом свободы. Никогда не проявлял узости. Его биография опубликована в «Журнале Московской патриархии» в 1963 году. Остальное вам сказал. Главное: он был не жрецом, но пастырем. Это был для меня идеал (в свете воспоминаний моих близких о духовном руководстве и влиянии архимандрита Серафима Батюкова). После него исповедовался у Бориса Александровича Васильева. В Акуловский период много занимался катехизацией (было много крещаемых в церкви). Написал первый вариант «Сына человеческого», уже похожий на то, что теперь, а также ряд статей.

– После рукоположения в каком приходе вы служили?

– В Алабино был назначен сначала вторым священником, а через год – настоятелем. Провел ремонт, с местными властями отношения были хорошие. Даже помогал им в хозяйственных вопросах. Основные, почти ежедневные, требы проходили в Наро-Фоминске (была церковная машина). Жил при приходе (женился я еще в институте). Посещаемость была хорошая. Появились первые помощники, молодые. Некоторые остались и по сей день. Дружил со многими молодыми священниками. И с теми, кто потом был рукоположен.

– Там Вы прослужили четыре года. Что произошло?

– Из-за Льва Лебедева²⁸ едва не попал под суд. Но чудом Божиим избежал его (отделался фельетоном в «Ленинском знамени»²⁹. Все было неосновательно. Переведен в Тарасовку на Успение в 1964 году (еще до падения Хрущева).

Начало Вашей творческой деятельности когда появились первые работы?

– Писать начал еще в детстве. Как уже отмечал, богословские темы стали основными с 1947 года. Первая публикация в марте 1959 года в «Журнале Московской Патриархии». С тех пор напечатал около 40 статей (в том числе в демократических странах). В 1960 году начала писать «Историю религии» – в качестве введения в историю Церкви. В Алабине были написаны «Истоки религии», «Магизм и еди-

добрый (воспоминания об отце Николае Голубцове)». «Ленинское знамя», 12 марта 1991 года, а также некролог в «Журнале Московской Патриархии», № 10, 1963. с. 22–23. См. также О.Н.Вышеславцева «Пастырь во время безбожия», «Сатис», 1994.

²⁸ – Лев Лебедев, по образованию историк, окончил МГУ, в 60-е годы алтарник в Алабино, где служил отец Александр Мень. Попал в Алабино по рекомендации В.В.Фонченкова, вскоре принявшего сан священника. Во второй половине 60-х годов Лев Лебедев был рукоположен во иерейский сан епископом Саратовским и Волгоградским Пименом. Некоторое время работал в Издательском Отделе Московской Патриархии, затем обосновался в Курске. В конце 80-х годов перешел в юрисдикцию Зарубежной Православной Церкви. Подробнее о конфликте в Алабино см. статью «Безумие креста» («Вечерняя Москва» от 9 сентября 1992 года), а также Приложение № 5.

²⁹ – 27 июля 1964 года в газете «Ленинское знамя» был опубликован фельетон Ивана Малыгина «Фальшивый крест», послуживший основанием для возбуждения против отца Александра уголовного дела, которое курировал генеральный прокурор СССР. Подробнее см. вышеупомянутую статью «Безумие креста».

нобожие», «У врат молчания». Еще один вариант «Сына человеческого». В Тарасовский период: «Дионис. Логос. Судьба», и полностью переработал первые три тома, а также: «Небо на земле» и «Откуда произошло все это?»³⁰. С 1964 по 1968 год учился в Московской духовной академии. Кандидатская была посвящена монотеизму и дохристианским религиям (взял из своей работы)³¹. Здесь, в МДА, особенно были важны личные контакты (со студентами и протоиереями Ветелевым³², Старокадомским³³ и др.).

Как складывалось Ваше служение в Тарасовке?

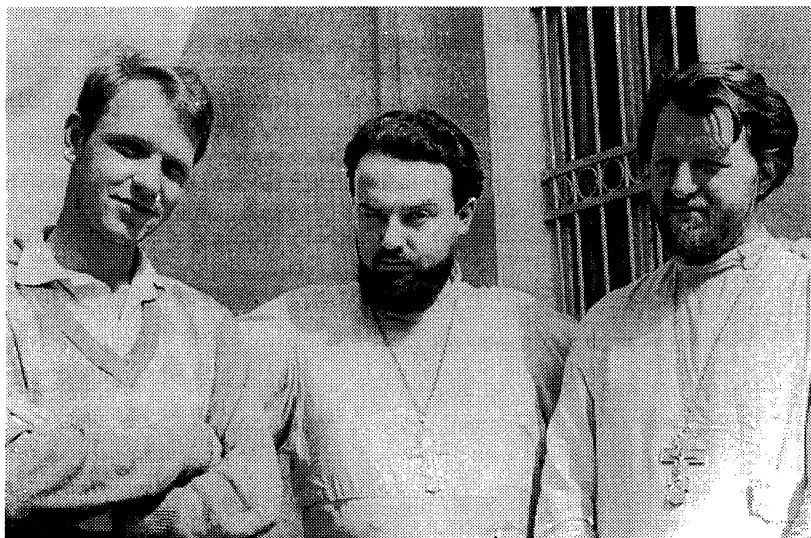
В Тарасовке было много служб и не было помещения. Но народа московского сильно поприбавилось. Беседовал и общался по дороге и в Москве. Потом и дома. Настоятель отец Серафим Голубцов, известный своими доносами, написал на меня рапорт, и

30 – Отец Александр перечисляет свои книги из серии «В поисках пути, истины и жизни»: 1. «Истоки религии». Брюссель, изд. «Жизнь с Богом», 1970; 2. «Магизм и единобожие». Брюссель, 1971; 3. «У врат молчания». Брюссель, 1971; 4. «Дионис. Логос. Судьба». Брюссель, 1972 (под псевдонимом «Эммануил Светлов»); 5. «Сын Человеческий». Брюссель, 1969 (под псевдонимом «А.Боголюбов»); 6. «Небо на земле», Брюссель, 1969 (без указания автора, второе издание – там же – 1980); 7. «Откуда явилось все это?» Неаполь, 1972 (под псевдонимом «А.Павлов»).

31 – Кандидатская диссертация священника Александра Меня называлась: «Элементы монотеизма в дохристианских религиях и философии». Загорск, 1968, с. 223.

32 – Профессор-протоиерей Александр Андреевич Ветелев (1892–1976). Родился в семье диакона, в 1907 году окончил Нижегородское духовное училище. В 1913 году на казенный счет был направлен в Казанскую духовную академию на словесно-философское отделение, которое закончил в 1917 году. За сочинение «Н.И.Новиков (жизнь и мировоззрение)» был удостоен степени кандидата богословия. После службы в Черноморском флоте (в 1917–1918 годах) окончил Высший социально-юридический институт в Севастополе. До 1945 года работал в системе Народного образования. В марте 1946 года был рукоположен сначала во диаконы, а затем во иерейский сан святейшим патриархом Алексием I. В 1967 году получил степень доктора богословия за труд «Пастырская душепопечительность в пастырском служении и в духовном возрастании пастыря». Подробнее см. некролог в «Журнале Московской патриархии», № 10 за 1976. С. 30–32. Там же см. список работ отца Александра Ветелева.

33 – Профессор Михаил Агафангелович Старокадомский (1889–1973). Родился в селе Устье Пензенской губернии, в семье священника. В 1910 году окончил Екатеринославскую духовную семинарию, а в 1914 году Киевскую духовную академию. В 1942 году заочно закончил географический факультет Московского педагогического института, а в 1948 году защитил кандидатскую диссертацию. С 1952 года трудился в редакции «Журнала Московской Патриархии». С 1957 года – преподаватель Московской духовной академии по кафедре патрологии. В 1962 году заочно закончил диссертацию на тему «Вера и разум как пути богопознания по творениям церковных писателей первых трех веков христианства». Был удостоен степени магистра богословия и звания профессора. В течение многих лет был членом Российского Палестинского общества АН СССР. Подробнее о нем см. некролог в «Журнале Московской Патриархии» № 11, 1973, с. 25-27. Здесь же опубликован список его трудов.

Алабино. Начало 60-х. Слева – Евгений Барабанов, справа – отец Сергей Хохлов. Фото В.Андреева.

я попросил митрополита Пимена (позже Патриарха Московского и всея Руси) перевести меня от него. Встретил полное понимание. Явный уход не удался, из-за народа и протестов. Пришлось уходить тайком. Поменялся со священником Новой Деревни, куда давно стремился³⁴.

За этот период оформились окончательно основные методы и принципы работы. Цель: создавать предпосылки для образа жизни, мысли и устоев христиан XX века, без староверства. Тогда же, в связи с литературной работой, расширились связи с учеными и писателями. В Новой Деревне завершил «Пророков»³⁵ и шестой том³⁶, а

³⁴ – Настоятелем в Сретенском храме, что в Новой Деревне близ г. Пушкино, был Григорий Александрович Крыжановский (1890–1977). Основная часть его жизни прошла на Западной Украине. В 1925 году епископом Пражским Савватием он был рукоположен во иерейский сан и до 1929 года служил в Чехословакии. В годы Второй мировой войны в офицерском звании участвовал в борьбе с фашизмом. С 1940 по 1950 год служил в Сербии, а с 1950 по 1962 год – в Тиране в Албании. После разрыва в 1962 году дипломатических отношений с Албанией отец Григорий вернулся в Россию и был назначен настоятелем в Сретенский храм. К отцу Александру относился с глубоким уважением и предоставлял ему полную свободу действий. Переход отца Александра в Сретенский храм Новой Деревни произошел в 1970 году. Об отце Григории Крыжановском подробнее см. «Журнал Московской Патриархии» № 9, 1978, с. 18.

³⁵ – Имеется в виду пятый том из серии «В поисках пути, истины и жизни», «Вестники Царства Божия» (Брюссель, изд. «Жизнь с Богом», 1972). →

также создал новые варианты «Сына человеческого», «Истоков религии» и «Неба на земле»³⁷. Написал толкования к Новому Завету и краткие комментарии к Ветхому Завету³⁸. Статьи появлялись уже только в «Штимме»³⁹ (последняя в «ЖМП» в 1966 г.). Еще в Тарасовке, достаточно неожиданно для меня, вышел «Сын человеческий» (1-е издание, а вскоре и 2-е издание в Брюсселе)⁴⁰.

Целью общения считал необходимость создания «среды», в которой верующие чувствовали бы себя свободно. Действовал методом естественного отбора. Когда нужные отобрались, прекратил встречи дома (около 1967 года)⁴¹.

Чем Вы объясняете обострение отношений с властями и иерархией?

С местными властями обычно жил мирно. Временами до меня доходили сведения, что за мной следят. Но прямых столкновений не было. Было два обыска по случайным поводам. Одиозным стал лишь после письма священников Н.Эшлимана и Г.Якунина⁴². Существовал миф, что я автор письма. Потом прибавились и западные публикации. Но в них не было ничего политического. Я вообще считал политику вещью преходящей, а работать хотел в сфере непреходящего. Бывали статьи против меня (идеологические в «Науке и религии»), иногда имя мое мелькало в период гонений, но и все.

На вопрос архиепископа Киприана (Зернова)⁴³, в целом хорошо ко мне относившегося, не диссидент ли я, – ответил: «Нет. Считаю себя полезным человеком общества, которое, как и всякое другое,

36 – Имеется в виду шестой том «На пороге Нового Завета» (Брюссель, 1983). По вине издательства в этом томе утрачено около десяти страниц, посвященных богословской проблеме Софии Премудрости Божией.

37 – Речь идет о седьмом томе – «Сын человеческий», третье издание (Брюссель, 1983); а также «Истоки религии», издание второе, переработанное (Брюссель, 1981). Имеется в виду книга о богослужении – «Небо на земле». Значительно переработанная, она получила новое название: «Таинство, слово и образ» (Брюссель, 1980).

38 – Комментарии отца Александра к Пятикнижию и Пророческим книгам вошли в так называемую «Брюссельскую Библию» (Брюссель, 1973). Комментарии к Новому Завету вошли в издание 1985 года Нового Завета карманного формата, осуществленное также в Брюсселе издательством «Жизнь с Богом». Впоследствии, по настоятельной просьбе отца Александра, издательство «Жизнь с Богом» опубликовало «Ключ к пониманию Св. Писания» (Брюссель, 1982). В это издание вошли комментарии к Ветхому и Новому Заветам. Отец Александр считал, что к концу 70-х годов в Россию было завезено достаточное количество экземпляров Священного Писания, но совершенно отсутствовали удовлетворительные комментарии. Поэтому плодились всевозможные секты, а для многих тексты Священного Писания, в силу падения уровня культуры, оставались книгой за семью печатями.

39 – «Stimme der Orthodoxie» («Голос православия») богословский журнал, издаваемый Русской Православной Церковью на немецком языке, орган Западно-Европейского экзархата. Его изданием в конце 70-х годов ведал архиепископ Берлинский Филарет (Вахромеев), ныне митрополит Белорус-

нуждается в духовных и нравственных устоях». Среди людей, меня мало знавших, ходили обо мне легенды: оккультист, сионист, католик, модернист, агент властей. Это осталось и сейчас.

– Как произошло знакомство с Александром Солженицыным?

– С А.И.Солженицыным я познакомился у него в городе.⁴⁴ Очень ценил его ум, живость и решительность, пророческое призвание. Это покрывает все неудобства его характера и крайности, свойственные большим лицам. Но дороги у нас были разные. При всем хорошем взаимном отношении.

Я способствовал возвращению А.И.Солженицына к христианству. Но он делал упор на внешние проблемы Церкви. Я же считал и считаю, что главная трудность и кризис – внутри.

– В чем Вы видите причины неудач с наиболее талантливыми духовными детьми?

– Вопрос сложный. Думаю, что те люди, которых я так или иначе потерял, поддались искушению тщеславия. Им подсознательно

*А.И.Солженицын,
з/к Щ202.*

ский и Минский; экзарх Белоруссии. Он был другом детства отца Александра. После доноса священника Василия Фонченкова, тогдашнего редактора журнала, в Совет по делам религий отца Александра перестали публиковать и в этом издании.

40 – Книга «Сын Человеческий» впервые была опубликована в издательстве «Жизнь с Богом» в 1969 году под псевдонимом «А.Боголюбов». Второе издание вышло в 1975 году.

41 – Журфиксы по четвергам у себя дома в поселке Семхоз отец Александр устраивал вплоть до осени 1968 года. К нему приезжали представители московской интеллигенции. Многие становились его прихожанами. На журфиксах происходил свободный обмен взглядами. Отец Александр щедро позволял пользоваться своей богатейшей библиотекой.

42 – Письмо двух священников Глеба Якунина (р.1934) и Николая Эшлимана (1928–1985) появилось в ноябре 1965 года. Текст письма создавался при непосредственном участии мирянина Феликса Карелина (24.07.1925 – 30.11.1992). Первоначально существовало два варианта письма – один принадлежал перу отца Александра. По проекту, одобренному архиепископом Гермогеном Голубевым, с которым отец Александр поддерживал хорошие отношения, этот вариант письма (предельно краткий – две с половиной страницы) должен был зачитать во время богослужения Святейшему Патриарху Алексию I А.В.Ведерников. Но вариант отца Александра был отвергнут и вскоре создан второй, более расширенный, который был подписан только двумя священниками. Тогда же, 15 декабря 1965 года, были отправлены письма – на →

Слева направо – Александр Борисов, Виктор Андреев, двое неустановленных лиц, Наталья Григоренко-Мень, отец Александр Мень, Евгений Барабанов, Нонна Борисова. 2.06.1973. Семхоз.

хотелось сделать что-то необыкновенное. Им казалось, что это просто. Словом – обычные человеческие страсти. Я мог бы их подавить в зачатке, приняв метод авторитаризма и патернализма. Но я не могу и не мог этого сделать. Здесь уход в сторону. Подмена веры «отцом». Все должно строиться на свободе. Это тяжелый дар и, конечно, риск.

– Кто из сотрудников первого, второго призыва остался и ценен?

– Это не «телефонный» разговор. Но устный.

– Каковы приметы восьмидесятых годов?

– Как ни странно, ничто не изменилось ни в установках, ни в планах за истекшие 25 лет и более. Пока же работаю над «Руководством по Библии»⁴⁵.

имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I и на имя председателя Верховного Совета СССР Н.Подгорного. Содержание второго варианта письма и действия двух священников привели к расколу в кружке московских священников, в состав которого входило около десяти человек, в том числе мирянин А.Э.Краснов-Левитин. Он встал на сторону двух священников.

Священник Николай Эшлиман принадлежал к дворянскому роду, известному во Франции с 1500 года. Его семья переселилась в Швейцарию, и записи о ней ведутся в книгах города Бургдорф. Его предок, Чарльз Эдуард Эшлиман, во время второй половины XVIII века был приглашен в Россию графом Воронцовым. Он руководил строительством на южном берегу Крыма. До 1929 года отец буду-

– Что дала Вам семья?

– Семья мне дала много, что сказать об этом трудно. Без семьи себя с трудом представляю. Знаю, что быть моей женой дело трудное. Но, кажется, моя – вполне справляется. Но рецептов дать не могу. Все живут по-своему. Я, в частности, не требую от жены непосильного включения в мои дела. Дай Бог ей тянуть все в целом. А с делами мужчина должен справляться сам. Впрочем, я не делю в домашней жизни вещей на женские и мужские. Это (за некоторым исключением) пережиток иного бытового уклада. Вот и все вкратце.

– Если можно – несколько слов о церковных деятелях, оказавших на вас личное, непосредственное влияние.

– Заочно, конечно, отец Алексей Мечев⁴⁶, и полузаочно отец Серафим, потом отец Николай Голубцов. Когда мне было лет 15, произошло короткое знакомство с отцом Андреем Расторгуевым⁴⁷, который служил в храме в Сокольниках, оно очень много дало. Он был че-

щего священника имел швейцарский паспорт, но вынужден был отказаться от швейцарского гражданства под давлением властей, поскольку не хотел покидать Россию. В начале 70-х годов, когда стало ясно, что возврат к священническому служению для отца Николая невозможен, его друзья выяснили, что он имеет право на получение швейцарского гражданства. Он был приглашен в посольство Швейцарии в Москве, где его известили об этом факте. Но он, как и его отец, предпочел остаться в России. Более подробно см. статью отца Александра Менья «Несколько слов о деле двух московских священников», Приложение № 6.

43 – Архиепископ Киприан, в миру Михаил Викентьевич Зернов (1911–1987). Рукоположен во иерейский сан в 1944 году. В 1948 году был назначен настоятелем Преображенского (Скорбященского) храма на ул. Большая Ордынка в Москве. В 1961 году пострижен в монашество и хиротонисан (посвящен) во епископа Подольского. В этом же году стал управляющим делами Московской патриархии. С 1964 года – архиепископ Берлинский и Среднеевропейский, экзарх Средней Европы. В 1966 году уволен на покой и назначен почетным настоятелем Скорбященского храма. Архиепископ Киприан пристально следил за деятельностью отца Александра и находился с ним в переписке. Подробнее о нем: «Журнал Московской Патриархии», № 9, 1987, с. 25–27.

44 – В Рязань отец Александр поехал вместе со священником Дмитрием Дудко, вскоре после опубликования в журнале «Новый мир» повести А.И.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Там началось знакомство с писателем, длившееся до конца 60-х годов. Отец Александр был против «Великопостного письма», направленного А.И.Солженицыным на имя Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Пимена. Подробнее об этом письме см. публикацию «И указан путь нам – жертва» («Совершенно секретно», № 6, 1992, с. 24–26). Мнения, высказанные священником Сергием Желудковым по поводу письма А.И.Солженицына, во многом совпадали с мнением отца Александра.

45 – Многие зарубежные богословы недоумевали, почему, будучи автором многих богословских трудов, отец Александр остается непризнанным в России. По инициативе архиепископа Дмитровского Александра (Тимофеева), бывшего ректора Московской Духовной академии (в августе 1992 года по решению Священного Синода уволен на покой), ныне архиепископ Саратовский и Вольский, отец Александр в начале 80-х годов начинает работу над книгой по исагогике.

→

ловек искренней веры, ума, добротных знаний и без ханжества (увы, Левитин пишет о нем иное, но я тогда этого не чувствовал⁴⁶). И все.

Какова роль духовника в Вашем становлении?

– Кроме отца Николая Голубцова, большую роль сыграла схимонахиня Мария, которая до него осуществляла мое духовное руководство. Она благословляла мои библейские занятия лет в 12 и определила путь.

Основными идеями и задачами за последние 35 лет были, кроме пастырской работы:

1. Синтез Библии и науки, в том числе исторической.

2. Церковная историософия в свете Евангелия.

Эти темы были подсказаны жизнью (т.е. противоречиями этих начал) и векторами, указанными Вл. Соловьевым. В детские годы делал попытки обрабатывать эти темы путем художественного литературного творчества. Но потом понял, что реальное – интереснее вымысла. (Эти беллетристические попытки не сохранились).

Она была завершена к 1983 году: «Опыт изложения основ ветхозаветной исагогики в свете работ русской библейско-исторической школы и новейших исследований» (машинопись, два тома). Предполагалось, что это будет учебник, а Ученый Совет МДА рассматривает этот труд как диссертацию на соискание степени доктора богословия. Но консервативно настроенные профессора МДА, и в первую очередь профессор А.И.Осипов, выступили против. В результате защита не состоялась, хотя сам труд по исагогике находится в архивах МДА. Позже митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий предложил отцу Александру защитить докторскую диссертацию в более либеральной по духу Ленинградской Духовной академии. Отец Александр в этот период начал работу над семитомным «Словарем по библиологии», который был завершен в 1988 году. В этом же году он был представлен на соискание степени доктора богословия. Однако и этот труд был отвергнут Ученым Советом ЛДА. Отказ был аргументирован довольно своеобразно – Ученый Совет заявил, что в истории академии еще не было прецедента, чтобы степень доктора богословия присуждалась за соавторство. Было высказано пожелание, чтобы отец Александр представил на соискание свой семитомник «В поисках пути, истины и жизни». Эта сторона жизни отца Александра Меня и его взаимоотношения с МДА и ЛДА требуют специального исследования.

46 – Протоиерей Алексей Мечев (1860–1923). Настоятель храма святителя Николая на Маросейке, известный своей святостью. Подробнее о нем см.: «Мечев Алексей. Проповеди, письма, воспоминания о нем». Париж, 1989. Эта книга составлена одним из маросейских прихожан, катакомбным священником Борисом Александровичем Васильевым, духовником и наставником отца Александра. В Париж в начале семидесятых годов «переправил» рукопись отец Александр Мень.

47 – Священник Андрей Расторгуев (1893–1970), настоятель храма Воскресения в Сокольниках. Отец Андрей был фигурой неординарной и заметной среди московских протоиереев. Еще до революции он закончил Симбирское духовное училище, а затем Симбирскую духовную семинарию. В 1914 году поступил в Московскую духовную академию. После окончания третьего курса в 1917 году был призван на военную службу. Закончил военное училище и стал военным священником. Был рукоположен 19 августа 1917 года архиепископом Симбирским и Сызранским Вениамином и стал священником одного из пехотных полков. С 1918 года служил в Покровском соборе родного г. Сингеля. В 1923 году уклонился в обновленческий раскол. →

– Кто из мирян, встреченных на жизненном пути, оказал на Вас влияние?

– Увы, мало было людей старшего поколения, которые поддерживали меня в моих устремлениях. Скорее наоборот – я ощущал себя в вакууме. Но с благодарностью молитвенно вспоминаю Н.Е.Пестова (экуменизм), Б.А.Васильева (наука и религия), С.И.Фуделя⁴⁹ (тонкость мысли, друг нашей семьи), Д.Е.Мелихова⁵⁰ (вера в необходимость трудиться и быть христианином в повседневной жизни) и своего учителя В.Н.Скалона (биолога). В общем же, большое влияние на меня оказали контакты с «маросейской средой»⁵¹ и с А.В.Ведерниковым (умение служить делу Церкви в сложных условиях).

– Ваш распорядок дня, когда Вы дома?

– Обычно я сажусь за работу в 9 утра, а до этого – все необходимое, включая молитвенное правило и прочее.⁵² Пишу до 1 часу, а потом занимаюсь домашними делами (или в саду). В 2 обедаю. После обеда уборка, просмотр журналов, художественной литературы,

А.Э.Краснов-Левитин, лично знавший отца Андрея (в обновленческом расколе – архиепископа Ульяновского и Мелекесского), вспоминал о нем: «Действительно, все обнаруживало в архиепископе Андрее властного, деловитого, крепкого хозяина, начиная от синей бархатной рясы, кончая кучерски выбритым затылком. Волжская окающая речь (он был выходцем из весьма известной на Волге старообрядческой торговой семьи), властные окрики на причетников – и, наряду с этим, елейность, степенность, уставка строгость – от него так и веяло Мельниковым-Печерским. Он любил служить, служил истово, чинно. Его заветной мечтой было построить службу точно по Типикону.

Впрочем, Андрей Иванович являлся интеллигентным, начитанным человеком. Он хорошо знал В.С.Соловьева (имеются в виду труды В.С.Соловьева. – С.Б.), интересовался искусством, хорошо знал живопись, театр...» (Краснов-Левитин А.Э. Дела и дни. Изд. «Поиски», 1990), с. 165. 21 декабря 1943 года, по принесении покаяния, был принят Святейшим Патриархом Сергием в общение и назначен настоятелем Воскресенского храма в Сокольниках, где прослужил 25 лет. С 1954 год отец Андрей служил в Берлинской епархии сначала как проповедник, а затем как настоятель Воскресенского храма в Берлине. После возвращения в Москву в 1954 году был благочинным храмов Преображенского благочиния и состоял членом Учебного комитета при Священном Синоде. Отец Андрей имел все священнические награды, а также многие ордена братских Православных Церквей. В некрологе протоиерей Сергей Вишневецкий вспоминал о служении отца Андрея: «Отличительным свойством его души была глубокая любовь к храму Божию и богослужению. Он почти постоянно пребывал в храме. Прекрасно знал церковный устав и творчески применял его в повседневной практике. Службы совершал без спешки и суеты. Любил сам канонаршить за всенощной. Все воскресные и праздничные дни произносил проповеди, выношенные в уме и сердце. В течение ряда лет после вечернего богослужения в воскресные дни объяснял весь Новый Завет на основе святоотеческих толкований...» («Журнал Московской Патриархии», № 5, 1971, с. 20). Отец Александр вспоминал, что на вечерние беседы отца Андрея собиралось множество прихожан. Несомненные пастырские дарования уживались в отце Андрее с далеко шедшими компромиссами с властями.

48 – В своих воспоминаниях («Лихие годы», Париж, 1977; «В час рассвета», 1984; «Звезда Маир», 1983; «По морям, по волнам», 1986; «Родной простор», 1981) А.Э.Краснов-Левитин, известный церковный публицист, рассказывает о

отвечаю на письма (их довольно много: в среднем 5–7 в день). С 5 до 6 или позже в саду или в доме. До 7 редактора своего и чужого, слайды, сценарии и прочее. В 7 ужин. Потом – отдых в виде чтения или ТВ. Ложиться стараюсь не позже 10–11.

– Ваш распорядок дня, когда Вы служите?

– Когда служу, то возвращаюсь по-разному. Обычно после 5⁵³. И тогда расписание идет обычным ходом.

Издавна имею привычку читать Священное Писание и Отцов на сон грядущий. Утром читаю два правила: одно дома, а второе по пути. В праздничные дни, если возможно, во второй половине дня – «размышления» над текстом Священного Писания или на основе духовных книг. Прежде систематически ездил в Москву и принимал дома людей. Но уже больше десяти лет уезжаю в Москву мало и дома живу отшельником (из-за обилия народа в церкви)⁵⁴.

Кто из святых прошлого и настоящего привлекает Вас более других и почему?

С детства любил святителя Дмитрия Ростовского, святого Иустина Мученика (за поиск истины), преподобного Серафима (за все его светлое). Преподобного Сергия считал своим покровителем. Крестили меня близ Лавры. В Загорске, по воле судьб, прошла большая часть моей жизни. Из западных всегда любил Франциска Ассизского, а потом Франциска Сальского. Любил Златоуста (с детства много читал его и о нем). Очень дороги мне были миссионеры-святые, начиная с апостола Павла. Вообще всегда очень чтил святых и чувствовал их близость, молясь им.

событиях жизни церковной Москвы начала 20-х – конца 70-х годов. В них он общается о сотрудничестве священника Андрея Расторгуева с КГБ. Отец Александр узнал об этом факте из воспоминаний А.Э.Краснова-Левитина, вышедших на Западе уже после смерти отца Андрея Расторгуева.

49 – Сергей Иосифович Фудель (1900–1977), сын священника Иосифа Фуделя, церковный писатель, автор ценных воспоминаний. Часть из них опубликована в России. См. журнал «Новый мир», 1991, № 3, 4. В Париже была издана его книга «Об отце Павле Флоренском», первое издание под псевдонимом «Ф.Уделов», второе 1988.

50 – Дмитрий Евгеньевич Мелихов (1899–1979), сын рязанского священника, профессор-психиатр, ученик П.Б.Ганнушкина. Поддерживал на протяжении всей жизни тесную связь с маросейскими прихожанами. Часто бывал в Среденском храме, где служил отец Александр. Подробнее о нем см.: «В этом мое служение Христу» – «Московский комсомолец» от 18.04.91.

51 – «Маросейская среда»: в первую очередь Б.А.Васильев и его жена Т.И.Курьянова, многие друзья и подруги тетки отца Александра – Веры Яковлевны Василевской (1902–1975) и его матери – Елены Семеновны Мень (1908–1979).

52 – Отцом Александром созданы несколько сценариев и слайд-фильмов, которыми активно пользовались руководители приходских групп, готовившие к крещению новообращенных. Среди слайд-фильмов наиболее известны «Иисус Назарянин» (в нем использованы слайды из фильма Ф.Дзефирелли «Иисус»), а также слайд-фильм «Откуда произошло все это?» Популярностью пользовался слайд-фильм о матери Терезе Калькутской, озвученный самим отцом Александром и его прихожанами. →

Проводы Краснова-Левитина. Слева направо – отец Богдан (из Почаевской Лавры), Агафья Иосифовна (тётка отца Глеба Якунина), отец Сергей Хохлов, Вера Хохлова, Сергей Казило, А.Э.Краснов-Левитин, Л.Бокова, отец Дм. Дудко, Лидия Иосифовна (тётка отца Глеба Якунина), Вадим Шавров. 1974; Шереметево. фото С.Бычкова.

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ И РУССКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕНЕССАНС

– Что качественно нового, на Ваш взгляд, было привнесено в богословие русским религиозным ренессансом?

– Здесь настоящее соцветие религиозной мысли. Флоренский блестяще показал роль антиномии в теологии, Н.О.Лосский –

53 – Обычное расписание богослужений в Сретенском храме: среда, суббота, воскресенье и, конечно же, праздники. Также один раз в неделю, кроме указанных дней, отец Александр, когда была его черед служения, выезжал в Новую Деревню для совершения треб. В Сретенском храме служили два священника, расписание чередовалось по неделям. Богослужения заканчивались обычно в 12 или в час дня. После этого, наскоро перекусив, отец Александр принимал прихожан или в церковном домике, или близ храма, прогуливаясь. В годы гонений (первая половина 80-х) кто-либо из прихожан снимал дом неподалеку от храма, часто встречи совершались в нем.

54 – Отшельником отец Александр не был никогда. Те дни, когда он находился дома, не были полностью свободны от посетителей. Часто прихожане приезжали неожиданно. Несмотря на удаленность поселка Семхоз от Москвы, такие незапланированные визиты были довольно часты. Кроме них, были и запланированные.

интуиции в познании (кроме того, и учение о падении), Бердяев – о свободе и творчестве и призвании человека (красота его духовного и интеллектуального благородства несравненна). Г.П.Федотов раскрыл основы подлинно христианской социологии, как и Франк, который нашел кристально-ясный философский подход к вере. Карташев пробил брешь в библейской и церковно-исторической науке. С.Н.Трубецкой – то же самое. Е.Н.Трубецкой дал много глубинных идей, касающихся христианской метафизики и иконы. Меньше всего мне импонирует Шестов, хотя его стиль мышления и писания великолепны. Меня отталкивает его воинствующий антиинтеллектуализм. Зачем тогда Бог дал нам разум? Но его диалектика – противоядие от рационализма.

– Как Вы оцениваете богословие отца Сергия Булгакова?

– В отце Сергии Булгакове я ценю прежде всего его идеи раннего периода: об очеловечивании природы, о творческом призвании человека, о необходимости реализовать Евангелие в жизни общества. Богат мыслями и его анализ апофатического богословия («Свет невечерний»), а также его трилогия⁵⁵. Но в основном его парижские работы кажутся мне многословными, стилизованными и гностическими. Он пишет о сокровенных вещах слишком прямолинейно, слишком катафатично. Эта гностика (включая и софиологию) мне чужда. Она висит в воздухе, не опираясь ни на Писание, ни на разум.

Какие положения системы Владимира Соловьева Вам чужды и почему?

Наиболее чужды мне его апокалиптические мотивы. И идея земной теократии. Это была дань времени. Самое драгоценное в нем – идея синтеза, «цельного знания», которое охватывает все области познания, вообще размах его мышления. Софиология – ни его, ни другая – никогда меня не привлекала. Его опыт Софии может быть истолкован как искушение. Слова «богиня» не понимаю. Возможно, что субъективно люди определенного склада способны воспринимать Бога в женской ипостаси. В принципе здесь нет ничего дурного. В Божественном нет пола. Идея божественного «материнства» – одна из сторон живой религиозности, известной в Индии, Греции. В христианском мире она прикровенно проникла в почитание Богоматери. В действительности Бог – и Отец и Мать.

– Что вам дал конкретно Николай Лосский?

– Н.О.Лосский привел меня к мысли о возникновении несовершенства космоса на уровне его элементарных составляющих (монад). Только так можно понять падшесть всей структуры мироздания.

⁵⁵ – Имеется в виду большая трилогия отца Сергия Булгакова: «Агнец Божий». Париж, 1933; «Утешитель». Париж, 1936; «Невеста Агнца». Париж, 1945. В беседах отец Александр несколько раз высказывал мысль, что отрыв от России и пребывание в эмиграции пагубно сказались на богословии отца Сергия Булгакова.

– Что Вам близко, а что чуждо у Николая Бердяева?

– Все «идеологическое» в нем мне бесконечно близко («мое»), кроме идеи о премирном творении. Чужд же подход к проблемам веры «извне». Он никогда не мог сказать о христианстве – «мы»⁵⁶. Здесь сыграл роль его индивидуализм.

Что близко Вам в системе Семена Франка? Что чуждо?

Франк дорог тем, что был истинным мыслителем-философом без гностических фантазий (которые есть и у Соловьева и у Флоренского).

– Если можно, расскажите подробнее о возникновении несовершенства космоса на уровне монад. И как можно понять падшеств всей структуры мироздания?

– Согласно учению Н.О.Лосского, реальная действительность складывается из энергетических центров (субстанциальных деятелей), природа которых нематериальна. Это было еще у Лейбница (монады) и у Вл. Соловьева. Лосский считает, что эти трансфизические единицы обладают неким подобием свободной воли и от ее направления зависит тот или иной строй природы. Таким образом, к субстанциальным деятелям восходит то царство необходимости и детерминированности, которое является падшим миром. Его несовершенство коренится в самых «началах» мироздания, твари (см. его книгу «Мир как органическое целое», 1917). Царство необходимости есть царство вражды и «непроницаемости». Высший же мир духовной свободы предполагает открытость («все имманентно всему»). Взгляды Лосского подтверждаются данными науки. Она приходит к энергии как основе материи. Иногда даже говорят о «свободе воли электрона». Несовершенство мира есть результат данного устройства его основ, которое предопределяет детерминизм, распад и, в конечном счете, смерть. В этом ключ к пониманию тайны падшего мироздания (но не только человека). Основная мысль наиболее ценна: зло как природное несовершенство предшествует человеческому греху⁵⁷.

Ваше отношение к проблеме апокатастасиса, если можно подробнее?

Отрицающие полную победу над злом ссылаются на слова Христа о муке «вечной». На этом основании Данте начертал на вра-

⁵⁶ – Журнал «Вопросы философии» (№ 5, 1992) опубликовал предреволюционную переписку Н.А.Бердяева с М.О.Гершензоном. В одном из писем звучит исповедание Н.А.Бердяева: «Я допускаю самое резкое и крайнее нападение на мои идеи и мое мирозерцание, но не допускаю нападений на мою нравственную личность. Анализ моей души по поводу идейных столкновений я считаю недопустимым. Сочувствую ли я страданиям народа, есть ли у меня боль за народ, это интимное дело между мной и Богом. Я – христианин, и в грехах своих отвечаю перед Богом, перед Христом и Его Церковью...» (Бердяев Н.А. Письма к М.О.Гершензону. Письмо от 29 сентября 1917 года, с. 130).

⁵⁷ – Наиболее ясно эти мысли высказаны Н.О.Лосским в книге «Учение о перевоплощении. Интуитивизм». М., 1992.

тах ада слова: «И с вечностью пребуду наравне». Но мне кажется, что слово «вечность» не должно пониматься как бесконечность во времени. Ведь сказано, что времени уже не будет. И сказано, что «Бог будет всем во всех». Разумеется, теоретически свобода абсолютного богопротивления сохраняется, но она уводит такие души к «смерти второй», к небытию. Слова Христовы о «вечных» муках следуют скорее понимать как слова о муках «потусторонних». Ибо вечное в данном случае синоним неземного, так же как и «жизнь вечная» есть не просто существование без конца (такое ведь может быть и в аду), а с истинной Жизнью в ином бытии. Средневековое же понятие о бесконечных муках ада было, вероятно, скорее педагогическим приемом. Что смущает меня в теории апокатастасиса в его обычной форме – это вера в «прощение дьявола». Это слишком материалистично, чувственно, конкретно. Получается, что сатана был виноват, а потом прощен. Дело здесь глубже. Он – тварное начало Небытия и Отрицания. Поэтому это начало просто должно исчезнуть в новом бытии. Впрочем, это тайны, о которых у нас нет права судить слишком смело.

– Ваш взгляд на происхождение женщины, хорошо бы не конспективно, а развернуть?

– Силы, которые тормозили процесс миротворения – силы распада. Бог действовал как объединяющий Логос, как Премудрость, созидающая гармонию. Эта гармония есть принцип Единственности, который восходит к тайне природы Самого Божества, к тайне Троичности. В целях этого единомножества возник и организм и пол. Для человека это драгоценный дар. Он включает биологические механизмы в дело единения душ. Уже в животном мире половое размножение рождает любовь (на животном уровне, конечно). Человек в поле обретает возможность естественной любви, которая есть школа любви высшей. Библейский же рассказ о Еве подчеркивает единоприродность мужчины и женщины, в противовес взглядам на нее как на низшее существо⁵⁸. Цель брака, по Библии, – любовь, единение двух, а размножение вторично. Может быть любовь бездетная и могут быть дети без любви и брака.

Злобность человеческих натур, на Ваш взгляд, не есть ли признак душевной болезни? (Я подразумеваю злобность как качество характера, нечто с детства присущее человеку).

Вопрос этот сложен. Чаще всего это так. Но есть и нормальная агрессивность, так сказать, врожденная. Корни ее в общем со-

⁵⁸ – Сохранился в магнитозаписи экспромт отца Александра о творении человека и об обретении Адамом Евы. Он называется «Урод». Это своеобразная попытка проникнуть в глубь времен художественным взором, не отрекаясь от данных науки. Он издан фондом Александра Меня в 1994 году под названием «Сказка о происхождении человека» с прекрасными иллюстрациями художника И. Чукавиной.

*300-летие Московской духовной академии. С.С.Бычков и протоиерей Александр Мень. 30 декабря 1985 года.
Фото В.Андреева*

стоянии падшей человеческой природы. Здесь в человеке просыпается шимпанзе. По существу, вся духовно-нравственная работа человека направлена против этого шимпанзе – истеричного, агрессивного, возбудимого. Он затемняет образ и подобие Божие.

О ЦЕРКВИ

– Церковь и политика – сегодня много говорят об их совместности. Вам приходилось встречаться с одним из самых талантливых церковных политиков, митрополитом Николаем Ярушевичем? Как Вы оцениваете его деятельность?

– О нем уже подробно писал А.Э.Краснов-Левитин⁵⁹. Я помню хорошо только встречу с ним в Новодевичьем. Крошечный кабинет, пропитанный запахом розового масла, картины. Любезный, приветливый, изящный, убеленный. Спрашивал меня: люблю ли свою прежнюю профессию. Видимо, хотел знать, не иду ли я в священники, разочаровавшись в работе. Получив вполне положительный ответ, остался доволен. Потом мне передавали его положительный отзыв на мои первые статьи. Но вскоре он уже сошел со сцены. Он думал, что создал себе прочную гражданскую позицию и незаменим, но ему пришлось убедиться, что мавр был нужен, только пока он делал свое дело.

– Ваше мнение о покойном митрополите Никодиме (Ротове) и о том, что ему действительно удалось сделать?

– Одной из главных его положительных черт была способность не успокаиваться, искать, широта экуменического размаха, энергия. Но мыслил он часто старыми категориями, думая, что создает «политику». А на этом пути любого ждет крах. Его взгляды на священство во многом менялись и под конец приняли очень симпатичные очертания. Но на практике в его окружении выращивали в основном карьеристов. Он думал, что это будет эффективный инструмент, но оказалось, что на таких людей рассчитывать нельзя (как и следовало ожидать).

– Ваше мнение о преемниках и учениках митрополита Никодима?

– Именно в связи с вышесказанным почти все его ученики отреклись от него, по крайней мере внешне⁶⁰. К тому же общая ситуация была против его «политики». Сейчас удобнее люди более сюзкойные, без «идеи». Начальство, и то и другое, ему давно уже не доверяло. Словом, его эпоха кончилась.

Что из того, что удалось сделать митрополиту Никодиму, живо по сей день?

– Почти ничего. Отдельные осколки. Кое-какие тенденции среди богословов-преподавателей. И все. Да, пожалуй, и иллюзии со

59 – См. воспоминания А.Э.Краснова-Левитина «Лихие годы». Париж, 1977.

60 – Речь идет о двух ближайших учениках покойного митрополита Никодима (Ротова) – митрополите Крутицком и Коломенском Ювеналии (Пояркове) и митрополите Смоленском и Калининградском Кирилле (Гундяеве), ныне председателе Отдела внешних церковных сношений. Ныне оба – постоянные члены Священного Синода, занимающие ключевые посты в РПЦ. За годы, протекшие со дня смерти митрополита Никодима (1978), переменили убеждения и теперь занимают крайне консервативные позиции.

стороны католических партнеров по диалогу, которые благодаря контактам с ним получили ложное представление о ситуации.

– Когда и в связи с чем появились Ваши первые зарубежные публикации?

– Об этом уже писал. Когда работал над шеститомником, началась обширная переписка с разными западными богословами (Леон-Дюфуром и др.). Она касалась самых разных тем – библейских и церковных. Из западных святых особенно важны для меня были Франциск Ассизский и Франциск Сальский. Последний был переведен и издан при моем участии (моей теткой В.Я.Василевской)⁶¹. Из теологов ценю Л.Буйе. Назову еще имена Честертона, Тейяра, Даусона⁶², Любака, которые мне особенно близки. Очень дорожу духом Второго Ватиканского Собора.

– Что Вы можете сказать о контактах В.Соловьева с католиками? Изменилось ли что-то с тех времен? В.Соловьева поддерживали несколько человек католиков, а Вас?

– Все дело в том, что тогда было латинство, а сейчас католицизм его преодолевает. Он уже не тот, что во времена Соловьева. Идет навстречу миру и инославиям так, как никогда. В этом залог его будущего. В 1958 году я был одинок со своими установками на экуменизм⁶³. Но на глазах у меня произошли огромные изменения. И надеюсь, будут продолжаться. В будущее верю.

Что означают Ваши слова – «верю в будущее»? Как Вы видите его? Как хилиастическое время? Откуда оптимизм?

Я верю, что история имеет смысл. Если она сейчас прервется, то будет скорее похоже, что она не удалась. И тогда многое теряет смысл. Евангелие не реализовано и не понято. Его осуществление может быть только впереди, но верю (по Библии) также, что и царство зла будет возрастать. Так что это не просто оптимизм. Подробнее – в эпилоге 6-го тома⁶⁴.

Разделяете ли Вы видение Владимира Соловьева о дальнейшем развитии человеческого общества, которое он описал в «Трех разговорах»?

⁶¹ – Св. Франциск Сальский. Руководство к благочестивой жизни. Брюссель, 1967. Перевод осуществлен В.Я.Василевской, был отправлен в Брюссель отцом Александром.

⁶² – Кристофер Даусон (1889–1970), английский культуролог и христианский мыслитель. Был членом Британской академии (1943), автор свыше 20 книг. Его книга «Прогресс и религия» оказала большое влияние на формирование мировоззрения отца Александра.

⁶³ – Более развернуто о сути экуменических взглядов отец Александр писал в статье «Основные черты христианского мировоззрения»: «Христианин... переживает разделение христиан как общий грех и нарушение воли Христа (Ин. 10, 16); верит, что в будущем этот грех преодолевается, но не на путях превозношения, гордыни, самодовольства и ненависти, а в духе братской любви, без которой призвание христиан не может быть осуществлено (Мф. 5, 23 – 24); ценит национальные облики Церквей как конкретные, индивидуальные воплощения человеческого духа и богочеловеческой тайны. Однако это не заслоняет вселенского характера Церкви» («Символ», 1989, № 21, с. 88).

⁶⁴ – Речь идет о шестом томе «На пороге Нового Завета». Брюссель. 1983.

Я не в состоянии поверить в эсхатологию В.Соловьева. Мне кажется, что Евангелие только начало давать первые всходы, что впереди еще долгая история. Какие-то цивилизации могут погибнуть, но «дело Христово» не может полностью потерпеть поражение на земле. Угрозы Апокалипсиса – это альтернатива, как пророчество Ионы о гибели Ниневии (Бог ее пощадил вопреки желанию пророка). Эта мысль развита Н.Федоровым, и мне она ближе, чем эсхатологизм «Трех разговоров». К тому же мысль В.Соловьева, что зло и Антихрист идут в добром обличье в наш век, не может быть разделяема полностью. Многие выступают почти без маски. Но в каком-то будущем такая маска возможна, как временный камуфляж. В этом прав и В.Соловьев.

– Каким, по Вашему мнению, должен быть современный пастырь в России?

– Это я изложил в памятке священнику⁶⁵. Думаю, что одна из важнейших обязанностей проповедь, миссионерство, так как живем в нехристианском окружении. Самое опасное забыть об этом, замкнувшись в «благополучном» церковном гетто.

В чем основные недостатки молодых священников?

– Первые христиане называли себя учениками. Молодые баптистки же стремятся как можно скорее стать учителями. Они не стремятся к духовному и интеллектуальному росту. Останавливаются в самодовольстве или ремесленничестве. Бытовизм быстро заедает, и пастырская совесть заглушается самодовольством. Глохнут к проблемам обычных людей, особенно нецерковных. Смотрят на все с узко-ограниченной точки зрения. Этому способствует наш всеобщий акцент на культе, который превратился в «работу», берущую массу сил и времени. На прочее не остается времени порой даже у тех, кто хотел бы служить «в духе и истине». У священника должны быть интересы, соприкасающиеся с «профессией», а одна «профессия» может привести к страшной рутине.

– В чем, кратко, по-Вашему, основная трагичность сегодняшней Русской Православной Церкви?

– В сегодняшнем положении в трагическое столкновение приходят два факта. Живой подспудный интерес к духовной проблематике у людей, обилие духовных запросов, поиски истины и большой творческий потенциал России, – но все это не получает должной пищи от нас, церковников. Виной тому сложившийся тип церковности, который отличается:

⁶⁵ – «Памятка начинающему священнику» машинопись. В начале 80-х годов несколько новодеревенских прихожан были рукоположены архиепископом Курским и Белгородским Хризостомом во иерейский сан. Общение с молодыми священниками отец Александр поддерживал постоянно, да и они довольно часто навещали его, делясь своими трудностями. В помощь им, в форме письма, отец Александр создал «Памятку». Подзаголовок этой брошюры звучит так: «Эти строки адресованы молодому священнику, который недавно приступил к церковному служению и просил помочь ему в первых шагах. Быть может, памятка окажется бесполезной и для других начинающих пастырей».

- а) обрядоверием,
- б) обскурантизмом,
- в) конформизмом,
- г) неспособностью ответить на запросы народа,
- д) самодовольством замкнутой касты, которая с презрением смотрит на все «мирское»,
- е) ностальгизмом – т.е. уверенностью, что «раньше было лучше». Отсюда ориентир на архаические формы набожности,
- ж) отрывом от Евангелия и Писания вообще.

Это трагическое противоречие приводит к:

- а) духовному упадку тех, кто приходит в Церковь,
- б) обращению людей к суррогатам веры (окультизму, йоге, парапсихологии и пр.).

Все это отягчается псевдо-аскетической идеологией ленивых умов людей, которые, потрясая Добротолюбием, живут куда более «широко», чем иной безрелигиозный интеллигент.

А поиск неопитами подлинных носителей христианского духа ведет к геронтофилии, то есть поиску и почитанию «старцев». От них ждут просто успокоения и снятия с себя ответственности. В результате попадают под влияние лиц, которые страдают вышеуказанными недугами нашей церковности. Итог – православный нигилизм (бросают работу, стилизуются под «монахов», отрицают культуру и творчество, тем самым отталкивая душевно-здоровых людей или калеча незрелых).

– Как Вы оцениваете нынешнюю церковную ситуацию – с 1979 года по сей день?⁶⁶

Мне трудно судить об общем. Но в поле зрения наблюдается общее снижение уровня: поправение христианской интеллигенции, равнодушие среди духовенства, умственный разброд среди неопитов. Но почва продолжает оставаться многообещающей.

– Что в данном случае Вы понимаете под почвой? То же, что и Достоевский? Или какие-то социальные слои?

– Цивилизация нашей страны (я имею в виду русскую) очень смешанная, этнически имеет много положительных черт. Она была открыта воздействиям тюркского и других элементов. В силу этого она неустойчива и бурлива, в ней нет той культурной законсервированности, как в старой Европе. В ней еще мало буржуазности, много искания, жизненности, порывов доброты и человечности. Хотя это грозит многими бедами, но создает хороший фон для духовной открытости и душевной витальности (цивилизация эта моложе европейской). Все это создает хорошую почву для идей, для духовных посевов (как дурных, так и добрых). Только это я имел в виду. Европа ощущает свою «старость», ее давит «наследие», Америку – потребление. У нас в силу неустойчивости (старое разметали – частично), да и с потреблением худо (но соблазн есть) – ситуация бурлива.

⁶⁶ – Этот вопрос был задан в апреле 1983 года.

Священник Сергей Мечев.
Середина 20-х годов.

– Не кажется ли Вам, что нынешнее наступление атеистов⁶⁷ может разрушить то немногое, что удалось создать?

Я никогда не верил, что внешние факторы целиком определяют жизнь Церкви. Ничто не может поколебать Ее, если верующие сохраняют верность основам Евангелия. Нам уже не раз предоставлялись возможности, но «активизация церковников», увы, есть миф, изобретенный авторами атеистических лекций и публикаций. За упущенными возможностями всегда следует расплата. Но не все потеряно. Есть люди. Найдутся и «три праведника».

– Каков Ваш взгляд на ближайшее будущее РПЦ (имею в виду возможную смену церковного руководства)?

– Думаю, что радикальных перемен это не принесет. Поскольку общая картина ясна и сейчас. Ослабление экуменического

духа, поправение, замыкание, общая инерция. Но опять-таки почва плодородна и может родить много неожиданного. Главный враг теперь, как, впрочем, и раньше – «бытовизм», заглушающий то, что есть живого в духовенстве.

– Ваш взгляд на состояние духовных школ в России?

– Увы, уровень очень низкий, хотя есть молодые знающие преподаватели и библиотека выросла. Но дело даже не в низком уровне знаний, а в том стиле клерикального самодовольства, который бесознательно культивируется в нашей среде.

– Откроется ли, по Вашему мнению, в ближайшие годы «на Адриатику широкое окно» в области церковной жизни?

– Весьма сомнительно, если судить по последним событиям. Но не это существенно. Существенно переосмысление внутренних

67 – Осенью 1982 года в Москве прошел процесс над распространителями христианской литературы, в марте следующего года была осуждена издательница «Христианского чтения» Зоя Крахмальникова. В начале 1983 года был произведен обыск и установлена слежка за бывшим прихожанином Новой Деревни Владимиром Никифоровым, а затем, осенью 1983 года, он был арестован. Будучи в туристической поездке в Чехословакии, он тайно принял священство у одного из опальных епископов и организовал в Москве тайную католическую общину.

проблем церковной жизни. Здесь все поросло мхом. Держится только на традиции. Старообрядческий уклон явен. А рядом с ним разлагающийся бытовизм. В итоге рост сект неизбежен. Положение будет таким долго, пока не наступит пора православного «аджорнамента». Однако в плане крутой реформы оно не пройдет. Поэтому наше положение благо для нас же. Не с чем выходить на арену⁶⁸. История Церкви всегда повторяет евангельскую историю. Христу противостояли:

благочестивые фарисеи, ревнители старых традиций
клерикалы саддукеи
монахи ессеи
экстремисты зелоты
оппортунисты, светские иродиане.

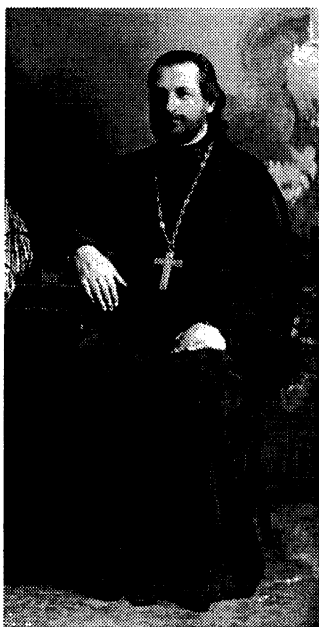
Для христианина важно понять – с кем он? Все эти группировки нашли отображение в церковной действительности.

– Ваш взгляд на канонизацию новомучеников. Нужна ли она? Для чего?

– Вопрос ставит общую проблему о канонизации. У нас она не разработана. Я не очень верю, что человеческие суждения здесь безошибочны. В календаре сотни имен людей, которых никто не канонизировал, и тех, кого канонизировали по политическим мотивам. Есть и вообще вымышленные личности. В древней Церкви мученик самим фактом смерти за Христа был канонизирован. Я думаю, что этого было бы достаточно для вопроса, который Вы ставите. Конкретно же этому акту должно было предшествовать тщательное исследование обстоятельств и судеб⁶⁹. Никакой подготовки в этом плане «карловчане» по существу не провели. И вообще это была чисто политическая акция, которая дискредитирует саму идею, повторяя старые ошибки.

⁶⁸ – Это предвидение отца Александра полностью оправдалось. Годы «перестройки» предоставили РПЦ возможность общения с массовой аудиторией, телевидение и прессу. Интерес к церковным проблемам в период с 1988 по 1990 год был небывало велик. Но возможности не были использованы. Издательский Отдел Московской Патриархии до сих пор не имеет собственной типографии, газета «Московский церковный вестник» (тираж 30000 экз.) почти не раскупается. Тираж «Журнала Московской Патриархии» также невелик, а осенью 1995 года, после назначения главой Отдела епископа Тихона Емельянова, прекратилось издание «Вестника», а «ЖМП» вновь стал издаваться в черно-белом варианте. Телепередача «Ныне», в состав которой входит и православный раздел, делается людьми, далекими от Церкви, и носит преимущественно информативный характер, рассказывая о поездках Патриарха.

⁶⁹ – Сегодня, когда, наконец, открылись архивы бывшего КГБ и ЦК КПСС, можно было бы ожидать, что будут в первую очередь опубликованы документы, свидетельствующие о подвиге новомучеников. Комиссия Священного Синода, в течение трех лет трудившаяся в архивах и возглавлявшаяся митрополитом Владимиром (Сабоданом), ныне Киевским и Галицким, не сумела добиться разрешения на передачу всех дел, когда-то сфабрикованных на российских новомучеников. Церкви по праву должны принадлежать эти докумен-

*Иеромонах
Иеракс Бочаров.
Конец 20-х годов.*

– Ваше понимание святости. Какие, на Ваш взгляд, критерии необходимо выработать для добросовестной канонизации? Каковы основные типы святости?

– В Библии святость – это всецелая посвященность человека Богу. Поэтому первохристиане называли себя «святыми». К этой святости должны стремиться все верующие во Христа. Святость в строгом смысле слова не есть, следовательно, праведность. Праведным может быть и мусульманин. Христианская святость воплощается в отдаче себя Христу, из которой праведность вытекает как следствие. Святость есть сестра веры, которая означает доверие, верность, отданность Христу.

Относительно принципов канонизации остается много неясного. Судить мне трудно. Ведь даже маститые специалисты по этому вопросу расходятся во мнениях. Я верю, что святые – это люди, которым дана харизма продолжать участие в жизни мира и по смерти. Поэтому я чту святых как своих современников и всегда молюсь им. Они наши братья и помощники, общение с которыми осуществляет

единство Церкви – небесной и странствующей.

Традиционные типы святости известны. Но могут быть и иные призвания. Уже апостол Павел указывал, что люди, посвященные Богу, имеют разные дарования, как члены тела. Вообще дело не в типе, а в духе, который излучают святые.

ты, свидетельствующие о подвиге епископов, священников, монахов, монахинь и мирян. Вторая неотложная задача – публикация с необходимыми комментариями этих документов, чтобы не только церковные историки, но и широкие круги верующих могли ознакомиться с ними. И лишь после этого можно ставить проблему канонизации тех или иных подвижников. Синод Русской Православной Церкви за рубежом (так называемые «карловчане») своим решением в 1980 году канонизировал всех российских новомучеников во главе с императором Николаем II и его семьей. Подобный акт вряд ли может быть оправдан, поскольку, согласно сложившейся традиции и решениям Собора РПЦ 1917–1918 годов, на сессии Собора было принято решение, в пункте 3 которого говорится: «Для причтения угодника Божия к лику местночтимых святых необходимо, чтобы богоугодная жизнь праведника была засвидетельствована даром чудотворения по кончине его и народным почитанием его». Пе-

→

– Правомерно ли введение в сонм русских святых Бориса и Глеба? Что это за понятие «страстотерпцы»? Действительно ли это тип святости?

– Борис и Глеб явили свою святость тем, что они предпочли умереть, но не нарушить христианского долга братолюбия. Тем самым они засвидетельствовали, что верность Евангельскому идеалу была для них превыше всего. Неважно, к какому типу святых мы их отнесем. Они фактически были мучениками за идею, за верность Христу и Его заветам.

– Не возникает ли у Вас уныния, когда вы сталкиваетесь с человеческим материалом, слепленным за последние шестьдесят лет? Мне кажется, что действительно выращен новый человек – бескорневой. Что вы думаете по этому поводу?

– Я никогда не жалел об избранном пути. Он неотделимо сросся с моим существом и сейчас так же органичен, как цвет глаз или волос. Но действительность порой внушает грустные размышления. Тем не менее я об этом почти не думаю. Дело Церкви – дело Божие, а мы призваны реализовать свои силы для Нее, не ожидая плодов. То, что нужно, – даст всходы рано или поздно. Неблестящий человеческий материал не аргумент. Раз даны такие люди, надо работать с ними. Да и не такие уж они безнадежные.

– Каков Ваш взгляд на будущее Русской Православной Церкви?

– Наша церковная практика тяготеет к стагнации и к закрытости от человеческих проблем. Она изолирует верующего от непосредственного участия в Литургии и оттесняет Евангелие на второй план (бессознательно). Превалирует обряд, который душист источник живой христианской жизни. Много языческих пережитков, которые культивируются⁷⁰. Но будущее нашей Церкви представляется мне в свете надежды. Оно связано не с отрицательными сторонами традиции, а с живым творческим потенциалом России, который есть эмпирический факт. Правда, закрытость церковной традиции для поисков может открыть путь протестантизму. Полному торжеству протестантизма препятствует – пусть порой и неосознанное – тяготение к церковно-культурному наследию прошлого.

чально, что председатель комиссии Священного Синода по канонизации митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий вслед за «карловчанами» пытается навязать Церкви канонизацию убиенного императора Николая II и его семьи, несмотря на то, что в печати постоянно публикуются отрицательные отзывы духовенства и мирян.

⁷⁰ – Сравните с более поздним высказыванием отца Александра: «Христианин... различает грань, отделяющую Предание (дух веры и учения) от «преданий», среди которых есть немало фольклорных и преходящих наслоений на религиозную жизнь (Мк. 7, 8; Кол. 2, 8)» («Символ», № 21, с. 87).

Протоиерей Александр Мень.

ЕВРЕИ И ХРИСТИАНСТВО

(Интервью, данное сотруднику, самиздатского журнала «Евреи в СССР» (№ 11, 1975) А.Шойхет).

Вопрос: В чем Вы видите причину усилившегося в последнее время притока евреев, преимущественно интеллигентов, в русскую православную церковь?

Ответ: Я не располагаю статистикой в этом отношении, да и вряд ли она вообще существует. Причина же обращения для меня ясна: это поиск высших духовных ценностей. Надо заметить, что движение к вере интеллигенции России вообще началось давно, еще до революции. Среди тех, кто внес свой вклад в «религиозный ренессанс» нашего века, было несколько евреев – философ С.Л.Франк, критик М. Гершензон, литературно-общественный деятель И.Фундаминский и др. Христианизации же евреев в наши дни способствует то, что она теперь не имеет прямой связи с национальной проблемой. Если до революции крещеный еврей автоматически становился «русским», то теперь этого нет. Слова «еврей» и «юдаист» уже больше не синонимы. Еврей-христианин не только не перестает быть евреем, но еще глубже начинает понимать смысл духовного призвания своего народа.

Вопрос: В чем же Вы усматриваете это призвание?

Ответ: Для человека, который верит Священному Писанию, это призвание относится, бесспорно, к религиозной миссии. Это не значит, что евреи более религиозны, чем другие народы. Но в силу того, что через них было дано Откровение и совершено Воплощение, этот народ навсегда посвящен Богу. Таков смысл слов, сказанных некогда на Синае: «Вы будете царством священников и народом святым». «Святым» (кодеш) – в данном случае означает посвященность Богу. Когда еврей изменяет этой посвященности, он предает себя и легко оказывается во власти темных сил. Избрание – это великая и страшная ответственность.

Вопрос: Какие трудности (объективные и субъективные) испытывают новообращенные евреи в русской православной церкви?

Ответ: Может иметь значение недостаток связи с русской национальной культурой, которой пронизаны традиции православия; хотя многие крещеные евреи, в том числе и я сам, высоко ценят ду-

ховные сокровища русской культуры: это Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Тихон Задонский и русская икона, и русская классическая литература, и передовая русская религиозная мысль. Помехой тут может служить и антисемитизм, который, к сожалению, еще не изжит в некоторых православных кругах.

Вопрос: Испытывали ли Вы его на себе?

Ответ: Пожалуй, нет. За четверть века служения церкви, в том числе семнадцать лет в духовном сане, я его непосредственно не испытывал, хотя мне известно, что некоторые из моих собратьев не свободны от антисемитских настроений. Со стороны же прихожан, которые всегда знали о моем еврейском происхождении, я до сих пор встречаю доброе отношение и даже любовь.

Вопрос: Как Вы относитесь к культу русских православных святых Гавриила и Евстратия, якобы «умученных от жидов»? Не является ли это одним из препятствий для пребывания евреев-христиан в лоне русской церкви?

Ответ: Ни одно официальное постановление православной церкви не поддержало ритуальных наветов на еврейство. На процессе Бейлиса выдающиеся православные богословы (такие, как гебраист проф. Троицкий) решительно опровергли эти измышления. Я надеюсь, что эти святые будут деканонизированы. Процессы деканонизации известны русскому православию.

Вопрос: Не могут ли служить также препятствием резкие выпады против евреев, которые есть в христианском богослужении?

Ответ: Эти тексты есть пережиток средневековых нравов. В католичестве их уже изъяли. Надеюсь, когда придет время для пересмотра православных богослужебных текстов, эти выпады и здесь будут изъяты.

Вопрос: Некоторая часть евреев-христиан, не желая отрываться от иудейских корней, продолжает совмещать христианские таинства с иудаистскими ритуалами (суббота, древнееврейская пасха и др.) Не есть ли это двоеверие? Не приводит ли это к противоречию, нарушающему религиозную цельность личности?

Ответ: В чем же тут противоречие? Каждый христианский народ, кроме религиозных праздников, имеет и освященные церковью национальные праздники, например, связанные с воспоминанием о чудесном освобождении от вражеских нашествий. Почему бы и евреям-христианам не считать праздником, скажем, день победы Маккавеев – Хануку? Замечу, что и в русской церкви чтят память мучеников маккавейской эпохи (14 августа по новому стилю). В ту эпоху, когда церковь состояла, в основном, из евреев, многие христиане считали, что крещение должно предваряться принятием иудаизма. В связи с этим в 51 году н. э. был созван собор, который постановил, что иудаистские обряды (обрезание, суббота и др.) не обязательны только для

христиан из язычников, но сохраняют прежнюю силу для евреев-христиан. Решение этого апостольского собора не отменены. Да и вряд ли можно «отменить» слова апостола. О частности, относящихся к нашему времени, я судить не берусь. Вопрос этот также подлежит соборному рассмотрению.

Вопрос: Другие еврей-христиане стремятся полностью слиться с русской православной церковью, однако, учитывая сугубо национальный характер этой церкви, не приводит ли подобный шаг всего лишь к элементарной ассимиляции через религию?

Ответ: Ассимиляция происходит и без христианизации. Последняя вовсе не есть отречение от своего народа. Приводя еврея от неверия к вере, христианство возвращает его и к Библии, то есть к традициям его отцов. Но если крещеный еврей хочет считать себя русским, это его личное дело. Принуждение здесь не должно иметь места. Во всяком случае, для христианина-еврея родство по плоти с пророками, апостолами, девой Марией и самим Спасителем – великая честь и знак двойной ответственности, как члена Церкви и как члена Народа Божьего.

Вопрос: Вряд ли иудаисты согласятся с Вашими словами, что крещение может вернуть еврея к традициям его отцов. По их мнению, еврей-христианин – абсолютный отщепенец, в то время как еврей-атеист все равно остается евреем.

Ответ: Подобная точка зрения для меня совершенно неприемлема, хотя ее происхождение мне понятно. Она – пережиток и предрассудок той эпохи, в которой, как я уже говорил, крещение всегда означало ассимиляцию. На самом же деле, еврея-христианина и еврея-иудаиста связывает не только общность национального происхождения, но и вера в Единого Бога, вера в Священное Писание, общая религиозная этика. Между тем еврей-атеисты ничем, кроме крови, с еврейством не связаны. Если же они при этом подчеркивают свое национальное самосознание, то ведь последнее может быть присуще и еврею-христианину. Об этом я тоже уже говорил.

Вопрос: Наконец, третья группа новокрещеных евреев находит выход из этих трудностей в отказе от всего национального, – как еврейского, так и русского, – и принимает католичество, считая такой путь наиболее последовательным выполнением духа заповедей Иисуса Христа. Как Вы к этому относитесь? Известно, что и многие русские (Чаадаев, Печерин, Лунин и др.) шли по этому пути.

Ответ: Мне кажется, что принятие в России католичества (как бы ни смотреть на этот шаг) лишает человека постоянного участия в церковной жизни. Не станет же он ездить каждое воскресенье в Прибалтику, где сосредоточены главные католические ценности. Правда, чем-то западная церковь, действительно, близка еврейскому сознанию, в частности, духом активности, энергии, деятельным практичес-

ким характером. Но в то же время и в Восточной церкви есть много общего с духом еврейства. В общем же, евреи-христиане, как и христиане любой национальности, должны ориентироваться не на конфронтацию церквей, а на единую Вселенскую церковь будущего.

Вопрос: В последнее время появились планы создания Еврейской Христианской церкви с богослужением на иврите. Созрели ли для этого уже возможности?

Ответ: Да, действительно, есть несколько храмов этого рода в Израиле. Эта община носит имя святого Иакова, Брата Господня, первого епископа Иерусалимского. Богослужение там идет на иврите и приближено к синагогальному. Община святого Иакова входит в католическую юрисдикцию. Имеет ли она сегодня перспективу, мне трудно судить. Строго говоря, иудаизм никогда не был монолитен, и в нем было немало различных течений. Иудаисты могут смотреть на общину святого Иакова как на одно из них.

Вопрос: Должна ли церковь, по Вашему мнению, находиться в юрисдикции одной из вселенских церквей или же представить собой совершенно автокефальную единицу, наподобие Армянской церкви?

Ответ: Конкретное место Еврейской церкви в ряду прочих церквей я предвидеть, разумеется, не могу. Убежден лишь, что она должна иметь апостольское преемство. Никакая «самодетельность» в этом отношении недопустима. Поэтому пока общины евреев-христиан немногочисленны, они должны входить в юрисдикцию одной из апостольских церквей. Их отношения между собой и с евреями-христианами различных протестантских конфессий, которые есть и в Израиле, могли бы определяться Национальным советом евреев-христиан Израиля (по типу Национального совета церквей Америки), как интегрирующей экуменической организацией, обнимающей все ев-

*Священник Александр Мень.
Март 1979 года.
Фото В. Андреева.*

рейское христианство. Со временем эти общины смогут соединиться в автокефальную еврейскую церковь.

Вопрос: Должна ли еврейская христианская церковь повторять структуру уже сложившихся христианских конфессий? Какие отвергнутые ими еврейские мотивы и ритуалы она может, на Ваш взгляд, ввести в свое богослужение? В частности, я имею в виду синагогальные напевы и мотивы, а также отставленные церковью на задний план дни памяти пророков и патриархов.

Ответ: Это вопрос второстепенный и решить его должна сама местная (еврейская) церковь. Многие еврейские мотивы вполне соответствуют христианскому духу и их, вероятно, захотят включить. Но это их дело. Напевы же во всех национальных церквях повсюду своеобразны. Здесь нет никакой унификации. Даже католики от этого отказались.

Вопрос: Считаете ли Вы перспективным диалог между русской православной церковью и руководителями еврейской общины в СССР? Какую роль в этих экуменических контактах могут сыграть православные евреи, которые по своим корням принадлежат к обеим ветвям «религии Авраама»?

Ответ: В Советском Союзе бывают контакты между русской церковью и синагогой по вопросу борьбы за мир. Больше мне по этому поводу сказать нечего. Впрочем: пожалуй, община святого Иакова или подобные ей организации, смогут, вероятно, в будущем сыграть свою роль при возникновении диалога христиан и иудаистов.

Вопрос: Христианская церковь присвоила себе наименование «Новый Израиль», тем самым подчеркнув, что отныне только ей принадлежит избрание и обетования, а еврейский народ отвергнут Богом. Как Вы на это смотрите?

Ответ: Израиль возник не как нация, а как религиозная община (кагал), и в дальнейшем он более представлял собой «церковь», нежели расу. Христианство раздвинуло границы этой «церкви», включив в нее все народы. В этом оно исполнило чаяния пророков. На вопрос, отвергнут ли с тех пор Израиль, я могу только привести слова апостола Павла: «Неужели Бог отверг народ свой? Никак. Не отверг народа Своего, которого Он наперед знал». Даже указывая на вражду подавляющего большинства иудеев ко Христу, апостол говорил, что они, тем не менее, «в отношении к избранию – возлюбленные Божии, ибо дары и призвания Божия непреложны». Хотя с приходом Христа все народы стали сынами Божиими, Израиль, как народ, по слову апостола, сохраняет свое избранничество, оставаясь сыном-первенцем.

Вопрос: Что Вы скажете о возвращении русского шовинизма в неофициальных православных кругах (журналы «Вече», «Московский сборник», «Земля»)?

Ответ: Мне всегда претил любой шовинизм, будь он русский, еврейский или китайский. А для христиан он вообще позорен. Что же

касается антисемитизма тех православных, которые именуют себя «почвенниками», то это старая песня. В любую эпоху люди не любили говорить о собственной вине, а охотнее искали разных «козлов отпущения». И нечего здесь спекулировать на православии. Именно христианство учит любить не только свой народ и свою родину, но и с любовью относиться ко всем, независимо от их веры или нации. И кроме прочего культура России, Европы, Израиля и большинства других стран строилась на основе синтеза. Шовинизм это игнорирует и тем самым подрывает ее живые творческие корни.

Вопрос: Могу ли я поделиться Вашими соображениями со своими друзьями?

Ответ: Я думаю, в нашем разговоре нет ничего секретного. Все сказанное вытекает из моих глубоких убеждений, веры и сана. Я этого никогда не скрываю.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 11

Игорь ШАФАРЕВИЧ

«Все сказанное вытекает из моих глубоких убеждений, веры и сана», – такими словами заканчивает прот. А.Мень свое интервью. Именно потому, что оно исходит от православного священника, это выступление так больно разочаровывает.

Многое в нем поражает – например, легкое и решительное отношение к христианским святыням: предложение деканонизировать святых, изменить богослужебные тексты, «когда придет время для их пересмотра». Но в то же время как обоим участникам интервью по-видимому совершенно ясно, о чем идет речь, для постороннего остается непонятным: какие же части православного богослужения предполагается изъять? Поэтому мне кажется, что трудно обсуждать этот вопрос, пока прот. Мень не изложит более конкретно свои мысли.

Здесь же я хочу поделиться своими недоумениями в связи с заключительной частью интервью: я затрудняюсь согласовать это место не только с христианским отношением к жизни, но даже хотя бы с моральными критериями среднего современного язычника.

«Что Вы скажете о возрождении русского шовинизма в неофициальных православных кругах (журналы «Вече», «Московский сборник», «Земля») – спрашивает интервьюер. И вот как прот. Мень отвечает:

«Мне всегда претил любой шовинизм, будь то русский, еврейский или китайский. А для христиан он вообще позорен. Что же касается антисемитизма тех православных, которые именуют себя поч-

венниками, то это старая песня. В любую эпоху люди не любили говорить о собственной вине, а охотнее искали разных «козлов отпущения». И нечего здесь спекулировать на православии».

Итак, прот. Мень не только соглашается с А.Шойхетом по поводу шовинизма, но еще от себя прибавляет обвинение в антисемитизме. В чем же проявляется шовинизм и антисемитизм этих журналов? Быть может, такие взгляды открыто провозглашены их редакторами? Насколько мне известно – нет. Или этот вывод можно сделать из определенных помещенных в них статей? – тогда хорошо бы указать – из каких именно. Я отнюдь не хочу сказать, что готов подписаться под любой статьей из названных в интервью журналов. Но, казалось бы, элементарная корректность требует формулировать обвинение так, чтобы его можно было проверить. А это интервью так печально напоминает стиль «отрицательной характеристики общественных организаций»: «будучи за границей, проявил политическую невыдержанность» – а там пусть сам доискивается, что это значит: спекуляция валютой или посещение кино без разрешения.

Но и это еще не самое печальное в интервью. Из трех упомянутых в нем журналов, два («Московский Сборник» и «Земля») не смогли выпустить более одного номера и о каком-либо их направлении говорить невозможно. Поэтому всерьез замечания прот. Мень могут относиться только к журналу «Вече», – а его редактор Владимир Осипов приговорен к восьми годам заключения. Он православный и, думаю, мог бы высказать какие-то аргументы в защиту линии своего журнала, защититься от упрека в том, что он спекулирует на православии. Но сейчас – он в мордовских лагерях и, как сообщает «Хроника», после конца работ его еще таскают на допросы. Он не может даже узнать об этих обвинениях, тем более – ответить на них. Неужели прот. Мень считает возможной дискуссию в столь неравных условиях?

ПРИЛОЖЕНИЕ № 12

ПО ПОВОДУ ОТКЛИКА НА ИНТЕРВЬЮ

(Ответ И.Шафаревичу)

Глубокоуважаемый Игорь Ростиславович!

Мне было передано, что у Вас вызвали недоумения некоторые мои высказывания. Это вполне естественно: беседа была краткой и не претендовала даже в малой степени исчерпать проблему. Суть Ваших возражений, как мне сказали, сводится к трем пунктам.

© Михаил Мень.

1) Почему я считаю в принципе возможным какое-либо изменение в богослужебных текстах?

2) Почему я упоминаю о деканонизации как о чем-то допустимом для православного сознания?

3) Имею ли я моральное право критически высказываться о взглядах, если некоторые лица, их разделяющие, находятся сейчас в тяжелых обстоятельствах?

Считаю своим долгом дать пояснения, которые, как мне кажется, в данном случае необходимы.

1) Я лишь высказал надежду, что некоторые выражения в богослужении Великой Пятницы будут изменены в евангельском духе. Имею ли я право на эту надежду? Я не являюсь специалистом по литургике. В этой обширной области куда более компетентную консультацию мог бы дать Вам такой общепризнанный авторитет, как проф. Ленинградской духовной академии Н.Д.Успенский или его московские коллеги. Однако и те источники, которые мне приходилось в свое время изучать, достаточно ясно показывают, что на протяжении веков богослужение постоянно претерпевает изменения. В древней Церкви даже Литургия, даже евхаристический канон в поместных общинах были различны. Тем более это касается второстепенных текстов (тропарей, стихир, акафистов и пр.) и молитв. Многие средневековые епископы, монахи, священники и миряне слагали новые богослужебные песнопения, и они включались в чинопоследование, а кое-что полностью исчезало (например, евхаристические молитвы Дидахе или Ипполитова Предания). То, что сегодня называем Литургией св. Иоанна Златоуста или св. Василия Великого, сложилось окончательно куда позднее их времени. (Отсылаю Вас к соответствующим работам Н.Д.Успенского и к более ранним – А.П.Голубцова). В Русской Церкви пересмотр богослужебных книг осуществлялся не один раз. В начале текущего столетия производился последний по времени пересмотр Миней. Эту работу проводил архиеп. Сергей Страгородский, будущий патриарх. Есть изменения и в службе других православных Церквей. Так, греки в наши дни опускают ектении об оглашенных. (В нашем же богослужении устранены все тексты, связанные с монархией).

Причины всех подобных перемен ясны. Богослужение отражает жизнь церковной общины, а поскольку она не может оставаться неизменной, это сказывается и на текстах. Перед самым Всероссийским Собором 1917–1918 годов среди епископата и клира собирали письменные пожелания относительно литургических реформ, и Синод не видел в этом ничего противоцерковного. Позднее мысль о преобразованиях была дискредитирована порочной практикой «обновленцев». Но никакие злоупотребления не могут быть аргументом самого принципа. О конкретных сторонах дела я не говорю, поскольку

ку в настоящее время вопрос об очередном пересмотре не ставится (впрочем, реформы фигурировали в качестве тем Всеправославного Совещания 1961 года и позднее). Подробнее Вас может ввести в курс дела отец С.Желудков, который давно занимается проблемой реформы текстов и чинопоследований.

2) О деканонизации. Что такое канонизация, причисление к лику святых? Это церковное признание общиной святости того или иного подвижника. Однако есть редкие исключения, когда взгляды Церкви могут меняться. Так было, например, с княгиней Анной Кашинской, канонизация которой была признана недействительной. То, что впоследствии это решение было вновь пересмотрено, не меняет дела в принципе. Даже решения поместных Соборов могут аннулироваться другими Соборами. (В частности в XVII веке Собором были наложены «клятвы» на старообрядческое богослужение, а последний Собор¹ отменил их.) В истории канонизация иногда производилась на спорных основаниях (в частности политических). Достаточно просмотреть «Историю канонизации» Е.Голубинского. Итак, суждение Церкви как народа Божия не есть нечто застывшее и может претерпевать перемены.

3) Что касается третьего вопроса, то боюсь, что вы невнимательно прочли мои слова. Я не упоминал и не имел в виду конкретные периодические органы или отдельных лиц, а – лишь определенную тенденцию (именно – крайний национализм). И если она выражена у людей, которые сейчас находятся «в скорбных обстоятельствах», то сама ее суть от этого не становится иной. Критикуемые мной взгляды исповедует немало из тех, кто вполне процветает и числится в различных художественных, писательских и научных организациях.

Я еще и еще раз должен подчеркнуть, что отвергаю не, патриотизм, а шовинизм. Я не только ценю и люблю Церковь, культуру и страну, в которых вырос и сформировался, но и думаю, что слово Родина-мать – не только фигуральное выражение. Каждый из нас в какой-то мере дитя своей среды, общества, природы, культурного наследия. Это всегда остро чувствуют эмигранты. Тем не менее в этом вопросе христиане должны помнить об опасности идолопоклонства. Ничто не должно превращаться в культ, даже отеческое наследие. Борьба с шовинистическим инстинктом – долг христианина. Он особенно важен, если учесть, что шовинизм отравляет здоровую любовь к отечеству ненавистью и презрением к другим народам. Такие чувства, увы, легко укореняются, что, как известно, ведет к трагическим последствиям.

Подлинный патриотизм силен своей широтой и открытостью. От того, что Пушкин был воспитан под сильным французским влияни-

¹ – Имеется в виду Поместный Собор РПЦ, состоявшийся в 1971 году. – С.Б.

Вечер памяти отца Сергия Желудкова. Слева направо – С.Зик, Юлий Шрейдер, священник Александр Мень, С.Бычков. Фото С.Бессмертного.

ем и что в его жилах текла кровь эфиопа, он не перестал быть великим русским поэтом. Принадлежность в Израилю не помешала св. Павлу стать «апостолом народов».

Открытость к другим культурам была одной из черт России: мы находим ее у Дмитрия Ростовского и Тихона Задонского, у Чаадаева и Вл. Соловьева, у Тургенева и Толстого. Шовинист же запирается на замок, прячет свое достояние и в результате создает лубочно-искусственный образ Родины, которая наполовину существует в его воображении. Этот недуг прекрасно показал Р. Тагор в своем известном романе «Гора». Упрощенная схема: раз наше – значит хорошее, – есть не патриотизм, а ослепление. Не тому учит нас Библия (кстати, пришедшая с Востока, но ставшая неотъемлемой частью европейской культуры). Пророки, будучи горячими патриотами, не льстили соотечественникам, не замалчивали грехов народа. И так они поступали именно потому, что его судьба была для них небезразлична.

С уважением протоиерей Александр Мень.

ПИСЬМО СВЯЩЕННИКУ АЛЕКСАНДРУ МЕНЮ

Давно, отец Александр, наблюдаю я за Вашей деятельностью. Вы не знаете меня, да и не видел я Вас до последнего времени, хотя слышу о Вас уже много лет. Я знал, что Вы являетесь крещенным евреем и служите православным священником. Такое сочетание несколько не смущает меня, как и любого православного человека, потому что антисемитизма нет в самой природе православия. Но вот, сначала случайно, а потом специально знакомясь с Вашими статьями, крупными работами и действиями, я обнаружил в Ваших словах и делах такое, что никак не совместимо ни с Вашим положением в православной церкви, ни с подлинной любовью к еврейскому народу. Отношусь я к Вам с искренней отеческой попечительностью и не стал бы писать это письмо и заботиться о его распространении, если бы сама Ваша деятельность, в конце концов, не вынудила меня на это.

Не взывайте, отец Александр, придется объясниться с Вами по-настоящему.

Ибо дело-то не столько в Вас как в Богозданной личности, сколько в тех видимых и невидимых силах, которые управляют Вами. Условное собирательное имя этим силам – с и о н и з м.

Условным я называю это имя потому, что на самом деле гора Сион-гора святая, Божия.

Но названием этой горы воспользовались для обмана непосвященных силы глубоко враждебные Богу и всякой Его святине, и самому еврейскому народу. Прячась за святые имена и понятия, сионисты хотят обмануть не только «гоев», т.е. всех не евреев, но прежде всего свой собственный еврейский народ. Сионизм есть ни что иное, как практическое осуществление тайных стремлений религии талмудического иудаизма.

Современный иудаизм – это не просто одна из религий одного из народов земли... Духовная сущность иудаизма достаточно определенно раскрыта в Евангелии. Об иудеях, которые упорно не желали уверовать в Иисуса Христа (распятого и Воскресшего) как в обетованного Мессию, Сына Божия, пришедшего во плоти, Сам Господь Христос сказал: «Если бы вы были дети Авраама, то дела Авраамовы делали бы. А теперь ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога; Авраам этого не делал. Вы делаете дела отца вашего... если бы Бог был ваш отец, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел... ваш отец диавол; и вы хотите

исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине; ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне» (Ин. 8, 39–45).

Итак, слово об иудаизме, не признающем Христа Сыном Божиим и истинным Мессией, сказано: «Ваш отец диавол». И прибавлено: «Се оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23, 38). «Дом» в смысле слов Священного Писания – это прежде всего церковь, в данном случае – иудаистская церковь.

Известно, что на протяжении истории в определенных кругах Израиля еще до пришествия Христа Спасителя началось (сперва духовно) поклонение диаволу, как затем это поклонение князю тьмы стало вполне определенным и сознательным. Правда, такое сознательное диаволопоклонство было и остается уделом весьма немногих особо «посвященных» духовных вождей и учителей Израиля. Для остального еврейского народа считается достаточным только то, чтобы этот народ не верил Христу Распятому и Воскресшему. А во всем прочем – пусть себе думает, что поклоняется Богу Авраама, Исаака и Иакова и чтит закон Моисеев (который, впрочем, в корне извращен в толковании талмудического иудаизма).

Так, под видом религии Ветхого Завета, под видом поклонения Единому истинному Богу удалось создать скрытое поклонение диаволу, сатане, или «люциферу», как его иногда называют.

Иудаистским учителям приходилось всячески изощряться во лжи, чтобы почти 2000 лет держать массы еврейского народа в неведении об истине. О, разумеется, дух скрытого поклонения диаволу не мог не сказаться на сознании, духовной жизни, поведении, общественных стремлениях как воспитанного в иудаизме еврейского народа, так и тех народов земли, среди которых оказался рассеян еврейский народ после распятия Иисуса Христа.

Обманутым евреям внушалось, что Божии обетования, сказанные в Ветхом Завете, до сих пор сохраняют свою силу по отношению к этому народу, что ничего не изменилось в древней вере Израиля, что он по-прежнему – Богоизбранный народ...

При этом иудаизм тщательно скрывал и продолжает скрывать от еврейского народа, что в глубине этой религии совершается поклонение не Богу Авраама, Исаака и Иакова, а диаволу.

Для православия эта тайна иудаизма – давно уже не тайна.

Почему иудаизм обманывает еврейский народ? Потому что для диавола особенно важно именно еврейский, в древности действительно Богоизбранный народ (а через него по возможности все прочие народы) отвратить от Бога истинного и сделать народом – богопротивником. (это называется – на святом месте утвердить «мерзость запустения» (Дан. 9, 27).

Поэтому современный иудаизм и возникший на его основе сионизм – злейшие враги в особенности еврейского народа, а затем и всех народов мира; для сионизма «интересы еврейского народа», которые он якобы выражает и защищает – только демагогическая ширма для прикрытия своих истинных целей – привести Израиль и другие народы к полной духовной (да и физической) гибели.

В плане этих целей важнейшей задачей сионизма и вдохновляемых им различных организаций, вроде масонства и иных «тайных» и явных обществ, является приведение еврейского народа и по возможности всего человечества под власть а н т и х р и с т а, который воцарится в Израиле как «мессия».

Об этом лжемессии, его духовных приметах и признаках известно очень много. Достаточно только вспомнить слово Христа Спасителя: «Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете» (Ин. 5, 43).

Вот этот «иной», приходящий «во имя свое» как земной владыка Израиля и сего мира, и есть тот «мессия», которого ждут сионисты и пришествие которого они деятельно сейчас готовят. Это и есть антихрист.

Для подготовки его пришествия и для того, чтобы человечество ему поверило как достойнейшему политическому вождю и руководителю, сионизм использует различные средства. Во-первых, это попытки сосредоточить в руках сионизма основное золото мира и основные рычаги управления мировой экономикой и политикой; во-вторых, это умышленное создание в мире всяческой неустойчивости (политической, экономической, нравственной и т.д.); в-третьих, это подрыв во всех народах доверия к своей национальной государственной власти, чтобы запутавшиеся в бесконечных «проблемах» народы с радостью приняли израильского «мессию», который как будто окажется способным устроить всех и все. Наконец важнейшей задачей сионизма является борьба с христианством, прежде всего – с православием как наиболее верным хранителем Евангельской истины.

Борьба с православием представляется особенно необходимой для сионизма еще и потому, что в последнее время все больше ищущих интеллигентных людей, в том числе евреев по национальности, стали находить полноту духовной истины и правды именно в Православии, крестятся и становятся сынами и дочерьми Православия. Ибо Православной вере чужд антисемитизм. Наше церковье знает, что есть «подлинные израильтяне, в которых нет лукавства» (лжи – Ин. 1, 47) и есть «те, которые говорят о себе, что они иудеи, а они не таковы, но сборище сатанинское»¹ (Откр. 2, 9).

Православная церковь приемлет людей без различия их национальности, и люди обретают здесь и полноту неискаженного верования, и единственно верный образ жизни в Боге, по вере.

¹ – По-гречески – «синагога сатаны» (прим. читателя).

Поэтому сионизм особенно заинтересован иметь в Православной церкви своих «постовых», которые встречали бы людей, искренне идущих к Истине и... провожали бы далеко в сторону от нее, стараясь уверить, что ведут их верно, именно к Православию.

Задача таких «постовых» – под видом правды проповедовать ложь, под православной оболочкой наполнять души людей угодными сионизму взглядами и настроениями.

Таким «постовым» сионизма а Православии и являетесь Вы, отец Александр. Это Ваше конкретное место в многосложной и многообразной системе сионизма. Эта Ваша давняя, продуманная и добровольно на себя взятая миссия. Мне известно, что Вы сами это хорошо знаете.

Прежде чем рассмотреть Вашу духовную сущность и способы действия, несколько слов об особых, чисто религиозных средствах сионизма в его интригах против Православия.

Первое средство можно назвать «негативным». Это всяческое разоблачение Православия. Здесь не последнее место занимают попытки доказать необходимость объединения Православия с католицизмом, которое мыслится не просто как добрые отношения Церквей, а как проникновение католического духа, образа мышления и жизни в среду православных. За последние годы между сионизмом и властями Католической Церкви возник самый тесный союз. Это в значительной мере объясняется не только «двойной игрой», которую они ведут друг с другом, но и некоторой духовной общностью. К примеру, католическая церковная политика ориентируется на приобретение всемирного духовного господства. Это прямо вытекает из некоторых существенных черт католического мировоззрения – стремление к высшей деятельности в мире, к влиянию на ход чисто мирских дел, к мировому могуществу.

Заразить православных католическими настроениями – значит возбудить в них дух внешней активности, жажду политической борьбы, участие в суете чисто мирских дел. Для чего это нужно, станет ясно из дальнейшего содержания данного письма. А пока отметим одно существенное Ваше, отец Александр, высказывание. В своем интервью самиздатовскому журналу «Евреи в СССР», о котором будет речь у нас отдельно, Вы откровенно заявили, что «западная» (католическая) церковь действительно близка еврейскому (читай – сионистскому) сознанию, в частности, духом активности, энергии, деятельным практически «характером». Как это ни покажется странным с первого поверхностного взгляда, но сионизм и католицизм в этом пункте действительно обрели некоторое духовное родство. Но попытка внедрить в Православие такой же дух «активности» имеют и свой особый расчет: если Марии (Православию) сообщить Марфино (католическое) состояние Суеты, то «благая часть» отнимается от Марии (Лк, 10, 42)...

«Позитивные же религиозные средства, которыми пользуется сионизм, сводятся к следующему: людям усиленно внушается, что современный еврейский народ (из-за иудаистского обмана по-прежнему отвергающий истинного Христа, все-таки остается богоизбранным, а значит (в толковании сионистов) призванным свыше к мировому господству.

Однако после распятия Христа богоизбранность более не принадлежит еврейскому народу как нации. Богоизбранность осталась во Христе для тех, кто подлинно в Нем и с Ним, без различия нации, т.е. в Церкви Христовой. Богоизбранный народ – это теперь Церковь Христова... Отсюда Палестина, как место жительства современного Израиля, давно уже не обетованная земля, а только древний прообраз ее. Обетованная земля в действительности – это Царство Небесное, Божие. И город Иерусалим с горой Сионом (не как места, связанные с событиями священной истории, а как столица современного иудаизма и сионизма) – это давно уже не возлюбленный Богом город. Град Божий – это теперь Иерусалим Небесный, на «новой земле», под «новым небом», как вечное царство праведников, возведенное Богом в Откровении (Откр. 21, 1–27). А современный Иерусалим как центр христоненавистнического иудаизма Бог называет «духовно – Содомом и Гоморрой, где и Господь наш распят» (Откр. 11, 6).

Все это и многое другое хорошо известно Православию. Так что требуется особая изощренность во лжи, чтобы здесь вести разлагающую деятельность.

И тем не менее Вы взялись за такую деятельность.

...Прикрываясь превратным толкованием слов Апостола Павла, Вы признаетесь, что не перестаете считать, что «Израиль как народ сохраняет свое избранничество, оставаясь сыном -первенцем». Вот это самое желанье остаться все-таки первенцем и выдает Вас, отец Александр. Вы заявили его в интервью сионистскому самизда-товскому журналу «Евреи в СССР». Оно было опубликовано в этом журнале за № 11 за 1975 год и распространено отдельным текстом.

В этой беседе с сионистским представителем Вы сообщили те черты и штрихи своему духовному портрету, которые делают его законченным и позволяют выставить для всеобщего обозрения. Это и придется сделать, тем паче, что здесь хорошо раскрываются некоторые уловки, к которым прибегают антиправославные силы.

Вы беседуете с корреспондентом-сионистом как искренний брат. Вы оба отлично понимаете друг друга и вполне удовлетворены беседой. Сионист задавал Вам удивительно точные (математически!) вопросы. Они были направлены к выяснению самых важных для сионизма предметов: отношения современного русского Православия к сионизму, возможности использования еврейской интеллигенции, приходящей к Православию, в сионистских интересах, а также воз-

возможности отвода евреев-христиан от Православия под видом создания особой независимой еврейской христианской церкви.

По всем пунктам Вы вполне «успокоили» сиониста. Сионизм при определенных условиях может проникнуть в Православие – таков смысл Ваших ответов по одной из затронутых проблем. Евреям, искренне стремящимся ко Христу Иисусу, можно не дать возможности быть подлинно во Христе посредством причастия к настоящему Православию: можно и нужно создать для них особую независимую (читай – от Христа независимую) церковь, которая должна быть одним из филиалов иудаизма, – таков смысл Ваших заявлений по другой группе вопросов.

Вас спрашивают, в чем Вы усматриваете особое религиозное призвание еврейского народа? Вы отвечаете: «В силу того, что через них (евреев) было дано Откровение и совершено Воплощение, этот народ навсегда посвящен Богу». Следует выдержка из Священного Писания Ветхого Завета о древнем Израиле: «Вы будете царством священников и народом святым». Вы поясняете, что «святым» – значит посвященным Богу и говорите: «Когда еврей изменяет этой своей посвященности, он предает себя и легко оказывается во власти темных сил».

Однако все дело в том, какие силы Вы считаете «темными», а какие – «светлыми»? Какому Богу кланяетесь Вы, отец Александр, и какому Богу посвящен навсегда, по Вашему мнению, еврейский народ?

Вас спрашивают, созрели ли возможности для создания особой независимой еврейской христианской церкви (попытки к чему уже предпринимаются в Израиле, где возникают христианские общины с богослужением, близким синагогальному на иврите, вроде «общины св. Иакова»? Вы отвечаете: «Строго говоря, иудаизм никогда не был монолитен, и в нем было немало различных течений, и иудаисты могут смотреть на общину св. Иакова как на одно из них».

У Вас, отец Александр, такие слова – не «дипломатический ход», тут Вы проговариваетесь о самом важном. Для Вас, оказывается, Христианство является одним из течений иудаизма, о чем Вы в другом месте говорите так: «Христианство раздвинуло границы этой (иудейской) церкви, включив в нее (т.е. в иудаизм) все народы».

При этом современный иудаизм Вы не отделяете от веры Ветхозаветного Израиля, утверждая, что «еврея-христианина» и «еврея-иудаиста» (в наши дни!) связывает не только общность национального происхождения, но и вера в единого Бога, вера в Священное Писание, общая религиозная этика». Современное христианство и современный (отвергающий Иисуса Христа) иудаизм для Вас – равноправные ветви одной и той же «религии Авраама».

Послушайте со вниманием, что говорит Господь Христос: «Кто не чтит Сына, тот не чтит Отца, прославившего Его» (Ин. 5, 23): «Вся-

кий, слышавший от Отца и научившийся, приходит ко Мне» (Ин. 6, 46, Ис. 54, 13); «Я и Отец – одно» (Ин. 10, 30). После того, как были сказаны эти последние слова, неверующие «иудеи опять схватывали камень, чтобы побить его». «Видевший Меня видел Отца во Мне» (Ин. 14, 9–10); «Принимающий того, кого Я пошлю, Меня принимает, принимавший Меня принимает Пославшего Меня» (Ин. 13, 20).

Иудеям, не верующим Ему, Христос свидетельствует: «Вы не знаете ни Меня и ни Отца Моего» (Ин. 8, 19); «Если бы Я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха; а теперь не имеете извинения в грехе своем. Ненавидящий Меня ненавидит и Отца Моего» (Ин. 15, 22–23); «Кто не пребудет во Мне, извергается вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Ин. 15, 6).

Все это означает, что такой отсеченной и засохшей ветвью является Израиль, не принявший Христа и не принимающий Его до сих пор, а следовательно – не принимающий и Единого Отца и поклоняющийся не Ему. А кому, – указал Сам Спаситель Христос и Единый Истинный Бог, назвавший отцом иудаистов – диавола, а самих иудаистов – «сборищем сатанинским», о чем уже было сказано.

Таким образом совершенно очевидно, что у современного иудаизма нет и не может быть ничего общего ни с религией Авраама, ни с христианством. Иудаизм в корне враждебен и вере праотцов еврейского народа по плоти, и христианской вере.

Вы не новичок в Церкви, отец Александр, и прекрасно знаете текст, приведенных здесь мест Евангелия, наверное, наизусть. Значит, когда Вы объединяете в своем толковании Единого Бога христиан и древнего Израиля с «богом» современного иудаизма–диаволом, то Вы делаете это умышленно, заведомо смешивая свет с тьмой. Но даже если предположить, что такое объединение получается у Вас невольно как результат совершенно искреннего представления, то это тем паче оказывается Вашей распиской в том, что и лично Вашим «богом» является не Христос, но БОГ Авраама, Исаака и Иакова... Только при таком условии у Вас в душе и в сознании могло оказаться чувство и представление Вашей веры с религией и «религиозной этикой» современного иудаизма. Вот ведь в чем дело, отец Александр!

Теперь ясно, какому «богу» у Вас «навсегда посвящен» Израиль, и какие силы являются для Вас «темными», а какие – «светлыми».

Тьма для Вас, отец Александр, – это традиционное русское святоотеческое Православие во всех тех зрелых формах, какие оно достигло в процессе живого исторического развития. «Просветить» такое Православие, а точнее – разложить и разрушить его, и является Вашей задачей.

Если под маской Ветхозаветной веры в Единого Истинного Бога оказалось возможным создать скрытое поклонение сатане, то по-

чему бы не попробовать устроить то же в христианстве?! Однако без обмана, без подлогов тут не обойтись. И Вы их совершаете.

Вас осторожно спрашивают, нельзя ли уже теперь евреев, приходящих к Православию, как-нибудь все же удержать в иудаизме (хотя форма этого вопроса была иная). Без колебаний Вы отвечаете утвердительно. Можно, как бы говорите Вы – если внушить православным евреям, что они могут не отречься от обрядов и религиозных обычаев иудаизма.

Вы утверждаете, что с точки зрения Православия – это – да вполне допустимо, что крещенные евреи, наряду с христианскими обрядами, должны сохранять «обрезание, субботу и др.» При этом Вы ссылаетесь на решение Собора Святых Апостолов в Иерусалиме в 51 году, который, по Вашим словам будто бы постановил, что «иудейские обряды... не обязательны только для христиан из язычников, но сохраняют свою силу (!) для евреев-христиан. Решения этого собора не отменены. Да и вряд ли можно «отменить слова Апостолов» – заявляете Вы.

Но такого решения указанный собор никогда не принимал. Этот собор очень хорошо описан в 15 главе «Деяний Святых Апостолов».

Разрешая спор о том, следует ли обрезать приходящих к вере во Христе язычников и принуждать их соблюдать закон Моисеев, Апостол Петр отметил, что Бог даровал язычникам Духа Своего, «как и нам; и не положил никакого различия между нами и ими, верую очистив сердца их». Апостол отметил далее, что иго закона Моисеева «не могли понести отцы наши, ни мы», и что «мы (Апостолы) веруем, что благодатью Господа Иисуса Христа спасаемся, как и они». Святой Апостол Иаков добавил, что «Бог первоначально призрел на язычников, чтобы составить из них народ во имя Свое», потому что так пожелал Бог воссоздать «скинию Давидову падшую и то, что в ней разрушено» (в Израиле). Было постановлено «не затруднять язычников-христиан исполнением закона Моисеева». При этом о евреях, желающих в христианстве сохранять иудейские обычаи не сказано ничего! Замечено лишь, что закон Моисеев имеет проповедующих и читается в синагогах каждую субботу. В контексте деяний этого Собора и всего Апостольского учения это значит, что Апостолы не возбраняют соблюдать иудаистские обычаи тем евреям, которые привыкли к ним, но никак не вменяют этого в обязанность христианам-евреям и не считают эти обряды имеющими спасительную силу.

Ибо по прямому смыслу апостольских слов и соборного решения, во-первых спасение признается как для евреев, так и для язычников, только через Христа Иисуса и благодать Святого Духа, а обычаи и законы Моисеева тем самым оказываются уже излишними, т.к. в Себе и Собою Христос исполнил весь закон.

Во-вторых, евреи-христиане и христиане-язычники признаются совершенно равными. Никакой «двойной ответственности» и ника-

кого «первенства», с которых Вы, отец Александр, толкуете, за евреями не признается ни в данном соборном решении, ни в других текстах Нового Завета.

Напротив, утверждается на основе пророчеств Ветхого Завета и знамений Божиих, что разрушенная иудаизмом скиния Давидова воссоздается путем привлечения к Истине через Иисуса Христа людей из всех народов.

Это означает, что богоизбранность и «посвященность Богу» уже не принадлежат ни еврейскому народу, ни какому-либо другому народу (как нации), но – Телу Христову – Церкви, состоящей из представителей всех народов земли.

Все это вы, отец Александр, прекрасно знаете. Зачем же извращаете смысл деяний апостольского Собора, которых, конечно, никто отменить не может? Зачем же обманываете прежде всего свой собственный еврейский народ?

То, что у Вас это не случайная ошибка, а сознательный обман, видно из того, что Вы в том же духе извращаете смысл другого новозаветного текста – II главы из Послания Святого Апостола Павла к Римлянам.

Вы вырываете из смыслового контекста учения Апостола Павла следующие слова: «Неужели Бог отверг народ свой? Никак... в отношении к избранию (евреев) возлюбленные Божии... ибо дары и призвания Божии непреложны». Оставляя эти слова без всяких пояснений, Вы делаете нужный Вам и сионизму вывод о том, что современный Израиль как народ несмотря на то, что он продолжает в полноте своей не принимать Христа Иисуса (!), остается «избранным народом», «народом Божиим». Отсюда у Вас выходит, что еврей-христианин несет людям якобы двойную ответственность как «член Церкви и как член народа Божия». Иными словами, наряду с Церковью – телом Христовым – у Вас оказывается еще один «народ Божий – евреи как нация», хотя Вы и утверждаете, что «Израиль возник не как нация, а как религиозная община (кагал)».

Однако по смыслу слов Апостола Павла в этой главе и многих других местах его посланий народом Божиим является один единственный «народ» – живое дерево Церкви как Тела Христова, которое «составляем мы, многие» (Рим. 12, 14). Это та живая «маслина», от которой засохшие ветви – неверующие во Христа иудеи – отсечены, а привиты ветви «дикой маслины» – бывшие язычники. Так что «ожесточение произошло в Израиле отчасти, до времени, пока войдет полное число язычников». Куда войдет? В Израиль как нацию? Нет! – в Тело Христово – Церковь... и так весь Израиль спасется» (Рим. 11, 25–26).

Следовательно, здесь (как и во многих других местах) Израиль понимается Апостолом не как нация, не плотики, а как Церковь Христова, духовно. Значит, и обетования, и избрание относятся к Духов-

ному «Израилю», который (потому что понимается именно ДУХОВНО как истинная Скиния и Церковь Божия), может, оказывается, быть ВОСПОЛНЕНА ЯЗЫЧНИКАМИ, ибо большая часть плотского Израиля отвергалась Истинного Бога и Христа Его, Распятого и Воскресшего.

Апостол предупреждает бывших язычников от гордости, чтобы не превозносились плотью, и не считали еврейскую плоть чем-то худшим по сравнению с собой. Ибо во Христе ВСЕ РАВНЫ. «Здесь нет различия между иудеем и эллином» (в другом месте говорится, что в Церкви нет больше ни скифа, ни варвара, ни эллина, ни иудея).

Апостол Павел говорит: «А Исайя провозглашает об Израиле: «Хотя бы сыны Израилевы были числом, как песок морской, только остаток спасется».

Вот об этом-то остатке, который может спастись через обращение ко Христу Иисусу, Апостол и говорит: что они – «в отношении к избранию возлюбленные Божии РАДИ ОТЦОВ». Эти два последний слова Вы, отец Александр, не случайно исключили из цитаты данного места у Апостола. Ибо отцы древнего Израиля жили верой во Христа Истинного, Который, как им было известно от пророков, должен был прийти именно тогда, когда приходил, и ПОСТРАДАЛ В ИЗРАИЛЕ за грехи мира.

Апостол Павел учит, что избра...ичество и обетования относятся только к тем, кто спасается ВЕРОЙ в Иисуса Христа, а не «ДЕЛАМИ ЗАКОНА». По словам Апостола, не принявшие Христа иудеи, «усиливаясь поставлять собственную праведность,... не покорились праведности Божией. Потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего» (Рим. 10, 3).

Таким образом, по учению Апостола Павла, нет двух разных богоизбранных общностей – Церкви Христовой и Израиля как народа во плоти, но есть только один Богоизбранный народ – Христианская Церковь, и чтобы к Ней обратились сродники Апостола по плоти евреи, он готов и души своей не пощадить, потому что он знает, что в противном случае они останутся отсеченными ветвями, несмотря на свое плотское происхождение. При этом горячая любовь Апостола Павла к «сродникам по плоти» никогда не выше его любви к Церкви, состоявшей в его времена в основном из язычников, и сам он «Апостол язычников».

Со времен Апостола Павла прошли века. Бывшие некогда «дикими» (по происхождению от язычества) «ветви» от разных народов, возрастая на «благородной маслине» Тела Христова, давно стали – одно с Ним. Так что теперь это уже целиком одна благородная маслина.

А иудаизм, обманывающий евреев, за это время успел и «засохнуть», и «одичать», так что пребывающие в иудаизме и неверии евреи наших дней – это одичавшая и бесплодная маслина. Теперь, что-

бы стать благородной, этой маслине придется прививаться к маслине Христианской Церкви также, как некогда прививались язычники.

Поэтому для современного еврея важнейшим условием истинного обращения ко Христу должен быть решительный отказ от всякой мысли о своей богоизбранности («двойной ответственности») по признаку плотского происхождения и смиренное покаянное чувство, что он уже не может называться сыном Отца Небесного, но просит принять его хотя бы в число работников Своих...

Так учит знаменитая притча о блудном сыне. В таком случае, без всякого сомнения, Бог вернет такому израильтянину сыновство с любовью. Но прощенный сын теперь, в свою очередь, должен будет с любовью разделить свое сыновство с теми, кого Господь за веру и преданность Ему из работников давно благоволил сделать сынами Своими, и не только по благодати, но и по плоти и крови в прямом и высшем смысле этих слов, ибо Церковь из бывших язычников давно питается и пропитана Телом и Кровью первенца Израилева – Господа Иисуса Христа через таинство Причащения. Поэтому Церковь справедливо называется Новым Израилем. Здесь никто ни перед кем не имеет и не может иметь преимущества по происхождению, ибо «всех Бог заключил в непослушание, чтобы всех помиловать».

Вот в чем состоит подлинный смысл текста 11 главы Послания к Римлянам.

Вы же, отец Александр, извратили этот смысл в угоду тому самому «шовинизму», который, как Вы на словах утверждаете, «претит» Вам, «будь он еврейский, русский или китайский...»

Подлинно «претит» Вам, оказывается, совсем другое – верность Православия Господу Иисусу Христу, о чем Вы сами свидетельствуете с поразительной откровенностью!

Сионист спрашивает Вас: «Как Вы относитесь к культам православных святых Гавриила и Евстратия, якобы «умученных от жидов»? Не является ли это одним из препятствий для пребывания евреев-христиан в лоне Русской Православной Церкви?»

Прежде чем передать Ваш ответ, приведем краткую справку.

Преподобный Евстратий был иноком Киево-Печерского монастыря, где особенно прославился постничеством. Во время набега на Киев половцы в числе других русских угнали Евстратия в плен и затем с несколькими христианами продали в рабство одному еврею в Херсонесе Таврическом. Этот человек оказался фанатиком-иудаистом. Желая склонить своих рабов к отречению от Христа, он морил их голодом. Все, кроме Евстратия, умерли. Тогда в праздник Святой пасхи 1097 года фанатик распял Евстратия на кресте. Мощи мученика были затем засвидетельствованы Богом как чудотворные. Этому святому память бывает дважды в год и один раз положена служба с полиелеем.

Святой мученик Гавриил был шестилетним мальчиком и жил в деревне Иверки – Гродненской губернии. Арендатор этой деревни, тоже фанатик иудаизма, похитил мальчика и зверски умертвил его вместе со своими единомышленниками. Убийцы потом были уличены, осуждены по закону, а мощи Гавриила были найдены нетленными и тоже получили от Бога особую благодатную силу. Святой Гавриил пострадал в 1690 году.

Есть ли в обстоятельствах гибели этих святых что-нибудь анти-еврейское? Нет! Речь идет о жертвах религиозного фанатизма, наличие которого в иудейской среде не отрицаете и Вы, отец Александр, когда говорите, что и еврейский шовинизм вам претит... почему бы Вам в таком смысле и не ответить сионисту?

Но Вы неожиданно начинаете говорить сразу о... ритуальном убийстве. Что это с Вами случилось, Вас ведь не о ритуальном убийстве спрашивали...

Однако Вы стали говорить о нем, с одной стороны потому, что «ритуальные наветы на еврейство» не получили юридического подтверждения на скандальных судебных процессах прошлого (процесс Бейлиса). Это «помогает» Вам бросить тень клеветы и на память святых Гавриила и Евстратия и без обиняков заявить: «Надеюсь, что они будут деканонизированы», т.е. исключены из лика Святых нашей Церкви...

За что? За то, что были верными Христу и пострадали на Него? Тогда, продолжая логику Ваших мыслей, следует исключить из сана святых и Первомученика Стефана – еврея-христианина, убитого еще в I веке толпой своих сродников по плоти – фанатиков-иудеев.

Следует в таком случае исключить из лика Святых всех, кто так или иначе пострадал от еврейского фанатизма, и «начать» придется уже со Христа Иисуса, преданного иудеями на распятие...

С другой стороны, когда Вы, отец Александр, столь неожиданно заговорили о ритуальном убийстве, на Вас, как говорят, «шапка загорелась».

Не хочу сказать, что Вы лично имеете к этому явлению какое-либо отношение, но Вы можете подозревать иди даже знать о нем. Очень знаменательно, что Вы в словах по этому поводу и не отрицаете прямо наличия в иудаизме ритуального убийства, а ссылаетесь на то, что сами-де русские богословы в прошлом не поддержали этих обвинений. Но со всей ответственностью следует заметить и напомнить, что там, где в тайных сферах совершается сознательное поклонение д и а в о л у, там ритуальное убийство очень возможно. И оно есть. Об этом стараются лишний раз не говорить только из человеколюбия, дабы не возбудить волну слепого народного гнева против неповинной массы простого еврейского народа, действительно не знающего о тайных деяниях своих духовных вождей.

Претит Вам, отец Александр, и то, что Ваш собеседник - сионист называет «выпадами против евреев в христианском богослужении».

Вы отлично знаете, что в Православном богослужении, построенном наполовину из псалмов Давида, на образах истории Древнего Израиля, прославления израильских праведников и пророков, антиеврейских выпадов нет и быть не может! Но обличения «безумных иудеев», не познавших в Иисусе Христе своего Мессию и предавших Его на смерть, действительно есть!

Зная все это, Вы говорите сионисту: «Надеюсь, что когда придет время для пересмотра православных богослужебных текстов, эти выпады и здесь будут изъяты».

Почему? Потому что они обличают неверие Христу? Вы, образованный и умный человек, отец Александр, а потому совершенно умышленно (в полном соответствии с тактикой «отца лжи») смешиваете два разных понятия – о еврейском народе и об иудаистской религии – в одно понятие. Это подлог. Он ярко свидетельствует о том, что не антисемитизм, которого нет в православии, а антисионизм, т.е. верность Православия Христу Истинному претит Вам более всего и более всего заботит Вас.

Видеть Русскую Православную Церковь одним из орудий и «течений» сионизма – вот что хотели бы Вы и Ваши хозяева. Высказывая эти настроения, Вы дважды повторяете слово «надеюсь» (что это, мол, будет). Не надейтесь, этого не будет.

Не удастся Вам также осуществить и проект «Вселенской Церкви Будущего», о котором вы говорите, призывая ориентироваться на нее, а не на «конфронтацию церквей». Ибо «конфронтация» мешает осуществить «синтез», происходит ломка такой Вселенской церкви. Вы употребляете слово «синтез», когда говорите, что на его основе якобы создавалась «культура России, Израиля, Европы и большинства других стран».

Что такое «анализ» и «синтез» иудаистского мышления хорошо известно. Сейчас Вы занимаетесь в Русском Православии «анализом», т.е. попытками разложения его коренных живоносных устоев. Ваши единомышленники делают то же в других христианских народах. И если бы Ваши мечты сбылись, то из духовно разложенных христианских церквей, выбрав пригодные для сионизма элемента, можно было бы «синтезировать» нечто целое, только это было бы уже не живое тело ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА, а мертвая синтетика, «говорящая кукла», робот, лишь внешне похожая на нечто живое, как механическая кукла чем-то похожа на человека...

А сионизму и его союзникам как раз и нужна церковь-кукла, по видимости – христианство, а по сути – подделка. Такой «Вселенской церковью» можно было управлять, как угодно, прежде всего для того,

чтобы она признала истинным Христом израильского лжемессию – антихриста – и помогла бы установить в мире его духовное и политическое господство.

Поэтому дело не в «конфронтации церквей» и не в шовинизме русских православных людей, а в том, что живую благородную маслину Православия нельзя дать умертвить разлагающими чужеродными влияниями под видом «братского» объединения. Нельзя погасить светильник правды и истины.

В Русской Православной Церкви промыслительно сохраняется в наибольшей чистоте и неповрежденности Божия Истина, и как вероучение, и как образ мышления и жизни в Боге, а потому и Дух Святой ЖИВОТВОРЯЩИЙ (а не синтезирующий – живет в этой Церкви особенно обильной благодатью).

Поэтому не случайно в наши дни многие люди разных стран и народов, в том числе и многие евреи, стали обращаться к нашей Церкви. И не потому что она русская, а потому что сами-то люди – подлинные израильтяне, в которых не только нет лжи, но есть еще и мудрость, свойственная подлинному Израилю. Когда такие люди начинают по-настоящему жаждать правды, они непременно находят ее в должной полноте и сохранности в Русском Православии. Такой некогда была вера всей неразделенной апостольской Церкви, и эта вера близка и понятна душам людей любых наций.

Так что если бы Вы, отец Александр, были в самом деле православным человеком по духу, и человеком, искренне любящим тот народ, от которого произошли по плоти, и человеком, неложно стремящимся к христианскому единству, Вы не то говорили бы и делали, что делаете теперь. Вы старались бы всех и вся, прежде всего «сродников по плоти» своих призвать обратиться к нашему святоотеческому Русскому Православию, чтобы все народы по возможности стали членами нашей Церкви. Ибо, если и возможна настоящая Вселенская Церковь, она должна быть только Православной, по образу Русского Православия.

Вы сказали бы своему еврейскому народу, чтобы он принял наше Православие, потому что наша Церковь, принявшая Плоть и Кровь от Господа Христа и Его Пречистой Матери, имевших в себе все лучшее, чем обладал древний Израиль, не может не любить Израиля.

Она любит его и теперь (хотя бы он стал лишь тенью своих великих прародителей) и ждет его обращения. Пусть только подлинные израильтяне сотворят достойный плод покаяния и, по слову Иоанна Крестителя, не думают «говорить о себе: отец у нас Авраам, – ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму. Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода срубается и бросается в огонь» (Мф. 3, 9–10).

Газета «Труд» от 10 и 11.04.1986.

КРЕСТ НА СОВЕСТИ

Звонок в редакцию был совершенно неожиданным: представитель администрации исправительно-трудового учреждения интересовался, не мог бы журналист приехать к ним в колонию. Дело в том, что один из осужденных обратился с просьбой предоставить ему возможность встретиться с корреспондентом газеты. Через несколько дней я был в дороге...

1. ИСТОРИЯ ПАДЕНИЯ

Борис Развеев, осужденный за клевету на свою страну, начал рассказ о пережитом. Он говорил волнуясь. Чувствовалось, нелегко ему давались эти признания.

Поблагодарив корреспондента за согласие встретиться с ним, Развеев сказал, что твердо решил рассказать, как он встал на путь преступления, предостеречь других от подобных ошибок. Одновременно он хочет попросить прощения у всех тех, кого вольно или невольно вовлек в антиобщественную деятельность. Времени для размышлений было достаточно, и поэтому он, Развеев, совершенно отчетливо осознал всю преступность своих действий. Не менее ясно он видит теперь и преступность действий тех, кто кричит о якобы имеющих место в нашей стране преследованиях верующих. Со всей ответственностью Развеев заявляет: эти их утверждения – грубая ложь, откровенное вранье. Никто и никогда не мешал ему отправлять религиозные обряды, и он не знает ни об одном подобном случае, касающемся других.

Он говорит это сейчас. Но было время – и не так уж давно, – когда Развеев высказывался совершенно по-другому. Как же пришел этот сравнительно молодой человек, к открытой клевете на страну, которая его вырастила, дала образование?

До второго курса Борис ничем особо не выделялся. Отслужил на Северном флоте, поступил в университет на юридический, побывал в стройотряде. Единственное, что нет-нет да и прорывалось наружу, – это неумное желание быть в центре внимания.

Чтобы проявить себя на юридическом поприще, как, впрочем, и на любом другом, требовалось много и усиленно трудиться. Это было

не по нраву Развееву. Он предпочел остаться в учебе середнячком, а тщеславие свое удовлетворить другим, более легким способом.

На втором курсе Борис поразил всех – явился в университет в лохмотьях, нестриженный, с неопрятной бородой. Желаемая «популярность» пришла... Вокруг него образовалась компания бездельников.

Чтобы поддерживать вокруг себя ореол исключительности, нужно все время «быть на уровне». И Развеев старался. Он всегда был в курсе последних событий из мира западных «хиппи», мог часами говорить о рок-музыке. Все эти сведения он черпал из западных радиопередач. Вскоре Борис уже и дня не мыслил, чтобы не послушать «Немецкую волну», «Голос Америки», «Свободу». Но не роком единым живут «голоса».

Постепенно Развеев стал смотреть на нашу жизнь глазами западных «радиодоброжелателей». Идеологический яд действовал медленно, но верно. Вскоре любые житейские трудности – и свои и чужие – Борис привычно объяснял «пороками системы»...

В Башкирском университете пришла пора государственных экзаменов. Студент-выпускник Борис Развеев сдал специальные экзамены, но срезался по политической экономии. Он ни минуты не сомневался, что преподаватели его «завалили» – не понравился внешний вид. Обиженное самолюбие жаждало утешения, и он сразу же отправился в Москву к одному из своих знакомых – Александру Огородникову.

Этот человек уже давно, с самого момента знакомства с Борисом, всячески охаивал порядки, существующие в нашей стране, пытался доказать ему, что советские граждане «не имеют права на собственные взгляды», а потому, мол, единственный выход – религия, причем не та, которую исповедует официальная церковь, а какая-то особая, «свободная».

– Теперь я согласен с тобой, Александр. Срезали на экзамене из-за того, что я не «серая лошадка», не такой, как все. Не по-христиански ко мне относятся.

– Что ж, – молвил Огородников, – я рад, что ты прозрел. Теперь ты в принципе готов к крещению.

В квартире на окраинной улице их ждал духовный «отец» Огородникова, священник, такой же «борец за свободу веры». Имя его не упоминаем лишь потому, что он пересмотрел свои взгляды и осудил прошлую антиобщественную деятельность. Едва познакомившись с Борисом, он здесь же, на кухне, окрестил его. Вернее, обратил в свою веру. Наскоро поздравив Бориса со вступлением в лоно церкви, он вручил ему несколько книжонок карманного формата – антисоветское творение, опубликованное на Западе пресловутым издательством экстремистской подрывной организации НТС «Посев».

– Почитай сам, раздай друзьям в Уфе, – напутствовал новообращенного христианина «святой отец».

С этого момента Боря Развеев из человека «с критическим взглядом на жизнь» становится распространителем клеветы на свою страну...

«Братья по вере» усиленно снабжали Бориса антисоветскими книгами и брошюрами. Поначалу он уговаривал сам себя: ну что тут особенного? Я же не глупый – прочту, разберусь, где ложь, где правда. Наивные заблуждения! Трясина антисоветизма все глубже засасывала его...

Из-за не сданного вовремя экзамена Развеев получил диплом значительно позже однокурсников. Получив, снова приехал в Москву. Здесь Огородников огорошил его новостью:

– Мы написали письмо на Запад с призывом защитить христиан, гонимых в СССР. В том числе и о тебе: тебе не дают диплома в университете из-за того, что ты – верующий.

– Но ведь это не так, диплом-то я уже получил, – робко возразил Развеев.

– Да брось ты! Правда, неправда... Кого это волнует? В нашем деле запрещенных приемов нет. Когда про тебя узнают на Западе, это в случае чего обезопасит тебя от преследования властей. Они не посмеют тебя тронуть. Будешь жить спокойно. Понял?

Через некоторое время после того, как «голоса» на все лады обыграли новую «жертву», «гонимый» Развеев получил посылку из-за границы – куртку, джинсы, платье для жены. Получив, вошел во вкус. Предложение «собрать факты» о том, как в Уфе преследуют молодых христиан, принял уже без колебаний. Через неделю письмо, которое он отдал Огородникову, взахлеб цитировали «голоса». А подачки с Запада стали щедрее. Со временем Развеев привык: передал за границу пасквиль – получил вознаграждение.

Заслуги его не остались без внимания. Вскоре Развеев стал у «оппозиционеров» своим человеком. Возросли и «гонорары». И вот настал момент, когда Развеев оказался участником тайной встречи с заокеанскими эмиссарами. К такому повороту событий Развеев внутренне был уже готов, он «созрел». Его подвели к этому направляемые Западом «духовные отцы», «поборники моральной чистоты и справедливости». Впрочем, об этом разговор особый.

2. ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

Теплым летним вечером из вестибюля станции столичного метро «Речной вокзал» вышел немолодой элегантный мужчина. Холеная бородка, отлично сшитый неброский костюм, неторопливые манеры – со стороны его можно было принять за писателя или ученого, решившего прогуляться после напряженного дня.

Мужчина не спеша прошелся по тротуару, вернулся назад, рассеянно заглядывая в витрины магазинов. Лишь очень наблюдательный человек смог бы заметить, что незнакомец нервничает. Неожиданно он резко свернул во двор жилого дома, и быстро нырнул в подъезд. На девятом этаже уже ждали: дверь открылась, едва он коснулся звонка.

– Добро пожаловать, отец Иоанн! – гостеприимно улыбнулся хозяин, лысоватый бородач лет сорока. – Заждались!

– У-фф, – выдохнул гость. – Еле оторвался от группы. Сам знаешь – гиды, переводчики, ни минуты покоя. Гостеприимство – вещь хорошая, но не буду же я показывать, что русский хорошо знаю, хотя сам и из Америки? Да и зачем мне провожатые? Словом, пока добрался...

Из коридора показался Развеев.

– Кто это? – взволновался отец Иоанн.

– Это же Борис из Уфы, вы знаете о нем.

– Как же, как же, – тонкие губы гостя расплылись в улыбке. – Наслышан о твоих заслугах, сын мой...

И пришелец размахисто перекрестил Бориса, благословляя его. В просторной, убранной иконами комнате потекла неспешная беседа.

Минут через двадцать по одному начали подходить остальные гости. После взаимных приветствий и короткого представления – заочно они уже давно знали друг друга – каждый вновь пришедший отводил в сторонку отца Иоанна для приватной беседы. У каждого было свое, о чем нужно было поговорить с иностранцем с глазу на глаз, скрывая это даже друг от друга.

Наконец все расселись за столом, ожидая слов иностранного гостя. А тот все не начинал, нетерпеливо поглядывая на часы. И вот в прихожей клацнул замок, на пороге появилась хозяйка дома в сопровождении молодого человека: «Проходи, Джон!»

Широко улыбаясь, тот вошел в комнату и остановился в деланном изумлении:

– Вот так встреча, отец Иоанн! Это же надо, где довелось встретиться – в одной квартире, да еще в другом полушарии.

– Так вы знакомы? – удивленно загалдели гости. Удивляться и впрямь было чему – что могло связывать скромного молодого американца Джона Степанчука, которого присутствовавшие знали как переводчика международной выставки, проходившей в те дни в Москве, с одним из иерархов Американской православной автокефальной церкви Иоанном Мейендорфом?

– А я прихожанин той церкви, где служит отец Иоанн, – пояснил Степанчук. – Он мой духовный отец и наставник. Да вы не обращайте на меня внимания, я тихо посижу и мешать не буду.

Он поудобнее устроился в кресле и обратился в слух.

– Ну что ж, – начал Мейендорф. – Как я понимаю, нас собрала здесь сегодня общность взглядов, и я готов внимательно вас выслушать. Кто начнет?

– Пожалуй я, – взял слово мужчина лет пятидесяти с горящими глазами. – Прежде всего хочу уточнить: есть в этой стране порядки, которые нас никак не устраивают...

И взрослые мужчины принялись всерьез обсуждать планы создания «оппозиции», а по сути дела – антисоветского подполья с конкретными задачами.

Любой здравомыслящий человек вправе усомниться: возможно ли такое в наши дни? Уж больно все это напоминает пресловутый «Союз меча и орала» из знаменитого романа Ильфа и Петрова. Но не будем спешить с выводами. Люди, собравшиеся в тот вечер на квартире у «Речного вокзала», отнюдь не напоминали старгородских нэпманов. За плечами у каждого были реальные и вполне конкретные дела, которые придавали им немалую ценность в глазах заграничных визитеров.

Впрочем, судите сами. Священник Глеб Якунин. Автор многих фальшивок о «преследовании за веру в СССР». Борис Развеев – с нами уже знакомы. Священник Александр Мень. Организовал религиозный кружок. Нелегально распространял магнитофонные записи лекций сомнительного содержания. Наконеч, хозяин дома, Сергей Бычков. Московский «литератор», организатор религиозных «курсов» для юношества, редактор детского религиозного журнала «Перезвон», издаваемого на русском языке в Сан-Франциско. Достаточно?

Да и визитеры из-за океана им под стать. Иоанн Мейендорф, сын русского белоэмигранта, внук царедворца, давно зарекомендовал себя отъявленным врагом нашей страны. Вот уже много лет он активно сотрудничает с антисоветскими кругами США, Франции, других западных стран. Член редколлегии известного ярой клеветой на СССР сборника «Вестник РХД» («Вестник русского христианского движения»), издаваемого во Франции. Главный редактор не менее злобного журнала «Православная церковь», выходящего в США.

Джон Степанчук тоже никак не похож на рядового переводчика. Он прекрасно знает несколько языков, отлично разбирается в богословских вопросах. Да и вообще зачем ему «случайно» было появляться на встрече Мейендорфа с «оппозиционерами» и так внимательно слушать, о чем шла речь, не будь у него вполне определенно-го интереса? Не иначе, был он своего рода контролером. Вот только от кого?

Программу действий излагал Глеб Якунин. Именно он первым взял слово. Суть предложений сводилась к следующему. Поскольку Советская власть якобы преследует верующих, а Русская православ-

ная церковь закрывает, дескать, на это глаза, нужно создать в СССР другую церковь, которая, мол, и поведет борьбу «за права верующих». Отец Иоанн и другие иерархи американской церкви, приезжая в СССР, будут рукополагать в священники людей, специально подобранных Якуниным и компанией. Со временем таким образом должна образоваться целая сеть тайных приходов. О привлечении туда верующих «оппозиционеры» позаботятся, хотя, конечно, и тут понадобится помощь Запада: передачи по радио, литература. Поскольку приходы эти будут подчиняться Американской православной церкви, то их территория, дескать, вполне может считаться территорией США, на которую не должны распространяться советские законы. А это значит – полная свобода действий в ущерб интересам Советского государства.

Чтобы упростить задачу подготовки подпольных священников, решить проблему «кадров», участники встречи предложили открыть в СССР заочный сектор Свято-Владимирской духовной академии, находящейся в Нью-Йорке. Ну а если кто-нибудь попытается помешать реализовать эти планы, «борцы» готовы предоставить мировой общественности «полную информацию о гонениях за веру». (Вот в этом-то уж можно не сомневаться! Мы с вами отлично понимаем какие «факты» и каким образом были бы преподнесены «общественности», и прежде всего – «голосами»).

– Что ж, – задумчиво произнес Мейендорф. – Планы у вас интересные, есть над чем подумать. Но слова – это слова, а мне хотелось бы получить от вас по тому поводу программный документ. Это поможет там, в Штатах, подтвердить серьезность ваших намерений тем, кто готов вам помогать. Сможете такой документ составить?

– Никаких проблем, – заверили его. – Мы уже подумали об этом...

Такой документ был подготовлен. Интересно, где и кому собирався предъявить его в США Мейендорф как доказательство существования в СССР «религиозной оппозиции»? В госдепартаменте? А может, в Лэнгли, в штаб-квартире ЦРУ? И кому должен был подтвердить подлинность этой бумаги «случайно оказавшийся» на встрече «переводчик» Джон Степанчук?

...Я держу в руках несколько страничек машинописного текста. Этот документ поступил от одного из жителей Москвы. И это – не что иное, как составная часть того самого плана, что обсуждался на «Речном вокзале»: инструкции, касающиеся создания в СССР... подпольной духовной семинарии!

Вот описание предметов, которые должны изучать «семинаристы». По каждому – методические разработки, правда, еще не в полном объеме. Но зато подробно рассказывается, кто может стать слушателем заочного отделения, как его принимать, как проводить заня-

тия и консультации с будущими служителями «подпольной церкви». Еще страничка – планы снабжения зарубежной литературой, четко разработанная система контроля за обучением со стороны американских священников. А чуть дальше – список кандидатов на руководящие посты. И снова – в который уже раз! – все эти провокационные инструкции обильно снабжены рассуждениями о «нелегкой судьбе» «борцов за веру», очередными измышлениями о «гонениях» на них.

...Прошло не так много времени со дня встречи, но ряды ее участников сильно поредели. За совершенные уголовные преступления были осуждены Якунин, Развеев. Далеко за пределами СССР находятся Мейендорф и Степанчук. Но остались еще люди, которые в отличие от Бориса Развеева не поняли или не хотят понять, почему и зачем нужны шумные, провоцируемые с Запада кампании «в защиту верующих»... Взглянем на них повнимательнее.

3. ОТЕЦ И СЫН

В христианских кругах один их краеугольных камней религии – отношения между духовным «отцом» и его «детьми». Считается, что священник должен вести их по жизни, отвращая от дурных поступков, да и сам – как говорится, и словом, и делом – являть им образец благочестия, скромности и нравственности. Наши знакомые трактуют эти моральные нормы по-своему, причем весьма оригинально...

Александра Вольфовича Меня голыми руками не возьмешь. Лукав отец Александр! Я встретился с ним, держа в руках письмо группы верующих: «Неправедно живет батюшка!» Беседовали часа три, а расстались – будто и не говорили.

– Александр Вольфович, «Голос Америки» в последнее время не раз передавал сообщения о вас. То будто вас арестовали, то, мол, был у вас обыск, то перевели вас, дескать, в отдаленный приход...

– Что вы! Никто меня никогда не преследовал. Служил и служу – уже двадцать семь лет на одном и том же месте, в Подмосковье.

– Но ведь Запад подобные провокационные заявления по вашему адресу делает не впервые. Вы только что сказали, что они полностью не соответствуют действительности. Почему же вы тогда терпите эту клевету, не протестуете?

– Так ведь скажут – заставили...

– Да разве такое возможно?

– Да что они там, на Западе, знают...

– Позвольте не согласиться, уж вам-то поверили бы. Вас на Западе хорошо знают – вот сколько книг вы там издали.

– Сам не знаю, как они там оказываются! Я так, для себя заметочки делаю, ну, друзьям даю почитать. Вот кто-то и передал на За-

пад. Лично я – ни-ни. Я вообще, сколько помнится, ни с одним иностранцем не встречался. Ну разве только кто зайдет на службу – так ведь храм для всех открыт. Мое дело – проповедовать смирение и божьи заповеди...

Этот материал уже готовился к печати, когда Александр Мень направил в Совет по делам религий при Совете Министров СССР официальное письмо, протестуя против использования его имени в антисоветской пропаганде. На это у него хватило духу, а вот о прочих своих деяниях он не написал ни слова. Видно, память подвела.

Много чего не помнит Александр Вольфович. И незаконных религиозных утренников, и лично им озвученных слайд-фильмов религиозно-пропагандистского характера, которые нелегально распространял среди верующих, и встречи на «Речном вокзале». Такую забывчивость, впрочем, несложно объяснить – всю жизнь стремился батюшка устроиться получше, и вспоминать неприятное ему ни к чему.

Александр Вольфович шел к религии непросто. Поначалу его прельстила светская карьера – готовился стать специалистом по пушнине. Но когда выяснилось, что институт переводят в далекий от столицы Иркутск, а выпускники поедут в не менее далекие Якутск, Восточную Сибирь, на Чукотку, вместе с другом и однокашником Глебом Якуниным он вдруг резко свернул на духовную стезю. Правда, уже тогда появились у приятелей первые весьма своеобразные отклонения. Кто знает, может, виной был родственник Якунина, некий Краснов-Левитин, обретающий ныне в Швейцарии, который, кажется, уже с пеленок стал патологическим антисоветчиком?

Кривая дорожка все дальше уводила Меня от нормального жизненного пути, приведя в конце концов в ряды «оппозиционеров». Под стать ему и духовный «сын» – Сергей Бычков.

Впрочем, для рассказа о нем предоставим слово Борису Развееву, человеку, много лет хорошо знавшему его.

Сергей Сергеевич Бычков закончил филологический факультет МГУ, но славы себе на литературном поприще не стяжал. Интересы его лежали в основном в сфере сугубо материальной. И однажды, оказавшись в компании Огородникова, он вдруг увидел свой шанс.

Дело в том, что в кругу близких знакомых Огородникова была молодая женщина Екатерина Т. До конца пятидесятых годов вместе с родителями она жила в Париже. Когда умер отец, мать решила вернуться в Москву. Екатерина приехала с ней, вскоре вышла замуж, но неудачно – осталась одна с двумя детьми. Жили, впрочем, они безбедно: мать получала за мужа пенсию в валюте, помогали обеспеченные заграничные родственники.

Через несколько месяцев сыграли свадьбу. Скромный молодой человек, с хорошими на первый взгляд манерами произвел самое выгодное впечатление на тещу. И началась для Сергея Сергеевича рай-

ская жизнь. Сначала на деньги «любимой тещеньки» быстро приоделся, потом принялся за строительство двухэтажного дома в Подмоскowie. Постепенно перезнакомился с новой заграничной родней, потихонечку прибрал все связи с ней к своим рукам. Тут и взошла его «звезда».

Нет, Бычков не рвался в первые ряды «борцов». Он просто тихо и по возможности незаметно делал свой бизнес. Путей и способов для этого знал немало. Не брезговал передавать на Запад и клеветническую информацию, используя свои связи. Разумеется, не за так – денежки счет любят.

При этом он никогда не упускал случая поговорить о христианской нравственности, постоянно приводил себя в пример искреннего человеколюбия – вот видите, женился на разведенной с двумя детьми. Вскоре, впрочем, он на деле показал истинную цену своего «человеколюбия».

Умерла мать Екатерины. Валютный ручеек, официально питавший семью, иссяк. Чтобы прокормить детей – а их уже стало трое – Екатерине пришлось много работать. Сам Бычков в это время занимался более серьезными проблемами – под прикрытием репетиторства по подготовке в вузы организовал «религиозно-просветительный кружок» для молодежи.

Екатерина не выдержала – однажды резко потребовала, чтобы Бычков устроивался на работу. Реакция была совершенно удивительной. Тихий Сергей Сергеевич остервенело избил жену и вместе с детьми выгнал ее на январский мороз.

Несчастливая женщина с ребятами бросилась к единственному, как ей казалось, близкому человеку, который мог помочь в беде, – к своему духовному отцу священнику Александру Меню. Благо, тот жил совсем недалеко от их дома.

Благочестивый отец Александр, не пустив ее даже на порог, долго втолковывал, что власть мужа над женой – от бога, что надо смириться и не злить небеса непокорством. Духовному чаду «высоко-нравственного» батюшки не нашлось даже уголка для ночлега. Он выставил Екатерину ночью на мороз с детьми. Что вы там говорили о нравственности, «духовный отец»?

4. ЧТО ЗА КУЛИСАМИ

– Сегодня я понимаю, – продолжает Развеев, – что не о благе верующих заботятся те, кто выставляет себя «защитниками гонимых». Цель их совсем в другом – посеять рознь, подорвать единство народа в нашей стране. И для этого они не гнушаются ничем.

Все эти планы создания подпольной, «катакомбной», как они любят выражаться, церкви строятся с единой целью – провести ак-

цию, которая позволит им нажать капитал: моральный – у покровителей на Западе и реальный – в звонкой монете.

Те, кто говорит о «катакомбной церкви», в большинстве своем понимают, что в нашей стране нет социальной базы для подполья. Но они хотят посеять смуту среди верующих, толкнуть их на нарушение закона. Когда же государство вполне обоснованно будет вынуждено принять законные меры, на Западе тут же поднимается волна лжи и клеветы – в СССР опять, дескать, преследуют за веру. Метод не нов и хорошо известен. Судьба же верующих их нисколько не волнует.

За прошедшие годы я хорошо изучил нравы этих господ и не исключаю сейчас с их стороны различных инсинуаций, вплоть до прямых провокаций в мой адрес. Недавно, например, бывший мой знакомый Казакявичюс, выехавший на жительство за рубеж, написал моей жене, что на Западе готовится книга, написанная якобы мной. Со всей ответственностью заявляю: никаких книг я не писал. Все это – грубая провокация, рассчитанная на нанесение ущерба моей стране. Я требую прекратить использование моего имени в антисоветских целях.

Судя по всему, не случайно затеяли сейчас наши недруги провокационную возню с очередной фальшивкой «о преследовании верующих» в СССР. Факты и документы убеждают – попытка западных антисоветчиков использовать верующих в своих целях становится все устойчивее. Закордонные «отцы» идеологических провокаций лихорадочно подыскивают себе «детей» в нашей стране. Попытки создать в СССР «религиозную оппозицию», чтобы изнутри ослабить Советскую власть, начали не сегодня и даже не вчера. Много лет назад один из столпов американской разведки – Аллен Дрейфус без обиняков заявил: «Посредством церкви мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Церковь имеет для нас важное значение. Это наиболее легкий и надежный способ для проникновения в страну». Яснее не скажешь.

Церковь в нашей стране отделена от государства. Это значит, что все вопросы своей жизни она решает самостоятельно. Именно поэтому у всякого рода провокаторов и возникают иллюзорные желания использовать церковь для подрыва социалистического строя – государство-то в ее дела не вмешивается! Примеров подобных попыток не счесть – начиная со всяких заговоров в первые годы Советской власти, включая происки фашистских идеологов во время войны, антисоветские деяния униатов в ряде западных областей страны. Но только все эти усилия чаще всего оказываются и оказываются тщетными. Абсолютное число верующих не отделяют своей судьбы от своего народа, являются патриотами. И лишь отдельные личности – по пальцам перечесть! – исключительно из корысти идут на сделки с западными «радателями о правах человека», торгуя своей – чаще всего мнимой – верой. Их-то и используют для раздувания слухов о якобы имеющем место религиозном «возрождении» в СССР, о «новой волне верую-

щих», ищущих в религии забвения от «советской действительности». На нашу страну обрушиваются новые и новые потоки лжи и клеветы.

Менее двух лет назад в Лондоне вручали ежегодную премию «За прогресс в религии» англиканскому священнику Майклу Бурдо, директору британского «Центра по изучению религии и коммунизма». «Выдающийся ученый» ознакомил собравшихся с результатами своих многолетних «исследований». Нет нужды цитировать этот бред. Но одну фразу, ставшую лейтмотивом выступления Бурдо привести надо: «...Каждый принципиальный христианин должен быть антисоветчиком». Именно поэтому «тронная» речь новоиспеченного лауреата самым широким образом была представлена на страницах английской буржуазной прессы.

А через несколько дней уже и американская печать вздохнула с превозношением «гуманную» деятельность Бурдо, особо подчеркивая, что «он вносит вклад во взаимопонимание между Западом и Востоком», что «его исследования носят объективный характер, лишенный политической или идеологической окраски». Ну, а как Бурдо и его ближайшие соратники Реддауэй, Шапиро и другие были уличены в причастности к спецслужбам, пресса капиталистических стран просто «забыла». Как и про то, откуда они берут деньги на «исследование».

Заканчивается наша долгая беседа с Развеевым. Он говорит, продолжая - оноваться. Чувствуется, нелегко дался ему этот разговор.

– Я сейчас глубоко сожалею, что в свое время не прислушался к словам тех, кто искренне хотел мне добра. Со мной беседовали друзья по университету, предупреждали, что я встал не на тот путь. Предупреждали меня об этом и служители церкви. Но я не внял.

Не могу сейчас загадывать, как сложится моя жизнь после отбытия наказания, до конца срока еще немало времени. Но одно я хочу сказать совершенно определенно – к антигосударственной деятельности я больше не вернусь. Слепое доверие к этим «защитникам» принесло несчастье мне и моей семье. Еще раз подчеркиваю – им глубоко наплевать на судьбу людей, главное – отработать подачки с Запада. Мне сейчас очень больно, но я вынужден признать, что и сам за тряпки торговал Родиной...

Раскаяние – личное дело каждого, дело его совести. Судя по всему, Развеев не поставил на ней крест, он осознал вину перед народом, глубоко переживает.

Наши идеологические враги ни на секунду не прекращают провокаций и подрывной деятельности. И нет гарантии, что не попадутся больше в их сети нестойкие, которым смогут они задурманить голову, окрутить, использовать во вред нашей стране. Пусть судьба Развеева будет им наукой.

*Н.Домбковский
(Спец. корр. «Труда»).*

«КРЕСТ НА СОВЕСТИ»

После публикации в газете очерка с таким названием (см. «Труд» № 86 и № 87 от 10 и 11 апреля с. г.) редакция получила десятки откликов. Напомним: в этом материале шла речь о попытке создания антисоветского подполья под прикрытием религии. Отбывающий наказание Б.Развеев рассказал о том, как, действуя по указке Запада, определенные лица пытались создать для этих целей «подпольную церковь». Действия, поступки и моральный облик «борцов за свободу веры» – Огородникова, Якунина, Бычкова и прочих им подобных вызвали гневное возмущение читателей.

«Нас глубоко взволновали и возмутили поступки этих людей, – пишет коллектив производственного объединения «Карбид» из казахстанского города Темиртау. – Как могли они, воспитанные в Советском Союзе, в нашем обществе, так низко пасть? Наша страна их вырастила, дала им образование, а они продают все для нас святое за иностранные тряпки. Нет таким прощения!»

«Я была буквально ошеломлена, – начинает свое письмо К.Иванова, – узнав про гнусные поступки «радетелей веры». Наши идеологические враги кричат во все горло, что верующих наших притесняют. Я сама верующая и скажу: наглая ложь. Нас никто не притесняет, не ущемляет в правах ни нас, ни духовенство».

Авторы многих писем делают попытки разобраться, что же толкнуло этих людей на путь антиобщественной деятельности. И вывод делают однозначный: моральная нечистоплотность, беспринципность и тщеславие.

Наиболее четко, пожалуй, написала об этом жительница села Губник Винницкой области Л.Артименко: «Не понимаю людей, которые не хотят честно трудиться, а для своего существования выбирают путь лжи и предательства. Если у них есть хоть капля совести, они свои ошибки поймут (как Развеев)».

Насколько единодушны в своем осуждении отщепенцев советские люди, настолько же едины в отношении к публикации нашей газеты буржуазные средства массовой информации. Впрочем, то, что они пытаются преподнести инициативу Б.Развеева как «вынужденный поступок», «сделанный под давлением», было ясно с самого начала. Так было уже не раз – искренность раскаяния заблуждавшихся людей отметалась напрочь.

Случай с Развеевым – не исключение. Трудно сказать, какими «достоверными источниками» пользовались буржуазные комментаторы, если они даже не представляют толком личности того, кого «берут под защиту». Напомним: Б.Развеев, юрист по образо-

ванию, в 1984 году был осужден за клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй и посягательства на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов, приговорен к четырем годам лишения свободы.

Горько сетуя на судьбу Развеева, Би-би-си тем не менее безапелляционно вещает о нем, как «студенте-медике» (!), осужденном в сентябре 1985 (?) года. «Голос Америки» через месяц после публикации «Труда» запускает в эфир легенду о «несчастном студенте медицинского института Развеева». Но всех превзошла радиостанция «Свобода», заявив, что Развеев осужден к трем годам лишения свободы за членовредительство!

Что ж, ничего нового и удивительного. Западные «опекуны» пользуются любым поводом, любой фальшивкой для клеветы на нашу страну.

Здесь нам хочется процитировать письмо Б.Развеева, пришедшее в редакцию после публикации очерка. «Недавно западными средствами массовой информации в грязной клевете на нашу страну вновь было использовано мое имя. Безусловно, для меня неудивителен тот факт, что, несмотря на мой категорический протест против подобных акций, меня пытаются представить духовно сломленным, идущим вопреки своему внутреннему миру, гонимым за религиозные убеждения, ибо с глубокой непорядочностью организаторов подобных провокаций я неоднократно сталкивался.

Еще раз напоминаю: я нахожусь в местах лишения свободы не за веру в господа, а за конкретное преступление – клевету на свою страну. Я по-прежнему остаюсь человеком верующим и предельно убежден в том, что вера не может быть несвободной, особенно в нашей стране, где законом охраняются права и верующих, и атеистов.

Еще раз категорически требую прекратить использование моего имени, как преследуемого за убеждения, и выражаю надежду, что в этот раз у тех, кто так много говорит о совести для других, у самих пробудится совесть».

Многие читатели спрашивают: а чем закончились попытки создания антисоветского подполья для других «героев» очерка? «Я очень внимательно прочитал весь очерк, – пишет москвич В.Георгиев. – Но мне не совсем ясна судьба тех, кто не понес уголовной ответственности. Неясно, почему эти люди не наказаны?»

Оговоримся сразу, привлечение к уголовной ответственности – это прерогатива государственных правоохранительных органов. Задача газеты – привлечь внимание общественности к негативным явлениям, предостеречь нестойких или заблуждающихся от действий и поступков, способных привести их на скамью подсудимых. И очень жаль, что не до всех дошел голос разума.

Вот, скажем, реакция на публикацию со стороны С.Бычкова. Он нанес личный визит в редакцию, затем направил жалобу в Государственный комитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, пообещал подать на газету в суд. Причина – Сергей Сергеевич не согласен с тем, что в очерке «Крест на совести» его назвали литератором в кавычках. В подтверждение своей принадлежности к литературному цеху он даже принес несколько справок о полученных когда-то гонорарах за публикации в газетах. Но о самом главном, о сути своей неблаговидной деятельности Бычков не сказал ни слова и даже не пытался оспаривать приведенные в газете факты. Судя по всему, он крепко уверен, что гуманность нашего общества, с которым он вступил в конфликт, беспредельна.

Прямой противоположностью Бычкову стала реакция священника А.Меня, о котором тоже шла речь в публикации «Труда». В своем письме в редакцию он пишет: «Считаю необходимым выразить свое глубокое сожаление о тех моих ошибках, которые привели к критике в мой адрес.

Двадцать восемь лет беспрепятственно совершая свое церковное служение, я всегда считал недопустимыми любые действия, которые вносили бы антагонизм в церковь и наше общество и могли причинить им ущерб. Однако сознаю, что, сам того не желая, допустил нарушение законодательства о культах. Так, некоторые мои незавершенные рукописи и магнитозаписи вышли из-под моего контроля и получили хождение. Мое общение с прихожанами храма, вопреки моим намерениям, привело к прискорбным для меня фактам. Некоторые из моих прихожан оказались виновными в противообщественных поступках или на грани нарушения закона. Считаю, что несу за них определенную моральную ответственность. Кроме того, публикация моих богословских работ в западном католическом издательстве «Жизнь с богом» была использована западной прессой для причисления меня к «оппозиционерам». В настоящее время я более строго взвешиваю свои действия».

И, завершая обзор писем, поступивших в редакцию после публикации очерка «Крест на совести», процитируем двух наших читателей.

«Признания Бориса Развеева, – пишет житель башкирского города Салавата Н.Шаванов, – еще раз многим раскрыли глаза на то, как под видом «святой веры» западная враждебная пропаганда ловит в свои силки людей малодумных, беспринципных, а порой и не в меру доверчивых». «К счастью, – продолжает его мысль Е.Барвинко из Новой Каховки, – таких, как Огородников, Якунин, Бычков, и им подобных в нашей стране единицы. Я верю в чистоту и доброту советского человека. Наша страна была, есть и будет примером доброты и порядочности для всего мира».

Вместо комментария

Мое знакомство с профессором-протопресвитером Иоанном Мейендорфом состоялось в конце 70-х годов, когда отец Иоанн был гостем сначала Московской Патриархии, а потом Академии наук СССР. Мне запомнились оба его приезда – в 1978 и 1979 годах. Один раз он приезжал в составе делегации Американской Автокефальной Церкви вместе с Ее предстоятелем – митрополитом Феодосием, другой – как ученый-византолог, по приглашению Академии наук. В конце сентября 1978 года ко мне обратился отец Димитрий Дудко, попросив сопровождать его на официальный прием к митрополиту Феодосию в гостиницу на Ленинградском проспекте, где остановилась делегация. У входа в гостиницу нас встретил отец Иоанн и сразу же провел в номер владыки Феодосия. Отец Димитрий тут же в вестибюле облачился. Митрополит радостно встретил его, но беседа была недолгой, поскольку официальная программа визита была чрезвычайно насыщенной. Меня попросили сфотографировать митрополита Феодосия вместе с отцом Димитрием, отцом Иоанном и священниками, сопровождавшими митрополита.¹

После беседы у митрополита мы спустились в номер отца Иоанна, где состоялась почти двухчасовая беседа. Я стал свидетелем доброжелательного спора двух священников. Отец Димитрий считал, что наступила иная пора, когда можно и должно идти на открытую конфронтацию с боготорческой властью, открыто обличая пороки власть имущих, регулярно информируя западную общественность о всех случаях нарушения прав верующих в СССР. Отец Иоанн, напротив, старался убедить отца Димитрия в том, что открытая конфронтация может завершиться для него трагически.² К концу 70-х годов отец Димитрий подвергался неоднократным гонениям. Он поддерживал постоянное общение с западными журналистами, которые запросто звонили ему домой. За рубежом постоян-

¹ – Видимо эта фотография сохранилась в архивах Свято-Владимирской семинарии.

² – В этом же 1978 году в Париже вышла книга Льва Регельсона «Трагедия Русской Церкви» с послесловием отца Иоанна. Нам, молодым христианам, казалось, что прав Лев Регельсон, решительно осуждавший политику церковных компромиссов. Излишне дипломатичной казалась тогда нам позиция отца Иоанна по отношению к политике митрополита Сергия Страгородского и его преемников. Политика оправдания компромиссов казалась нам проявлением слабости и недальновидностью самого отца Иоанна. Именно поэтому, спустя десять лет отдавая ему в 1990 году вопросы для беседы, я попросил его четко и недвусмысленно осветить круг проблем, который в России получил название «сергианства».

но выходили его книги. Тогда казалось, что КГБ, внимательно следивший за его служением в храме в селе Гребнево под Москвой, не посмеет тронуть священника с мировой известностью. Отец Иоанн думал иначе.³

В последствии оказалось, что его позиция, в отличие от нас, совершенно по-иному была оценена церковным отделом КГБ. Естественно, что и встреча митрополита Феодосия с отцом Дмитрием Дудко, проведенная по инициативе отца Иоанна, и его встречи с опальными священниками на частных квартирах – с отцом Глебом Якуниным, Александром Менем, Александром Борисовым – прослеживались и прослушивались. Более того, спустя почти семь лет, когда многие детали этих встреч стерлись в памяти участников, в газете «Труд» появился пасквиль Николая Домбковского под названием «Крест на совести».⁴ Получив доступ к секретной информации церковного отдела КГБ, с подачи полковника Владимира Сычева бойкий журналист опубликовал политический донос.

Одним из «героев» этого доноса стал отец Иоанн Мейендорф. Домбковский даже попытался создать его портрет: «Теплым летним вечером из вестибюля станции метро «Речной вокзал» вышел немолодой элегантный мужчина. Холеная бородка, отлично сшитый неброский костюм, неторопливые манеры – со стороны его можно было принять за писателя или ученого, решившего прогуляться после напряженного дня. Мужчина не спеша прошелся по тротуару, вернулся назад, рассеянно заглядывая в витрины магазинов. Лишь очень наблюдательный человек смог бы заметить, что незнакомец нервничает. Неожиданно он резко свернул во двор жилого дома и быстро нырнул в подъезд».⁵ На девятом этаже уже ждали, дверь открылась, едва он коснулся звонка...»⁶ Сегодня трудно поверить, что в те годы встречи с иностранцами проходили едва ли не в детективной обстановке. Позже, после многочисленных допросов в начале 80-х годов, участники встречи пришли к выводу, что за отцом Иоанном была устроена плотная слежка. Но поняли и другое – прослушать одну из

³ – Арест отца Дмитрия в январе 1980 года, когда развернулись «андроповские» гонения на Церковь, доказали правоту отца Иоанна. Публичное покаяние отца Дмитрия по ТВ, а также в газете «Известия» привело к тому, что от него отшатнулась большая часть прихожан, а он сам оказался надолго скомпрометирован.

⁴ – Газета «Труд» от 10 и 11 апреля 1986 года. С. 4. Напомню, что тираж газеты в эти годы был рекордным – 17 миллионов экземпляров.

⁵ – Эти детали, конечно же, не совсем удачная попытка художественного вымысла. С трудом освобождаясь от официальных приемов и встреч, он спешил повидаться с друзьями и вряд ли чрезмерно пытался освободиться от слежки, хотя знал, что за ним следят.

⁶ – Газета «Труд» от 10 апреля 1986 года. С. 4.

важных бесед чекистам так и не удалось. Поэтому неоднократно они пытались дознаться во время допросов – какие же проблемы обсуждались в тот летний вечер 1979 года. Находясь в лагере, один из случайных участников встречи попытался воспроизвести ее в деталях, которые и легли в основу фельетона.

Вот эти детали в интерпретации КГБ: «... И взрослые мужчины принялись всерьез обсуждать планы создания оппозиции, а по сути дела – антисоветского подполья с конкретными задачами... Программу действий излагал Глеб Якунин. Именно он первым взял слово. Суть предложений сводилась к следующему. Поскольку Советская власть якобы преследует верующих, а Русская православная церковь закрывает, дескать, на это глаза, нужно создать в СССР другую церковь, которая, мол, и поведет борьбу «за права верующих»... Отец Иоанн и другие иерархи (так!) американской церкви, приезжая в СССР, будут рукополагать в священники людей, специально подобранных Якуниным и компанией. Со временем таким образом должна образоваться целая сеть тайных приходов. О привлечении туда верующих «оппозиционеры» позаботятся, хотя и тут, конечно, понадобится помощь Запада: передачи по радио, литература. Поскольку приходы эти будут подчиняться Американской православной церкви, то их территория, дескать, вполне может считаться территорией США, на которую не должны распространяться советские законы. А это значит – полная свобода действий в ущерб интересам Советского государства».⁷ Не считая последнего абзаца – чекистских домыслов журналиста – мнение отца Глеба изложено довольно точно. Сегодня трудно выяснить, откуда все же получил КГБ эти сведения. Но отец Димитрий Дудко после своего освобождения из заключения в августе 1980 года рассказывал мне, как в Лефортово, уже перед самым его освобождением, следователи с пристрастием допрашивали его, стремясь выяснить малейшие подробности этой встречи.

Пытаясь реконструировать выступление отца Глеба, журналист продолжает: «... Чтобы упростить задачу подготовки подпольных священников, решить проблему «кадров» участники встречи предложили открыть в СССР заочный сектор Свято-Владимирской духовной академии, находящейся в Нью-Йорке. Ну а если кто-нибудь попытается помешать реализовать эти планы, «борцы» готовы предоставить мировой общественности «полную информацию о гонениях на веру». (Вот в этом-то уж можно не сомневаться! Мы с вами отлично понимаем, какие «факты» и каким образом были бы преподнесены «общественности», прежде всего – «голосами».)

⁷ – Там же, с. 4.

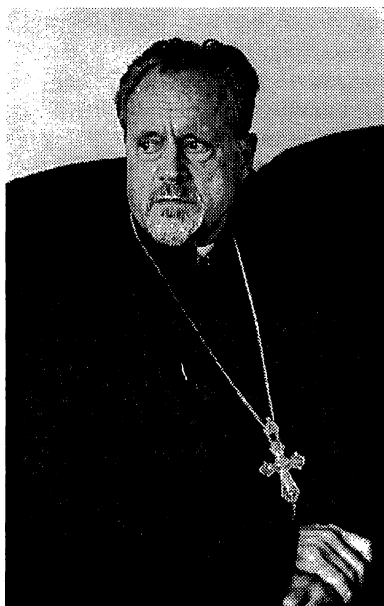
– Что ж, – задумчиво произнес Мейендорф, – Планы у вас интересные, есть над чем подумать. Но слова – это слова, а мне хотелось бы получить от вас по этому поводу программный документ. Это поможет там, в Штатах, подтвердить серьезность ваших намерений тем, кто готов вам помогать. Можете такой документ составить?

– Никаких проблем, – заверили его. – Мы уже подумали об этом...

Такой документ был подготовлен. Интересно, где и кому собирался предъявить его в США Мейендорф как доказательство существования в СССР «религиозной оппозиции»? В госдепартаменте? А может, в Лэнгли, в штабквартире ЦРУ?»⁸

Сегодняшняя позиция отца Глеба Якунина и его поддержка Русской Православной Церкви за рубежом (РПЗЦ), создающей ныне приходы на территории России, свидетельствует, что его взгляды мало изменились со времени той встречи. Разница лишь в том, что разочаровавшись в Американской Автокефальной Церкви, он сотрудничает с «карловчанами» на знамени которых и поныне начертано: «православие, монархия, антисемитизм».

Абсолютно искажена позиция отца Иоанна. Он всегда оставался верен себе. Выслушав отца Глеба, а затем мнение отца Александра Меня, который уже в те годы начал практиковать в своем приходе, в селе Новая Деревня под Москвой, «малые группы»,⁹ отец Иоанн присоединился к мнению отца Александра. Существование «малых

*Профессор-протопресвитер
Иоанн Мейендорф. Май
1992 года. Фото Г. Черкасова.*

⁸ – Там же, с. 4. Можно подумать, что кого-то в США, кроме, быть может, религиозных деятелей, интересовала судьба Русской Церкви. Политики если и вмешивались, то лишь под давлением общественности, робко пытаясь повлиять на советских государственных деятелей. Государственный терроризм в СССР по отношению к своим гражданам культивировался с 1917 года, лишь слегка видоизменяясь в годы «оттепели» и «перестройки».

⁹ – Из мирян по профессиональному признаку или по интересам создавались небольшие, от 5 до 10 человек, группы. Или сам священник подсказывал, или лидер в группе выявлялся сам. Христиане регулярно собирались раз в неделю или не-

групп», в рамках которых активные миряне занимались поначалу катехизацией оглашенных, а затем евангелизацией новокрещенных, показалось отцу Иоанну более отвечающим евангельскому духу, нежели создание подпольных приходов, которые неминуемо были бы противопоставлены Московскому Патриархату. Поэтому он пообещал, что попытается помочь как религиозной литературой, так и присылкой программ семинарских курсов.¹⁰ Было условлено, что православные священники из США, посещая СССР, будут общаться с верующими, молясь и беседуя с ними в «малых группах». Поэтому сообщения фельетониста о некоем «документе», который, якобы, был представлен отцу Иоанну – досужий вымысел, не более: «... Я держу в руках несколько страничек машинописного текста. Этот документ поступил от одного из жителей Москвы. И это – не что иное как составная часть того самого плана, что обсуждался на «Речном вокзале»: инструкции, касающиеся создания в СССР... подпольной духовной семинарии!

Вот описание предметов, которые должны изучать «семинаристы». По каждому – методические разработки, правда, еще не в полном объеме. Но, зато подробно рассказывается, кто может стать слушателем заочного отделения, как его принимать, как проводить занятия и консультации с будущими служителями «подпольной церкви». Еще страничка – планы снабжения зарубежной литературой, четкая разработанная система контроля за обучением со стороны американских священников. А чуть дальше – список кандидатов на руководящие посты. И снова – в который уже раз! – все эти провокационные инструкции обильно снабжены рассуждениями о «нелегкой судьбе» «борцов за веру», очередными измышлениями о «гонениях» на них.»¹¹

сколько раз в месяц для совместных молитв и беседований. В основу общения было положено изучение Священного Писания и совместное причащение в храме.

Предусматривалось также общее дело – опека над стариками и больными, размножение и распространение религиозной литературы. Вся эта деятельность сегодня объемлется термином – «евангелизация». Осуществлялась и христианское воспитание детей, которому в приходе уделялось особое место. К середине 80-х годов в приходе насчитывалось 10–12 таких групп. КГБ проявлял к ним особый интерес, стремясь во что бы то ни стало разгромить их. 10 – Быть может, самое забавное во всей этой истории, что сегодня Свято-Владимирская семинария легально, с ведома светских и церковных властей, набирает вольнослушателей из СНГ, причем проводится самый строгий отбор. С первыми кандидатами весной 1992 года беседовал отец Иоанн. Из десятка соискателей, среди которых, несомненно, были и претенденты из числа опекаемых КГБ, он отобрал... одного человека! Наконец открыт в Москве приход Американской Автокефальной Церкви, (храм святой Екатерины на Ордынке), настоятель отец Даниил Губяк. РПЗЦ имеет свой, хотя и доморощенный храм на Митинском кладбище, епископию в Суздале, а теперь еще прибавился комплекс зданий вместе с Богоявленским собором в Ногинске, не считая многочисленных, правда, нежизнеспособных приходов в России.

¹¹ – Газета «Труд» от 10 апреля 1986 года, с. 4.

Еще до смерти Л.Брежнев, когда власть почти целиком прибрал к рукам Ю.Андропов, поездки отца Иоанна в СССР прекратились. Видимо, предчувствуя неминуемую скорую кончину, церковный отдел КГБ во что бы то ни стало стремился доказать новой партнэменклатуре, которую привлек из провинции Ю.Андропов, свою нужность. Быть может, поэтому отец Иоанн Мейендорф, известный своей четкой гражданской позицией по отношению к Советской власти, стал персона нон грата. После десятилетнего перерыва он смог побывать в России только после празднования тысячелетия Крещения Руси. Когда мы встретились с ним в 1990 году в Петербурге, я поразился – настолько он показался измученным и больным. Я даже спросил – не болен ли он? Сказалась непосильная нагрузка – после смерти Александра Шмемана в 1983 году он стал деканом Свято-Владимирской семинарии. Непосильные административные нагрузки, преподавание подорвали его здоровье, а ведь он продолжал ученые изыскания. Тем не менее с радостью откликнулся на мое предложение и вскоре прислала из США ответы, аккуратно написанные от руки. Узнав, что в августе 1991 года он приезжает в Москву на научную конференцию, я подготовил к публикации значительный отрывок, который и был тогда же, в августе опубликован в «Московском комсомольце». ¹²

Мы встретились в МГУ, где проходила научная конференция, и там договорились, что наша беседа будет продолжена. Тогда же я отдал ему следующую порцию вопросов. 19 августа, когда Путч стал свершившимся фактом, я позвонил ему. Он рассказал, что весть о перевороте была услышана им в Успенском соборе, где он сослужил с Патриархом Алексием II на Божественной литургии. Он поведал мне, что молвились только о православном народе, опустив привычное моление о властях. Он был оживлен и не верил в успех переворота. На следующий день он должен был улететь в США, хотя не был до конца уверен, что это удастся сделать. Ни тени уныния или страха не чувствовалось в голосе. До весны 1992 года я получил несколько писем от него: «... Виноват: не успел еще ответить на Ваши вопросы. Пришлю несколько книг с отцом Михаилом Рошаком при его следующем путешествии. Дело в том, что Ваши вопросы требуют очень основательных, документированных ответов. Во многом эти ответы можно будет найти в книге Д.Попеловского, которая должна скоро выйти по-русски. Есть ли у Вас английское издание?» ¹³ Спустя месяц он писал: «... Живу в постоянной административной суете и завален

¹² – «МК» – «Время осмысления» от 09.08.91, с. 2. Чуть позже этот же фрагмент был опубликован в журнале «Воронежский епархиальный вестник», № 8, 1992. С. 43–46.

¹³ – Отец Михаил Рошак – диакон Американской Автокефальной Церкви, член Российского Библейского общества, регулярно бывавший в Москве.

«писательскими» запросами... А за письменный стол не удастся даже сесть. Предлагаю Вам следующее: отец Михаил Рошак ездит в Москву каждый месяц. В мартовский его приезд пришлю Вам через него кассету с устными ответами на вопросы...»

В своем предыдущем письме я просил его написать небольшое предисловие к книге Г.Федотова «Св. Митрополит Филипп», которую я готовил к переизданию. В этом же письме он отвечает: «Тогда же составлю предисловие. О личности Г.П. (Георгия Петровича Федотова – С.Б.) напишу кратко, а более подробно о значении книги для осознания подлинно-церковного духа, как противостояния против идеализации Московской Руси и национализма. В отношении вопросов: некоторые из них требуют целой диссертации. Но многое из того, что Вы спрашиваете, было напечатано в разных журналах и сборниках, включая «Вестник РХСД», который, я думаю, Вам теперь доступен...» В этом же письме отец Иоанн сообщал, что послала две книги, необходимые для завершения моих «Очерков по новейшей церковной истории. 1900–1917 годов», книги, над которой я тогда работал.¹⁴

Но кассету с записанными ответами я получил от него только уже в мае 1992 года, когда он прибыл в Москву.¹⁵ Как всегда был предельно загружен – встречался с духовенством, читал лекции, сослужил с патриархом Алексием II, с которым они были дружны с давних пор.¹⁶ Мне удалось устроить его небольшое выступление (единственное!) по московской программе ТВ. Не афишируя, избегая официальных встреч, он с трудом выбрал время для посещения Троице-Сергиевой лавры, куда его привез брат жены – М.А.Можайский. Был

14 – Архив автора, письмо от 02.02.92. Обе монографии, присланные им, немало помогли мне, особенно редчайшее исследование А.А.Боголепова «От Святейшего Синода к Священному Собору», Нью-Йорк, 1965.

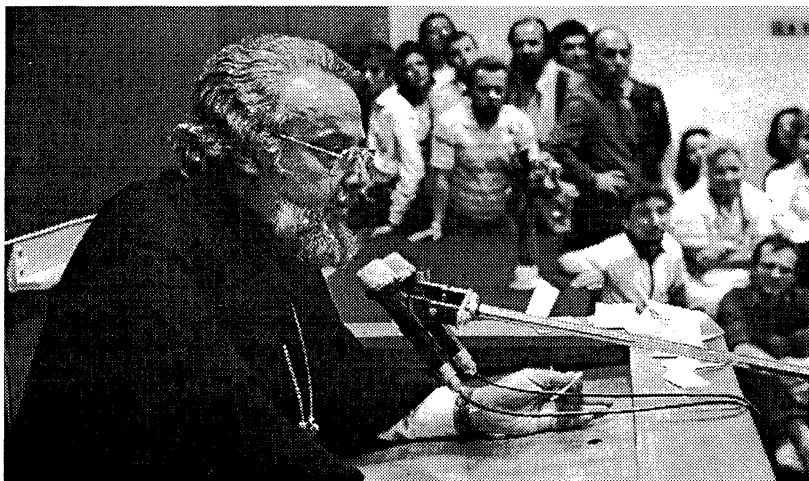
15 – Фрагменты этих ответов были опубликованы мною в газете «Вечерняя Москва» в сороковой день со дня его кончины – «Замороженное православие», 31.08.1992. С. 2.

16 – В этот его приезд я подарил ему подготовленный мною совместно с Д.С.Лихачевым, Л.А.Дмитриевым и Г.М.Прохоровым том «Жизнеописания достопамятных людей земли Русской». Каково же было мое изумление, когда он спросил меня, почему я не возьмусь за создание монографии о Патриархе Тихоне. Оказывается, в тот же вечер он прочел составленное мною жизнеописание Патриарха. Я ответил, что пока остаются недоступными 3 тысячи документов, переданные КГБ Патриарху Алексию II о Святейшем Патриархе Тихоне, не имеет смысла браться за монографию. И тут пришлось изумляться вторично – он посоветовал мне на то, что зря я не рассказал об этом накануне его встречи с Патриархом Алексием II, который запер полученные у КГБ материалы в сейф, сказав, что до тех пор, пока он лично не ознакомится с ними, он никого не допустит к ним. «Я бы прямо сказал ему о недопустимости такого подхода», – непривычно резко сказал отец Иоанн. Прошло три года с того момента, как материалы о Патриархе Тихоне были переданы Патриарху Алексию II, но доселе ни один из них так и не опубликован.

жаркий солнечный июньский день. Мы осмотрели музей Академии и собрание ризницы (меня поразили его знания – он много рассказывал нам об экспонатах музейной экспозиции), потом не спеша снаружи обошли лавру. Строили планы на осень. Он поведал, что решил сложить с себя полномочия декана, что уже назначены выборы. В сентябре рассчитывал приехать в Москву и поездить по России. Уже была достигнута договоренность с митрополитом Воронежским и Липецким Мефодием о посещении святынь Воронежа и Задонска.

Отец Иоанн рассказывал, насколько устал от административной работы, что жаждет отдаться научным изысканиям. Затронули в тот день проблему публикации его книг в России. Он заметил, что Издательский отдел патриархии ответил отказом, когда он предложил митрополиту Питириму издать некоторые свои монографии. Накануне мы посетили издательство «Московский рабочий», встречались с директором и главным редактором. Было достигнуто предварительное соглашение о новом переводе и переиздании в Москве его монографии «Византия и возвышение Руси». Изданием этой книги, вышедшей в Париже, он был недоволен – особенно качеством перевода. Обсуждался вопрос о переиздании книги статей «Православие в современном мире», который в 1981 году был издан в Нью-Йорке В.Чалидзе. Отец Иоанн хотел дополнить некоторые статьи, добавить новые, а некоторые пересмотреть в свете новых данных. Как оказалось, это была наша последняя встреча.

Сергей Бычков

*Лекция протоиерея А. Меня в Библиотеке
иностранной литературы. 1988.*

**Расписание лекций
протоиерея Александра Меня
на май 1990 года.**

Число	Время (час)	Место и тема
5	17	Химфак
6	15	д/к Дукат Деяния апостолов
7	14	д/к з-да Автоматических линий Библия в литературе XVIII века
8	12	д/к им. Горького Пасхальные обычаи
13	13	д/к им. Горького Апостол Павел
14	15	Театр на досках Греческая религия и философия
16	18	д/к им. Серафимовича Вечер памяти Г.Федотова
18	15	Муз. училище или муз. школа
20	17	Театр на досках Ветхозаветная религия
21	14	д/к з-да Автоматических линий Библия в западной литературе XX века
27	15	д/к им. Горького Апокалипсис
28	14	д/к з-да Автоматических линий Библия в русской литературе XX века

Два письма священнику Владимиру Волгину

После смерти в 1977 году настоятеля Сретенского храма, отца Григория Крыжановского, митрополитом Ювеналием был назначен новый настоятель – протоиерей Стефан Середний. Если отец Григорий почти не вмешивался в ход приходских дел, обремененный годами и болезнями, то новый настоятель вникал во все мелочи и навёл порядок там, где ему казалось необходимым. В первую очередь он уволил алтарника, обязанности которого исполнял москвич Владимир Волгин, по образованию киномеханик. Он славился необязательностью и халатностью по отношению к своим обязанностям, которые в Новодеревенском храме были необременительными. Он часто ездил в Псково-Печерский монастырь к старцу, архимандриту Иоанну Крестьянкину (в письме отца Александра он обозначен как отец И.) Его духовником был протоиерей Николай Ведерников (в письме он обозначен как отец Н.). Отец Александр терпимо относился к нерадивому алтарнику, надеясь, что когда-нибудь он переменится. После увольнения из Сретенского храма Волгин почти год оставался без работы, а потом был рукоположен архиепископом Хризостомом Мартишкиным в Белгородскую епархию священником. Там с ним произошла странная метаморфоза – он возомнил себя едва ли не старцем и в разгар гонений направил отцу Александру обличительное письмо, на которое он ответил сдержанно и аргументированно. После гибели отца Александра опусы Волгина были опубликованы сначала в «Троицких листках», затем журналом «Москва» и наконец в пухлом сборнике под псевдонимом – протоиерей Сергей Антиминсов. Публикуем два письма протоиерея Александра Меня, которые были написаны им в 1984 году.

* * *

Отвечаю Вам, отче, на некоторые Ваши недоуменные вопросы, связанные с Библией и святоотеческими ее толкованиями. Делаю это, в основном, для того, чтобы показать, что мой взгляд на предмет не есть нечто новое, а существовал в Церкви и прежде.

1. Все мы верим, что Библия, включая ее ветхозаветные разделы, есть Слово Божие. Но только ли Божие? Должны ли мы считать,

что священные авторы писали как бы «под диктовку Святого Духа»? Такой подход к боговдохновенности встречался у некоторых иудейских комментаторов и ряда ранних церковных писателей. Однако в целом он не был принят святоотеческой экзегезой. Например, согласно блаженному Августину, в Библии Бог «через человека говорит по-человечески» (О Граде Божием, 17, 6). Свяtitель Иоанн Златоуст указывает, что Бытописателем допущено «снихождение к обычаю человеческому» (Беседа на Бытие, III, 3). Сам Господь Иисус объяснял, что допущение развода не выражает воли Божией, а есть уступка человеческому «жестокосердию» (Мф. 19, 8).

Святые Отцы неоднократно подчеркивали различие в стиле, языке и характере у боговдохновенных писателей. Так, по словам блаженного Иеронима, «Иеремия кажется грубым в сравнении с Исаией и Осией» (Толкование на Исаию). Иными словами, священные авторы Библии, передавая нам Откровение Божие, не утрачивали при этом своих личных особенностей и черт, которые наложила на них эпоха.

Далее священные авторы черпали не только из непосредственного озарения, а также из преданий и литературных источников, которыми они располагали. Например, в Исторических книгах есть цитаты из писаний, которые до наших дней не дошли, – эпоса и летописей (в частности, см. Ис. Нав 10, 12; 2 Цар 1, 18; 2 Езд 2, 3–7). Напомню, что и святой Лука приступил к своему Евангелию «по тщательному исследованию всего сначала», учитывая труды «многих», кто прежде него писал о Христе.

Среди источников, которыми пользовались ветхозаветные мужи, могли быть предания, сохранившие сведения о событиях далекого прошлого в поэтической форме, а не в форме строгой фактографии. Пример: в сказаниях Книги Даниила говорится, что преемником Навуходоносора был персидский царь Дарий, между тем из документов теперь известно, что ему наследовал вавилонянин Набонид; Дарий же воцарился полвека спустя. Но это нисколько не умаляет духовного и богословского смысла сказания.

В Православной Энциклопедии, вышедшей с разрешения церковной цензуры, признается «присутствие разного рода *неточностей* – исторических, хронологических и топографических – равно и разногласий у священных писателей» (т. 2, с. 736). Этот факт свидетельствует, что по примеру Божию, им было дано быть подлинными соавторами Духа, сохранившими все особенности своей человеческой природы. Мысль о богочеловеческом характере Священного Писания была сформулирована на I Конгрессе православных богословов в Афинах (1936), в частности в выступлениях представителей Элладской Православной Церкви, архимандрита Анто-

*Июнь 1979 года. У могилы В.Я.Василевской.
Слева направо – М.В.Тепнина, З.А.Масленикова, Н.Лихачева,
С.Бычков, О.Степурко, А.Волгин, протоиерей А.Мень, В.Ерохин.*

ниадиса и патриарха греческих библеистов проф. Василиоса Велласа. А представитель русских богословов Борис Иванович Сове (см. о нем в «Богословских Трудах», 4) говорил на Конгрессе следующее: «Механически буквальное понимание боговдохновенности священных книг – достояние иудейского и консервативного протестантского богословия – не может быть защищено православными богословами как уклоняющееся в своего рода «монофизитство», а должно быть исправлено в свете Халкидонского догмата о богочеловечестве. Участие в написании Библии человеческого элемента с его ограниченностью объясняет особенности ветхозаветных книг как исторических источников, их ошибки и анахронизмы, которые могут быть исправлены внебиблейскими данными, обогатившими, особенно в последние десятилетия, историю Древнего Востока. Ложный апологический взгляд на Библию как на энциклопедию исторических и общественных наук должен быть оставлен. Ветхозаветные боговдохновенные писатели – прежде всего богословы и законоучители. С этой точки зрения надлежит рассматривать учение о

творении мира, о всемирном потопе и т.д. Ценность Библии в ее богословии» («Путь», № 32). Тот же взгляд был высказан на торжественном Акте в Свято-Сергиевской Духовной академии (февраль 1944 года): «Поскольку и святоотеческая мысль утвердила положение о полноте действия естественной человеческой психики и об отражении ее в самих писаниях священных авторов, постольку догматически *оправданы* и узаконены те методологические операции над текстом и содержанием Библии, которые требуются научным знанием. Критическая работа тут уместна потому, что она прилагается к *подлежащему ее ведению человеческому элементу*: он здесь полностью дан.

Дан, ибо Библия не только слово Божие, но и слово человеческое в их гармоническом сочетании, точнее – *слово богочеловеческое*» (А.В.Карташев. О ветхозаветной библейской критике. Париж, 1947. С. 72).

Этот земной, человеческий аспект Писания изучает наука *исагогика*, в сферу которой входит текстуальная, историческая и литературная критика.

Но может быть Святые отцы вообще отвергали науку и мы поэтому не имеем права использовать ее данные для толкования и изучения Библии? Такое мнение существует, но оно не находит подтверждения у самих Отцов.

2. Одной из особенностей святоотеческого учения является *рецепция*, принятие всего ценного, что содержится в науке, философии и вообще – культуре. Если для первых поколений христиан вопрос об отношении веры и культуры не стоял вовсе, поскольку ожидался скорый конец мира, то уже начиная с II века Святые Отцы, тем не менее, признавали в ней и нечто ценное. Свяtitель Феофил называл Платона «мудрейшим из эллинов» и находил у него созвучие с христианством (К Автолику, 3, 17); такое же мнение высказывал он относительно греческих трагиков (2, 36). Святой Иустин Мученик указывал на «согласие» ряда философских и научных положений с христианскими взглядами (I Апология, 20). Большинство апологетов даже разъясняют основы веры «по началам философским, вместе с тем удерживают верность откровенной истине» (еп. Филарет. Историческое учение об Отцах Церкви, Т. 1, с. 72).

В связи с вопросом о вере и знании Климент Александрийский писал: «Мне хорошо известны настойчивые речи невежественных и робких людей, полагающих, что нам надо больше пользоваться теми главнейшими факторами, на которых покоится вера, и проходить мимо всего, лежащего вне ее... Другие полагают, что философия влилась в жизнь из дурного источника и изобретена злым существом во вред человеку» (Строматы, 1, 1, 10). «Некоторые воображают, – гово-

рит он далее, – что умно делают, когда *не хотят изучать естественных наук и не желают иметь дела ни с философией, ни с диалектикой*, а только простой и чистой верой удовлетворяться. Это все равно, как если бы они утверждали, что никакого ухода за виноградной лозой не нужно, а достаточно только насадить ее, чтобы иметь с нее гроздь». (Там же, 1, 7, 9). «Разумная вера делает человека другом Божиим» (там же, 1, 6).

Вот почему большинство Святых Отцов и Учителей не погнушались получить высшее образование в тогдашних языческих школах (свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Григорий Нисский, свт. Иоанн Златоуст и мн. др.). Мало того: они не считали это своим исключительным правом. Так, святитель Василий советовал христианским юношам читать и изучать языческую литературу (Беседа 23. «К юношам о том, как получить пользу от языческих сочинений»). Сам святитель широко пользовался трудами Аристотеля, Плиния и других натуралистов, описывая животный и растительный мир в своем «Шестодневе». При этом он, естественно, остался в тех границах, которые имела античная наука (в частности, следуя Аристотелю, он считал, что мыши, жабы и насекомые могут самозарождаться из тины, IX; а блаженный Августин отказывался верить, что люди могут жить на противоположной стороне Земли). Это не может принудить нас сегодня вернуться к научным представлениям греко-римской эпохи только потому, что их разделяли Отцы Церкви. Но зато они заведывали нам самый принцип допустимости включать в богословское осмысление веры данные науки¹).

Сами Святые Отцы проделали огромную работу по исагогике Писания, уточняя подлинный текст, сравнивая переводы, решая проблемы авторов священных книг, в то время как эти книги уже давно были признаны каноническими (например, труды Оригена, блаженного Иеронима, блаженного Феодорита).

Должны ли мы просто копировать святоотеческую исагогику? Или же, по образцу естественных наук, ориентироваться лишь на самый принцип? «Если мы считаем писания святых Отцов свидетельством истины, – отвечает один из современных богословов, – нам следует пребывать с ними в духовной преемственности. Это отнюдь не означает, что мы должны слепо повторять все, что написано у св. Отцов, а скорее предлагает усвоение некоторой внутренней логики, интуиции, последовательности развития святоотеческой мысли» (прот. И.Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие, с. 10).

¹ – Характерна еще одна особенность святоотеческих писаний. Обращаясь к внешним и новоначальным, она апеллирует к их опыту и понятиям, очень редко ссылаясь на церковные авторитеты. У апологетов – М.Феликса, Афинагора, Мелитона и др. – мы почти или совсем не находим цитат из Писания.

*М.В.Тепнина. Лето 1982 года.
Фото С.Бычкова.*

Святые Отцы, как пишет А.В.Карташев, «не были магами и чародеями в области научного знания. Они, да и не только они, а даже наши ближайшие предки, например, даже богословы XVIII века, не могли знать тех бесчисленных фактов, которыми нас обогатили XIX и XX века, века многочисленных археологических раскопок» (Цит. соч., с. 76).

3. Для нас в первую очередь важны не конкретные выводы патристической исагогики, а сама возможность обсуждать датировку, авторство, состав и источники священных боговдохновенных книг. Следует при этом подчеркнуть, что Святые Отцы и Учителя допускали в данной научной области большую широту и свободу мнений, поскольку наука не может затрагивать *догматической*

истины боговдохновенности. «Авторитет священных книг, – пишет отец С.Булгаков, – *зависит отнюдь не от исторической точности надписания их авторов, но от церковной оценки содержания этих книг*» («Два града», т. 2, с. 53). Ту же мысль, по-другому выразил А.С.Хомяков, говоря, что если бы доказали, что Послание к римлянам написано не апостолом Павлом, Церковь сказала: «оно от меня».

Вот несколько примеров того, сколь неодинаковы были взгляды Святых Отцов на происхождение ветхозаветных книг.

Блаженный Иероним считал, что часть Пятикнижия написана Ездрой (О Приснодевстве Богоматери). Он же думал, что Книга Исуса Навина составлена им самим, в то время как блаженный Феодорит делает вывод, что книга написана «не самим Навином, а кем-то жившим позже» (бл. Иероним. Посл. к Павлину; бл. Феодорит. Толкование на Ис. Нав. Вопр. 14). То же говорит блаженный и о Книге Судей (Толк. Вопр. 2). Блаженный Иероним приписывает Книги Царств Самуилу и Ездre, а святитель И.Златоуст и святитель Афанасий – Самуилу, Нафану, Гаду, Исаяе и др. пророкам (см. их Синописисы к Ветхому Завету). Некоторые Отцы приписывали Кни-

гу Иудифь ей самой, иные – Ахиору, иные – Елиакиму и т.д. Не сложилось единого мнения относительно авторов Товита, Есфири, Иова, Паралипомона. Преосвященный Филарет Рижский, изучив разнообразные мнения Святых Отцов и др. данные, пришел к заключению, что вопрос об авторе Екклесиаста «остается открытым» (Еп. Филарет. О происхождении книги Екклесиаста. Киев, 1885, с. 21). Одни Отцы считали, что Премудрость писал Соломон, другие это отрицали.

Примечательно, что Святые Отцы распространяли подобную широту исагогических исследований и на Новый Завет. Так, святитель Дионисий Великий, сравнивая Откровение и IV Евангелие, пришел к мысли, что они написаны разными лицами. Он признавал священный авторитет Апокалипсиса («Я не осмелился бы отвергать эту книгу»), но указывал, что между ним и другими Иоанновыми писаниями слишком много различий, чтобы их мог написать один автор. «И самый язык, – пишет святитель, – оправдывает предположение о различии Евангелия и посланий от Откровения. Первые написаны не только без ошибок против греческого языка, но и с особым изяществом в выражениях... Я не отрицаю, что и тот, кто видел Откровение, получил ведение и пророчество, но вижу, что речь и язык его не чисто греческие, но смешаны с речениями иностранными и по местам неправильными» (свт. Дионисий Великий. Творения, с. 27–28).

Замечу, кстати, что ряд книг, авторы которых считались известными и которые высоко читались (Кн. Еноха, Псалмы Соломона, Вознесение Моисея и др.), были отвергнуты Церковью и признаны апокрифами. Это еще раз подтверждает, что каноничность устанавливалась не по имени автора, которое стояло в заглавии книги.

4. Продолжая труды Святых Отцов, христианская исагогика достигла немалых результатов по уточнению датировки, авторства и со-

Священник Николай Голубцов.
Конец 50-х годов.

става священных книг. В частности, возникла целая школа православных экзегетов, которая достаточно убедительно показала, что авторство Моисея, Давида и Исаяи следует понимать в расширительном смысле. Они – авторы по духу, носители исходного Священного Предания. Пятикнижие, Псалтирь и Книга Исаяи по праву носят их имена. Но в прямом смысле они лишь положили основание этим книгам, которые были дополнены другими *боговдохновенными* мужами – пророками и мудрецами.

Основателями этой школы можно считать С.Трубецкого и акад. Б.А.Тураева. Тураев преподавал в духовной школе, принимал участие в Богословской Энциклопедии, был членом Поместного Собора Русской Церкви 1917–18 годов. Никто никогда не ставил под сомнение его верности православию. В его главной книге «История Древнего Востока» мы читаем: «Приписывание отдельных библейских книг определенным авторам во многих случаях надо понимать не в нашем, а в восточном смысле. Восток не знал литературной собственности; индивидуальность творчества и авторов в почти современном смысле с достаточной ясностью проявляется лишь в книгах пророков» (т. 1, с. 6).

На этих же позициях стоял и профессор МДА И.Д.Андреев и отец А.Ельчанинов – один из выдающихся православных писателей и пастырей нашего времени. Свои взгляды на Ветхий Завет он высказал в книге по истории религии (1910), которую он написал в соавторстве с Флоренским и Булгаковым. И, наконец, эти исагогические выводы были положены в основу курса по Священному Писанию, который читался в Свято-Сергиевской Духовной Академии, где его излагали – устно и письменно – такие видные православные библеисты, как А.В.Карташев и ее ректор – протопресвитер Алексей Князев. Сегодня концепции этой школы стали господствующими. Сегодня *нет ни одного православного (и католического) библеиста, который имел бы другие взгляды. Над этим стоит задуматься тем, кто упорно отрицает данные современной библейской исагогики (я не говорю о баптистах, которые продолжают стоять на позициях старого фундаментализма).*

5. В заключение коснусь вопросов экзегезы. Существует ли единое святоотеческое толкование Ветхого Завета?

На уже упомянутом Конгрессе православных богословов было указано, что Святые Отцы «имеют огромную ценность для православного ветхозаветника, который, *однако, должен учитывать различия толкований Отцов, не возводя автоматически ни одного из них на степень Предания Церкви.* Православные библеисты с полным правом обращают внимание на церковно-богослужбное (литургическое, иконографическое) истолкование Ветхого Завета, выясняя об-

щецерковное экзегетическое предание, отделяя позднейшие и случайные элементы».

Таких *различий* в святоотеческой письменности очень много. Приведу лишь некоторые примеры.

Преподобный Ефрем Сирин считает слова в Быт. 1, 1 указанием на начало творения во времени; между тем, как святитель Феофил Антиохийский, святитель Амвросий Медиоланский, блаженный Августин и др. видят здесь указание на предвечное «начало», в котором пребывает «рождаемый Сын» Ин. 1, 1). В Послании Варнавы 6 дней творения толкуются как 6 тысяч лет, Климент же Александрийский считал творение мгновенным, а «шестоднев» – лишь описанием его структуры. Папий, святой Иустин, святитель Ириней, святитель Ипполит и др. толковали пророчество о Царстве Божиим в духе хилиазма, а святитель Дионисий Великий резко против этого возражал. Блаженный Августин в разные периоды жизни имел разное понимание Книги Бытия. Преподобный Ефрем Сирин толковал земной рай буквально, а святитель Амвросий склонялся к мысли, что это духовная реальность (о рае, 2). Святитель Григорий Богослов видел в Едеме образ высшего Богообщения (Песнопения таинственные, 7). Древо познания так же понималось неодинаково. Если преподобный Ефрем Сирин считает его физическим деревом, лишь наделенным особыми свойствами, то святитель Григорий Богослов видит в нем «созерцание божественных вещей, запрещенное несовершенным» (Слово 30, 12). А святой Анастасий Синаит в своем «Шестодневе» вообще считает, что природа райских деревьев неизвестна и знание ее не является необходимым для Церкви (8, 89). По мнению святителя Амвросия, библейский змей есть аллегория чувственности (О рае, 2), а согласно Златоусту это было животное, которым сатана воспользовался как орудием (Беседы на Быт. 2) На основании того, что и мужчина, и женщина вместе названы Адамом (Быт. 2, 7), некоторые Отцы считали, что Адам – это разум, а Ева – чувство (святитель Амвросий. Там же; блаженный Августин. На бытие против манихеев, 2, 12). Повторяю, это лишь немногие примеры того, как *различно* толковали Отцы Писание.

Совершенно необоснованно мнение, будто Отцы считали единственно правильным буквальную экзегезу. Даже такой сторонник буквального толкования, как святитель И.Златоуст, указывал, что в Писании многое описано образно ради «снисхождения к обычаю человеческому» (Беседы на Бытие, III, 3). Говоря о слове «вдунул» (Бог душу в человека), святитель пишет: «Если из-за того, что Писание говорит – вдунул, захотят приписать Богу и уста, в таком случае надо будет дать Ему и руки, потому что сказано «сотво-

рим человека» (там же, XIII, 2)». Далее: «И посадил Господь Бог рай. Что сказали бы и о настоящем изречении те, которые все, что ни говорится о Боге, дерзают понимать по-человечески? Что же, скажи мне, не понадобился ли Ему и заступ?» (там же, XIII, 3). Объясняя другие антропоморфизмы Библии, святитель пишет: «Разумей слова эти по-человечески, но знай, что употреблены *грубые речения*, приспособительно к немощи человеческой» (Там же, XV, 2). Следуя этим указаниям Златоуста можно спросить, имеем ли мы право толковать слова: «Гнал Господь море сильным восточным ветром всю ночь и сделал море сушею» (Исх.14, 21), как будто Бог гнал воду, словно корабельщик веслом? Нет, это библейское выражение означает, что Бог использовал естественные природные силы для спасения израильтян. Чудо от этого не становится менее важным. Огромное число чудес в истории и в нашей жизни протекает так, что неверующий ум может увидеть в них случайность или совпадение. Так сохраняется свобода веры. Не случайно, что великие чудеса непосредственного вторжения Божией Силы в мир совершались в тайне (Воплощение и Воскресение; напомним, что Воскресший не явился Своим врагам).

К каким соблазнам может привести одно лишь буквальное понимание священного текста, показывает авва Серен в связи с толкованием слов Спасителя о несении Креста. Он говорил: «Некоторые весьма строгие монахи, имеющие ревность Божию, но не по разуму, понимали это просто, сделали себе деревянные кресты и, нося их постоянно на плечах, и всем видящим доставляли не назидание, но смех... Некоторые изречения удобно и необходимо прилагаются к тому и другому пониманию, т.е. *как и историческому, так и иносказательному*» (у преподобного И.Кассиана, собеседование 8,3). Святитель И.Златоуст так же писал, что «иное Писание должно понимать как говорится, а иное в смысле переносном; иное в духовном смысле, иное же в двояком смысле: чувственном и духовном» (Беседа на Пс. 46). Александрийская школа Отцов отдавала предпочтение аллегорическому методу толкования, а Антиохийская – буквальному. А преподобный Кассиан находил даже четыре аспекта экзегезы (Собес. 14, 18).

Закончу словами такого выдающегося богослова как отец Сергий Булгаков: «Церковь не только не преграждает путь к изучению Слова Божия *всеми* доступными способами, в частности современными способами научной критики, но и *не предрешает наперед выводов этой критики*, при условии, что остается нерушимым верующее, благоговейное отношение к священному тексту» («Православие», с. 57). Что же касается Святых Отцов, то приведу мнение признанного патролога отца Г.Флоровского. Касаясь «верности Отцам», он пишет: «Речь

идет не какой-нибудь «реставрации», и не о простом повторении и о не возвращении назад, к «отцам», во всяком случае, всегда вперед, не назад, речь идет о верности отеческому духу, а не только букве, о том, чтобы загораться вдохновением от отеческого пламени, а не о том, чтобы гербаризировать тексты» (Цит. по ЖМП, 1980, № 2, с. 55).

Итак, подведу итоги:

1) Библия, являясь Словом Божиим, является и словом человеческим и поэтому представляет собой богочеловеческое явление. Земной, человеческий аспект ее может быть изучаем средствами науки.

2) Святые Отцы признавали правомерность приложения данных наук к богословию и, в частности, к библеистике. Как и любая наука, библейская исагогика не может ограничиваться только данными патристической эпохи, а дополняется новыми.

3) Каноичность и боговдохновенность священных книг определяется не тем, какое имя стоит в их заглавии, а их содержанием. На этом основании Отцы свободно исследовали проблему авторства священных книг. Эту же работу продолжает и сегодняшняя библеистика.

4) Абсолютное большинство современных православных специалистов по Ветхому Завету признает главные достижения и выводы исторической критики текста, не посягая на его боговдохновенность.

5) У Священных Отцов не было единого общепринятого метода толкования Библии. Поэтому нельзя считать лишь какую-то одну экзегезу единственно православной.

Протоиерей Александр Мень

В. В. январь 1984

Получил я, отче, Ваше – такое странное послание и глубоко огорчившее меня – письмо. Прежде всего, должен попросить у Вас прощения; наверно я чем-то неволью обидел Вас, иначе непонятны мне его содержание и тон. Вы отчитали меня, словно архиерей – начинающего клирика, причем – в заведомой уверенности, что «моя деятельность подрывает основы Православной Церкви» (для Вас вопрос лишь в том, как Вы сами ясно выразились, насколько это сознательно). Подобный «приговор» привел меня в крайнее изумление. Столько лет мы были рядом. Вы читали мои книги, знаете, что для многих людей они были полезны, в смысле их утверждения в вере (конечно, не по моим заслугам, а по благодати); а теперь все неожиданно перевернулось. Из тысяч написанных мною страниц Вы выискиваете именно

те места, которые кажутся Вам «неправославными». Такого предвзятого подхода я не встречал даже со стороны неверующих. И это именно сейчас, в тот момент, когда нам нужно духовно сплотиться, а не устраивать «охоту на ведьм», подозревая друг друга в «неправославии».

Еще апостол говорил, что надлежит быть различиям во мнениях (1 Кор. 11, 19), но разве должны они вести к моральной инквизиции?

Я доверчиво и с дружеским расположением посылал своих духовных детей посещать Вас, Вы же, как мне стало известно, настраивали их против их духовника. Какой смысл заверять в любви, если тут отсутствует даже элементарный братский такт? Вы – быть может и справедливы – указываете, что некоторые из моих прихожан стоят не на достаточной высоте. Но вправе ли мы, священники, попрекать друг друга такими вещами? Как бы звучали в моих устах подобные упреки, обращенные, например, к отцу Н. или к отцу И. в связи с Вашим образом жизни всего несколько лет тому назад? Вы, как и многие – были небезгрешны, но они-то не могли за все нести ответственность. Когда-нибудь, когда Вы испытаете все тяготы и огорчения пастырства, Вам будет стыдно своих упреков. Не понял я Ваших загадочных намеков на то, что Вы почему-то присвоили себе право грубо вмешиваться в мою пастырскую педагогику, в которой Вы еще весьма мало искушены.

Совершенно несправедлив Ваш упрек, будто я пишу в ущерб приходской работе. Кто-кто, а Вы отлично знаете, что я уделяю внимание не меньше тех моих собратьев, которые вообще ничего не пишут. Почему не обличаете священников, которые просто не желают общаться с прихожанами (а таких немало), а обрушиваетесь именно на меня? Какие чувства Вами движут?

Кому дано писать, кто давно получил на это благословение – обязан делать это. Писание есть часть пастырской работы, ее продолжение. Слова зачастую улетучиваются, написанное – остается. Если бы литературно-богословский труд был несовместим с пастырством, Отцы Церкви, к которым Вы все время апеллируете, ничего не писали бы. И подают пример всем имеющим призвание.

О Библии и ее толкованиях можно сказать многое. Но это я отложу до отдельного письма т.к. в одно столь обширная тема не уместится. Не знаю, впрочем, есть ли смысл вообще писать. Вы ведь уже считаете себя настолько компетентным, что производите безапелляционный суд над человеком, который посвятил этому делу 30 лет жизни и третий десяток лет служит у престола. Все это остается для меня загадкой. Не знаю, в чем моя вина перед Вами. Вам ведь известно, что и у отца Н., и у отца Д., и у отца К., и др. были и есть свои собственные, весьма спорные взгляды, но их Вы почему-то не выбрали мишенью для разноса.

Итак, до следующего письма.

Протоиерей Александр Мень

Протоиерей Александр Мень

МОЛОДЕЖЬ И ИДЕАЛЫ

«Совершенно секретно», № 2, июль 1989 года.

Почему, когда речь заходит о болевых точках общества, так часто выплывает вопрос о молодежи?

И вообще, откуда возникла эта категория – «молодежь»? Ведь еще в XIX веке во главе правительств, армий, среди писателей и общественных деятелей сплошь и рядом мы находим людей, которых сегодня отнесли бы к категории «молодежи». По-видимому, произошло какое-то возрастное социально-психологическое смещение, которое, кстати говоря, заметно почти во всем мире.

В перспективе истории этот факт объясним и оправдан. И не только истории, но и – эволюции. Известно, что чем выше развито существо, тем длительней у него период «воспитания», заботы о подрастающем поколении. В человеческой культуре этот период растягивается еще и потому, что постоянно растет объем информации, освоить которую необходимо для профессиональной деятельности.

Если полтора-два десятилетия назад можно было считаться с образованным человеком, учась «понемногу чему-нибудь и как-нибудь», то в наши дни годы учения занимают 10 – 15 лет, т.е. почти четверть средней сознательной и активной жизни. В этом заключается одна из причин возникновения такой категории, как «молодежь».

Сегодня мы все с тревогой отмечаем кризисные и болезненные явления в молодежной среде. Частично помогла тому гласность, открывшая многим глаза. Но я уверен, что социологи, владеющие не фиктивными данными, а достоверным материалом, уже давно вынуждены признать, что преступность, апатия, цинизм, погоня за острыми ощущениями нагнетаются в угрожающем темпе.

Как бы ни оценивали нашумевший фильм «Легко ли быть молодым?», надо признать, что он правдиво отразил симптомы «молодежного неблагополучия», хотя и не претендовал осветить все его аспекты.

Нередко можно слышать голоса, упрекающие во всем перестройку и демократизацию. Более того, враги обновления черпают в уголовной хронике главные заряды для своей «тяжелой артиллерии».

Но подобная постановка вопроса смахивает на страусовую политику. Ведь скальпель гласности неизбежно должен был вскрыть многие нарывы, которые до сих пор лишь стыдливо припудривали. А ведь любой хирург знает, что процесс вскрытия нарыва дает отнюдь не приятную картину, так же как и весна, которая подчас освобождает из-под снега грязь, трупы – словом, все что было скрыто под белой пеленой.

Важнейшая цель этой социальной операции в нашем обществе уже не раз была сформулирована. Ее можно выразить вопросом: «Как мы дошли до жизни такой?»

Вот откуда сегодня пристальное внимание к сталинщине, к тому, что ее породило и что сама она произвела на свет. Это отнюдь не политический мазохизм, желание «копаться в нашем темном прошлом» и не желание «свалить все на Сталина». Без такого, пусть мучительного, анализа мы никогда не найдем ответов на актуальные вопросы. Где-где, а именно тут с наибольшей очевидностью работает правило: «Нельзя понять сегодняшнего дня без понимания дней минувших».

Спору нет, еще XX съезд и смелый шаг Н.Хрущева вызвали среди молодежи определенное смущение и растерянность. Крушение кумира повлекло за собой кризис той «идейности», искренней, а подчас лицемерной, на которую опиралась Административная Система. Но виноват в этом был не Хрущев, а те, кто годами насаждали культ кумира, воспитывали людей верноподданными слугами «Дракона», называя это «советским патриотизмом». Те, кто осуществил на практике мрачные антиутопии Замятина и Оуруэлла, кто, по крылатому выражению наших людей был «рожден, чтоб Кафку сделать былью».

Шарль Бодлер писал когда-то о «цветах зла». Теперь мы видим уже цветочки, а ягодки – неизбежные «плоды зла». Плоды тех ядовитых сорняков, которые были посеяны несколько десятилетий назад.

Они не могли вызреть в один день.

Но в конце концов этот день пришел.

Однако пришел не только он. Одновременно зазвучал призыв к покаянию, призыв к переоценке и пересмотру всего...

Хочется верить, что консилиум собрался к больному вовремя, что врачи не опоздали. Важно, чтобы они не откладывая искали причины недугов, чтобы нашли действенные способы лечения.

В этой связи я хочу выделить лишь три темы для общего обсуждения.

1. Я уверен, что рост преступности проистекает не от слабости правоохранительных органов, хотя и к ним предъявляют немало обоснованных претензий. Даже если увеличить вдвое состав работников Министерства внутренних дел, даже если усовершенствовать методы следствия, судопроизводства, ужесточить законы, корен-

ная причина преступности не будет устранена. Не уничтожит ее и повышение жизненного уровня (все знают, что часто правонарушители – дети обеспеченных семей).

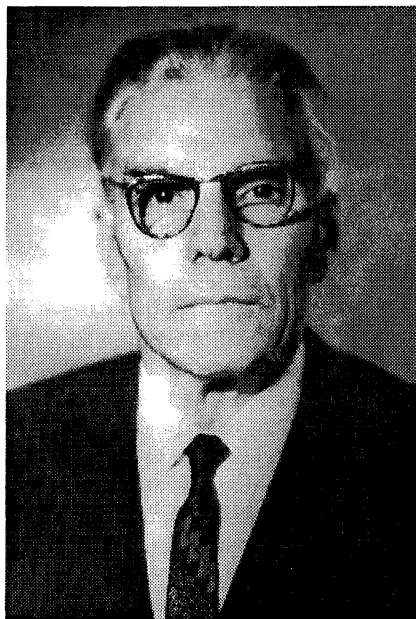
Для человека недостаточно «читать уголовный кодекс». Если в нем самом не будет жить и развиваться дух человечности, он рано или поздно станет «потребителем», циником, обывателем, мизантропом, сделает своим символом веры шкурнические интересы. А от этого до преступления – один шаг. Если нравственные основы жизни – иллюзия, условность, то страх перед наказанием едва ли сможет стать надежной плотиной от воли человеческого зла. Вот почему для отца Брауна, героя детективных рассказов Г.К.Честертона, было важно не просто разоблачить преступника, поймать его, сколько – пробудить в нем совесть. Отец Браун хорошо помнил слова Христа о радости на небесах из-за каждого обратившегося грешника.

Мы, христиане, убеждены, что борьба добра и зла происходит во внутреннем мире людей и лишь потом проецируется в общественные деяния. Мы убеждены, что нравственность не условная концепция, изобретенная той или иной эпохой, а объективный закон, данный человеку свыше, как отражение воли Творца. Дар этот дан нам не в готовом виде, а требует развития и углубления, требует «культивирования».

Этой цели и служат религиозные традиции.

Мне возражат, что подобный подход уместен лишь для верующих. Согласен. Но ведь верующие составляют значительный процент нашего общества. Не следует забывать об этом существенном факте.

Между тем, верующие уже несколько поколений не просто третируются и подвергались давлению, но и внутри своих общин были лишены возможности развивать свою духовную и нравственную культуру. Почему?

*Доктор медицинских наук,
психиатр Д.Е.Мелихов.
Середина 60-х годов.*

Для такого развития необходимы были определенные условия: свобода внутриобщинной жизни, свободное распространение информации, просвещение, катехизация, создание культурных общественных религиозных движений, так или иначе возглавляемых церковным руководством (в христианстве и вне его). Остается печальным парадоксом, что большинство рядовых членов общин утратило представления о многих религиозно-нравственных принципах своей религии.

Такое положение дел насаждалось и поддерживалось едва ли не сознательно, а просвещенные и активные верующие рассматривались как подрывной элемент. Их толкали на путь диссидентства, клеймили как отщепенцев. О каком же позитивном влиянии на общество можно было говорить в такой обстановке?..

Если же говорить о людях нерелигиозных и атеистах, то, мне кажется, для них пришла пора более объективно оценить этические основы религий. Не отбрасывать их как «предрассудок» и «пережиток». Более того, евангельское учение об абсолютной ценности личности и долге милосердия должно сегодня привлекать новое, благожелательное внимание со стороны тех, кто озабочен нравственным состоянием общества.

2. Сталинизм вырастил поколение конформистов, панически боящихся иметь собственное мнение. Он играл на полубиологическом инстинкте «подчинения вождю», на психологии холопа, жаждущего Хозяина, твердой руки. Эта психология далеко не изжита и подчас приобретает агрессивные черты. Ей мы обязаны портретами Сталина, которые то тут, то там появляются на ветровом стекле:

Процесс «выдавливания в себе раба» происходит медленно. Он длится уже треть столетия.

Мы давно уже привыкли к книгам и фильмам, где одиночки, своего рода донкихоты, часто из числа молодежи, ведут тщетную и неравную борьбу со склеротичным и костным аппаратом. Их судьба вдохновляет немногих. Читатели и зрители находят здесь подтверждение тому, что они часто видят в жизни. Создается психология типа «моя хата с краю», «зачем мне это нужно?».

Молодежь глубоко разочарована в эффективности честной гражданской позиции, в целесообразности борьбы за справедливость. Отсюда – ее равнодушие к общественным вопросам, довольно распространенная тенденция укрыться от них.

Снижение подлинно гражданской активности (я, конечно, имею в виду не цепкий карьеризм) – вторая причина преступности.

Социальная энергия юноши или девушки, не имея здорового применения, нередко направляется по каналам, ведущим к правонарушениям.

Создаются замкнутые паразитические «псевдообщества» со своими законами, которые больше влияют на сознание причастных к ним людей, чем общечеловеческие и гражданские принципы. Мелкая мафиозность, зарождающаяся иногда уже в школе, нередко подменяет радикализм, свойственный молодежи.

Наши хиппи и им подобные группировки обязаны своим возникновением не пресыщенностью благами цивилизации, а недоверием к общественной жизни.

Следовательно, начинать надо не с молодежи, а со старшего поколения. Именно оно должно возродить в себе чувства гражданской ответственности и только тогда будет вправе спрашивать с молодых...

3. Мне кажется, все уже устали от заклинаний такого рода, как «мы самая грамотная страна в мире», «самая читающая» и т.д. В этом, конечно, есть доля правды. Литература, например, играет у нас роль, по-видимому, большую, чем на Западе, где иные семьи вообще обходятся без книг и довольствуются газетно-журнальным чтивом. Но почитать на лаврах опасно. В процессе все чаще появляются жалобы на плачевное состояние библиотек, музеев, памятников. Короче, забота о культуре рассматривается большинством чиновников как некая роскошь.

Однако это, с позволения сказать, упущение болезненно бьет по всему обществу.

Проблемы в культурном воспитании тесно связаны с вопросом о свободном времени.

Как осуществляется досуг молодежи?

Можно ли считать нормой эти сиротливые сборища в подъездах – порой невинные, а порой уже вовлеченные в круг преступлений?

Даже в Москве, одной из крупнейших мировых столиц, пойти в свободный вечер или выходной практически некуда. В кафе – очереди, музеи закрываются рано и их поразительно мало. Молодежные организации с проблемой досуга явно не справляются. Диско-теки, спортклубы, кино, театры (если хорошие, то малодоступны)... По пальцам можно перечислить варианты, которыми располагает молодежь. Неужели не хватает фантазии? Ведь любой очаг здорового времяпрепровождения может спасти многих от соблазна пойти по кривой дорожке...

Сейчас, кажется, все это начинают понимать всерьез.

Появляются дискуссионные клубы, неформальные объединения, группы по защите и реставрации памятников. Однако и здесь не все так просто. Пользы будет мало, если движения не станут направлять опытные и квалифицированные люди, талантливые, любящие молодежь, знающие важность дела. И они крайне нуждаются в поддержке. Да что в поддержке! Как минимум, им хотя бы не следовало мешать.

Давным-давно, еще 28 веков назад, великий библейский пророк Амос заговорил о духовном голоде, который некогда будет терзать мир. Если голод физический разрушает тело людей, то голод духовный – их душу. Он создает вакуум в том нематериальном ядре человека, которое отличает его от животного. А, как говорится, «природа не терпит пустоты». И вот в эту опустошенную душу вторгаются полчища врагов: наркомания, алкоголизм, всевозможные формы «балдения» среди молодежи. Таков горький результат бездуховности.

И опять-таки религиозные общины нашей страны могли бы внести определенный вклад в возрождение духовных ценностей.

Пусть у нас нет пока опыта. Мы не будем стыдиться заимствовать опыт из нашего прошлого и у наших зарубежных собратьев по вере. Неформальные движения религиозной молодежи – дело будущего. Но это вещь вполне реальная и конституционная. Если, повторяю, она будет не анархической, а связанной с руководством, фундаментальными принципами церквей и религий, она не повредит обществу в целом, а только будет способствовать его оздоровлению.

Когда я писал эти заметки и поделился их идеями с одним нерелигиозным человеком, он сказал: «Вы касаетесь тем, которые у нас принято называть «негативными». А не задумывались ли вы: «Почему Бог, если он благо, не остановил всех ужасов нашего столетия?»

В ответ я напомнил ему знаменитый диалог в романе Герберта Уэллса «Джоан и Питер». Уэллс не был христианином, но подчас высказывал мысли, близкие христианству.

Герой романа спрашивает Бога о том же: почему в мире так много зла?

– А что? Вам, людям, это не нравится? – спросил Бог.

– Конечно, нет.

– Тогда измените все это, – был ответ.

И в самом деле, человечеству даны идеалы жизни, которые вдохновляли Паскаля и Достоевского, Андрея Рублева и Сергия Радонежского, доктора Гааза и мать Марию. При этом людям было сказано, что отход от идеалов ввергнет мир в хаос.

Стоит ли нам пассивно ждать нового всемирного потопа, или мы все же придем в себя и вернемся на путь разума, творчества, любви?..

Протоиерей Александр Мень

ТОПОР ИЛИ САПЕРНАЯ ЛОПАТКА?

Прошел еще год – весной 1995 года был отстранен от дела по расследованию убийства протоиерея Александра Меня третий руководитель следственной группы Московской областной прокуратуры – Михаил Белотуров. Но все же есть нечто положительное – к знакомству со следственным делом допущен сын убитого, депутат Московской областной думы от г. Сергиев Посада Михаил Мень. В канун пятилетия со дня убийства .. ответил на вопросы «МК» (5.09.95):

– **Михаил Александрович, как «потерпевшая сторона» вы получили доступ к 34 томам следственного дела. Я понимаю, что вы еще не успели ознакомиться со всеми материалами. Но каково ваше первое впечатление – насколько профессионально шло следствие?**

– Результатом пятилетних усилий следственной группы явилось обвинение, выдвинутое против Игоря Бушнева, о котором «МК» писал дважды. На мой взгляд обвинения против него носят более чем шаткий характер. Единственное «доказательство» против Бушнева – это его собственное признание. Впрочем, он не первый признается в том, что убил моего отца. Признание, тем более сделанное в тюрьме, не может считаться доказательством вины. На заключительном этапе следствия Бушнев заявил, что сделал признание под давлением следственной группы. Очень странным выглядит факт, когда Бушнев, находясь в тюрьме, письменно отказывается от услуг двух лучших адвокатов Москвы – Падвы и Гофштейна. Может ли человек, обвиняемый и признавшийся в столь страшном преступлении, находясь в здравом уме, отказаться от адвоката?

В апреле по решению суда Бушнев был освобожден из-под стражи и в настоящее время находится на свободе. Я не могу утверждать, что Бушнев не виновен. Я не следователь и даже не адвокат. В этом должно разобраться следствие. Но после ознакомления с делом, у меня возникло подозрение, что никаких серьезных улик против него не существует.

– **Почему так часто менялись руководители следственной группы? Почему столь уверенно выступил бывший директор ФСБ Сергей Степашин с заявлением, что преступник схвачен?**

– Это заявление Степашин сделал спустя пару дней после ареста Бушнева, в ноябре 1994 года. В начале декабря я встречал-

ся со Степашиным, и задал ему вопрос – на что он опирался в своем заявлении? Он простодушно ответил, что получил эти сведения от бывшего министра МВД Виктора Ерина. Доверившись Ерину, которого в свою очередь информировал генерал Владимир Колесников, курирующий следствие, Степашин сделал это громкое и в высшей степени сомнительное заявление. Почему менялись следователи, мне ответить трудно. Скорее это вопрос к главному прокурору Московской области, а может быть, даже к Генеральному прокурору России. Могу только сказать о направлении, в котором трудились руководители следственной группы.

Первый из них, Анатолий Дзюба, разрабатывал уголовную версию, поскольку ему «подсунули» предполагаемого преступника, жителя Семхоза, Геннадия Бобкова. Но он, по-видимому, не очень был склонен верить этой версии и одновременно разрабатывал другие. Наверное, поэтому он был вскоре смещен – всего спустя полгода. Я полагаю, что значительная доля вины за безрезультативность следствия лежит на нем. Из-за суженности подхода вне поля зрения следствия оказались многие важные факты, впоследствии безнадежно утраченные. Вторым руководителем был Иван Лещенков. Он разрабатывал принципиально другую версию. Лещенков полагал, и в этом ему тоже усиленно «помогали», что отец хотел создать в лоне Русской Православной Церкви какую-то особую «еврейскую» церковь. Лещенков считает и до сих пор, что убийство было связано именно с этой проблемой.

– **«МК» уже писал о роли бывшего иеродиакона Михаила Потемкина, человека явно с больной психикой, но в то же время активного сотрудника КГБ. Это он в начале 80-х передал пакет с «документами» американскому журналисту Данилоффу, после чего тот был немедленно арестован. После убийства секретаря митрополита Ювеналия – архимандрита Лазаря Солнышко (которое, кстати, также остается нераскрытым) Михаил Потемкин был арестован и полтора года провел в Бутырке без предъявления обвинения. Потемкин активно развивал идею об участии израильского Моссада в убийстве отца Александра. Лещенков обсуждал с вами свою гипотезу?**

– Со мной нет, но допрашивая прихожан отца Александра, неоднократно выпытывал «доказательства». Также и при допросах моей матери эта гипотеза постоянно фигурировала в деле...

– **Насколько я понимаю, Лещенков донине остается при своем мнении. Михаил Потемкин благополучно преподает историю в одном из университетов в Мадриде, а следственный воз и ныне там...**

– Поколебать уверенность Лещенкова не удалось никому. У меня возникло ощущение, что Лещенков считал, что мы хотим укрыть от него какие-то компрометирующие отца «доказательства». Допрашивая прихожан, он стремился собрать некий компромат на отца. Его кипучая деятельность имела и свои положительные стороны – в деле появилось немало важных и интересных материалов. Именно он собрал и приобщил к делу доносы на отца, протоколы допросов настоятелей храма, с которыми служил отец. Они, быть может, самая печальная иллюстрация того тяжелейшего кризиса, в котором находится ныне Русская Православная Церковь. Один из настоятелей – протоиерей Иоанн Клименко, с которым отец служил последние годы жизни, заявил на допросе после его гибели, что мой отец вообще был безграмотным человеком и он сомневается – закончил ли он даже среднюю школу? Конечно, при таком подходе возникает сомнение – а кто же писал книги за моего отца?

Немало в деле курьезных доносов – группа бдительных прихожан сообщает следствию, что к священнику Александру Меню (его фамилию надо читать как на иврите – справа налево) ходили подозрительные еврейские личности с толстыми портфелями. Но Лещенков нашел и приобщил к делу следственное дело Марии Витальевны Тепниной, осужденной в 1946 году. Она была подругой моей бабушки и также, как и она, принадлежала к катакомбной Церкви. Печально,

Игорь Бушнев

что Лещенков чрезмерно увлекся идеей раскрытия жидомасонского заговора. Видимо, ему казалось, что он напал на след этого заговора, о котором так долго талдычили националистические газетчики. Вероятно, он думал, что как только раскроет его – сразу же войдет в историю!

– Видимо, ему немало «помогли» консультанты из КГБ и Михаил Потемкин?

– Удивительно, что следователь знал, что такое экуменизм и даже составил «богословскую» анкету, которую предъявлял на допросах прихожанам и требовал, чтобы они ее заполняли. У меня возникло ощущение, что в голове у него все перемешалось. Анкета – образец богословской безграмотности. Лещенков руководствовался смешной идеей – отец отговаривал евреев уезжать в Израиль, а сионисты не могли с этим смириться и убили его. В материалах дела я наткнулся на такое забавное утверждение – поскольку, якобы, еврейские организации получают деньги за каждого эмигрировавшего еврея, то отец будто бы оставлял их без прибыли. Поэтому они его и убили! В конце концов даже у начальства лопнуло терпение и Лещенков был отстранен! На самом пороге своего вступления в историю!

– Ему на смену пришел Вячеслав Калинин, которому пришлось начинать все заново, с нуля!

– Именно он вновь обратил внимание на Бушнева, который сразу же после убийства отца был задержан, у него произвели обыск и, допросив, отпустили. Калинин занимался делом чуть меньше года. Он пришел к выводу, что против Бушнева нет улик и настоял на том, чтобы его отпустили. Начальству это не понравилось и Калинин был отстранен от дела. Сразу после этого в Московскую областную прокуратуру пришло письмо из Генеральной. В нем работа следственной группы была признана «слабой» и дело передали заместителю начальника следственного отдела Михаилу Белотурову.

– Знакомясь с материалами дела, не обнаружили ли вы каких-то существенных деталей, на которые не обратило внимание следствие?

– В 1990 году накануне убийства отца, жительница Семхоза, идя на работу, обратила внимание на человека, который прятался в кустах около дорожки. У нее сложилось впечатление, что этот человек кого-то поджидал и явно нервничал. Она вспомнила об этом, когда после убийства отца смотрела телепередачу – репортаж с похорон. В этом телерепортаже были использованы оперативные съемки МВД. И вдруг она увидела того самого человека (он стоял неподалеку от могилы и курил), которого видела утром 8 сентября. Она сочла своим долгом встретиться со следователями и рассказать им об этом подозрительном человеке. Ей показали фотографию «курящего» (так следст-

вие назвало этого человека) и она опознала его. Лещенков как-то за-верил мою маму, что «курящий» найден и что за ним установлено на-блюдение. Потом его фотографию показали экстрасенсу, услугами которого пользуются следователи, и она с уверенностью сказала, что этот человек прямо причастен к убийству отца. У меня сложилось впе-чатление, что из всех подозреваемых этот наиболее подозрительный.

– Значит, Лещенков постоянно следил за этим челове-ком? Я вас правильно понял?

– Увы! В деле об этом человеке нет ни слова. По нашей прось-бе Белотуров выяснял у оперативников – есть ли какие-то сведения о «курящем»? Оказалось, что никаких. Видимо, Лещенков сказал о том, что человек найден лишь для того, чтобы отвязаться от нас.

– Конечно, ведь в это время у него в Бутырьках находился Потемкин, который весьма стройно развивал версию сионист-ского убийства. Согласно этой версии – архимандрит Лазарь был «связным» отца Александра и получал для него из-за грани-цы деньги! А где же фотография «курящего»?

– Фотография в деле. Пылится, ждет – быть может, кто-то об-ратит на нее внимание. Хотя тот же экстрасенс утверждал, что этот «курящий» человек был вскоре убит и его труп находится на дне озе-ра в поселке Семхоз.

– Большинство друзей и прихожан отца Александра схо-дится в том, что мотивы убийства отца Александра были поли-тическими и что в нем замешано КГБ. Следствие до сих пор не может установить, чем был убит священник – топором, сапер-ной лопаткой или каким-то другим острым и тяжелым предме-том. Что вы думаете о мотивах убийства и о причастности КГБ?

– Уже в 1985 году партия власти начала отчетливо понимать – чтобы сохранить власть, необходимы реформы. Мне кажется, что было заключено негласное соглашение с народом – вы получаете свободу слова, свободу передвижения и свободу предпринима-тельства, а мы сохраняем полноту власти! Но важно было перерас-пределить власть и быстро провести приватизацию народного хо-зяйства! Но возникла некая неувязка. Падение коммунистического режима привело к глубочайшему идеологическому кризису. Воз-ник идеологический вакуум. И тогда партия власти сделала ставку на Православие. Ей не нужно было христианство с присущими ему идеалами свободы, универсализма, независимости от государства и ценности любой человеческой личности. Партия власти нуждал-ась в послушной церковной структуре, обслуживающей нужды го-сударства, в национальной религии с пышным, эстетически впе-чатляющим культом. Им нужна была религия, где все концентриру-ется вокруг обряда – написать записочку, встать у телекамеры с за-

жженной свечкой, выслушать акафист, совершить крещение, венчание или отпевание – вот и вся религия!

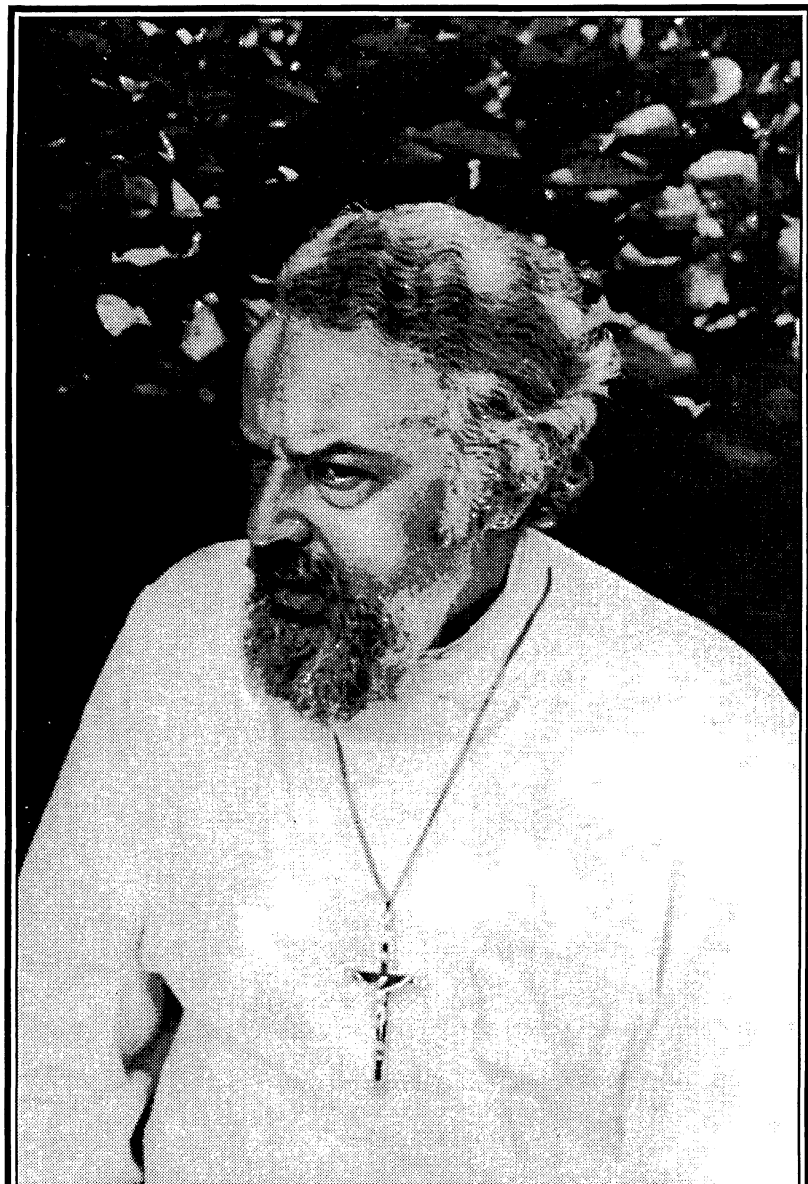
Парторгов необходимо заменить священниками, священники должны прийти в армию, МВД и КГБ. Ручное, полупридушенное Православие, почти переродившееся в язычество – вот идеал партократии. Такое Православие по их мысли должно было прийти на смену коммунистической идеологии и стать национально-государственной религией. Мой отец был олицетворением духовных ценностей христианства, совершенно неприемлемых для партии власти. В 1990 году он уже достиг всероссийской известности и пользовался все возрастающим авторитетом. Он представлял для политических игр партии власти реальную угрозу и поэтому был убит. Но они просчитались – голос отца звучит и после его гибели, его книги широко издаются, а влияние его идей продолжает расти. Более того, отец не был одинок в Русской Церкви – в Ней и сегодня немало живых и творческих сил, способных противостоять неоязычеству.

– Отца Александра многие упрекают в том, что он «извращал» Православие. Что вы можете сказать по этому поводу?

– Я не хочу ничего придумывать. Я просто процитирую слова Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, из его интервью Анатолию Красикову, которое он дал в 1992 году: «Отец Александр был талантливым проповедником слова Божия, добрым пастырем Церкви, он обладал щедрою душою и преданным Господу сердцем. Убийцы сотворили свое черное дело в момент, когда он мог бы еще так много сделать для духовного просвещения и окормления чад Церкви. Не все его суждения полностью разделялись православными богословами, но ни одно из них не противоречило сути Священного Писания. Где как раз и подчеркивается, что «надлежит быть разномыслиям между вами, дабы выявились искуснейшие».

– И все же многое удалось сделать – националистический крен в Православии становится сильнее год от года. В Москве издаются всевозможные листки православно-националистического уклона...

– Мой отец был оптимистом. Не все гладко складывается у партии власти. Кое-что им удастся, но далеко не все! Ситуация в России сильно изменилась. В стране действительно существует гласность. Те, кто так или иначе причастны к убийству отца, стараются сделать все, чтобы следствие зашло в тупик. Но сегодня они не всевластны, их контроль велик, но уже не носит тотального характера. Их давлению можно вполне противостоять. Я уверен, что рано или поздно тайное станет явным! Я не могу сказать, когда это произойдет, но это время непременно настанет! Что для нас важно сегодня, чтобы в убийстве отца не был обвинен невинный человек!

Александр Мень
1989 год. Фото А.Лихачева.

На второй странице обложки – место убийства отца Александра Меня.

*На третьей странице обложки – храм, в котором происходило отпевание
отца Александра Меня.*

Редактор: *Евгений Комаров*

Над книгой работали: *Лариса Понкратова, Елена Суетенко,
Ирина Бернацкая, Марина Морозова*

Художественное оформление: *Светлана Барышникова*

Вёрстка: *Михаил Новосельцев*

Производственное обеспечение: *Борис Дементьев*

Русское рекламное издательство

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 064148 от 28.06.95.

Подписано в печать 03.06.96.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная №1.

Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная.

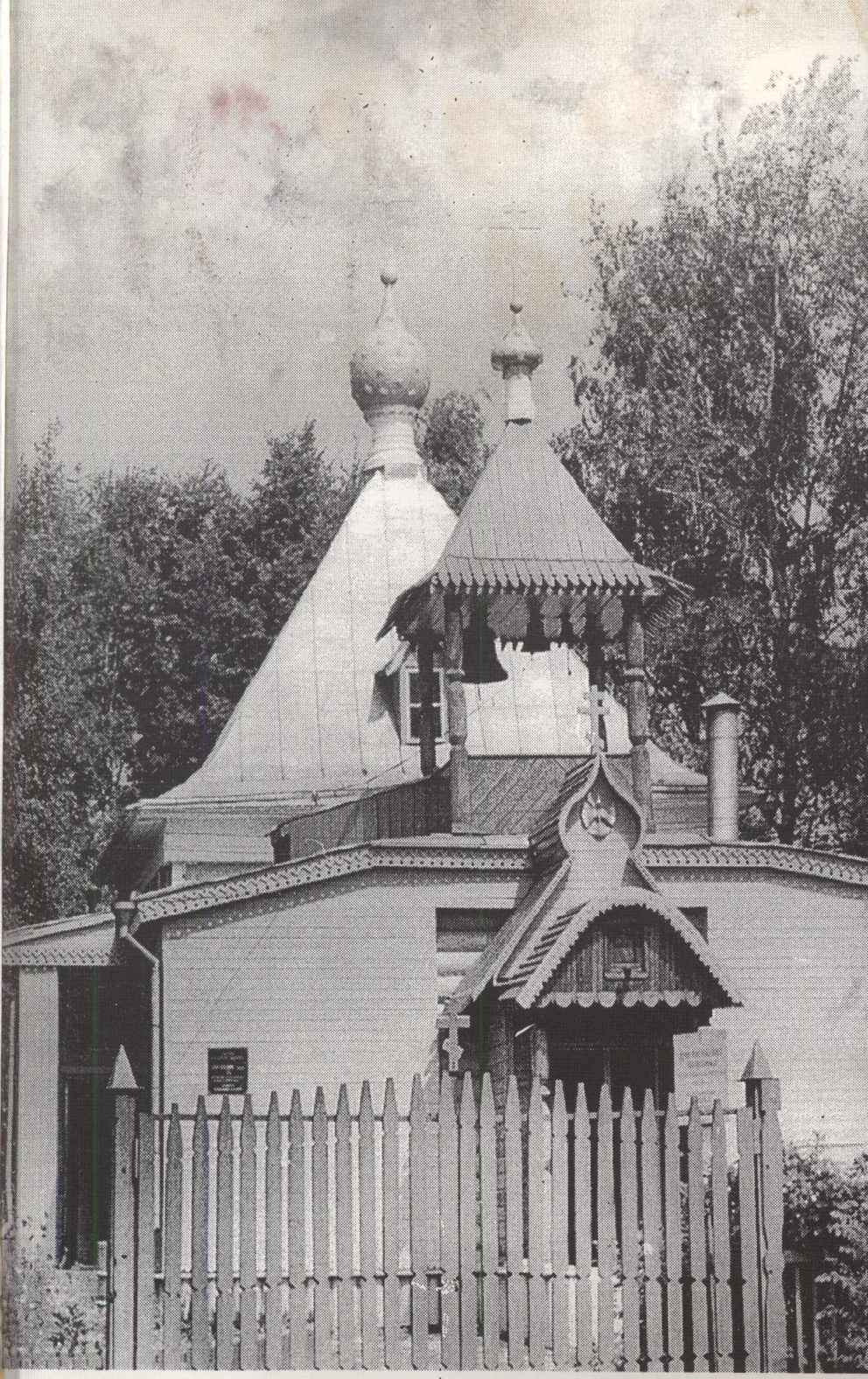
Чеховский полиграфкомбинат

142300, Московская обл., г. Чехов.

Заказ № 2484

Тираж 10000 экз.

Цена свободная

«Отец Александр был талантливый проповедник слова Божия, добрым пастырем Церкви, он обладал щедрой душой и преданным Господу сердцем. Убийцы сотворили свое черное дело в момент, когда он мог бы еще так много сделать для духовного просвещения и окормления чад Церкви. Не все его суждения полностью разделялись православными богословами, но ни одно из них не противоречило сути Священного Писания. Где как раз и подчеркивается, что надлежит быть разномыслиям между вами, дабы выявились искуснейшие».

A handwritten signature in black ink, consisting of a large, stylized initial 'A' followed by a smaller, more legible signature.

**Патриарх Московский
и всея Руси
Алексий II**